

Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»
Научно-исследовательский институт прикладной культурологии

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

ТОМ 1(5)

Кемерово 2008

УДК 008
ББК 71.4(2)
У91

Печатается по решению научного совета НИИ прикладной культурологии
при ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Редколлегия:

П. И. Балабанов – доктор философских наук, профессор,
член-кор. Российской академии естественных наук,
член-кор. Российской академии естествознания,
акад. Петровской академии наук и искусств,
главный редактор;

И. Ф. Петров – доктор философских наук, профессор,
член-кор. Российской академии естественных наук,
акад. Петровской академии наук и искусств,
зам. главного редактора;

Н. Т. Ултургашева – доктор культурологии,
член-кор. Петровской академии наук и искусств,

Е. М. Бородина – кандидат культурологии,
член-кор. Петровской академии наук и искусств;

И. А. Сечина – кандидат философских наук,
ученый секретарь НИИ прикладной культурологии

Т. В. Сафарова – кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник НИИ прикладной культурологии

Ответственный за выпуск – научный сотрудник НИИ
прикладной культурологии **Н. А. Дорошенко**

У91 Ученые записки НИИ прикладной культурологии [Текст]: науч. журнал /
Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово:
Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. – Т. 1(5). – 204 с.

ISBN 978-5-8154-0147-1.

УДК 008
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-8154-0147-1

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2008

I. СТАТЬИ

Культурология и краеведение

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК МЕТОД АУТЕНТИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ

А. Н. Городищева

Современная культура во многом сложилась под воздействием новейших технических средств массовых коммуникаций – телевидения, видеотехники, компьютерной техники. Возникли условия появления новых культурных феноменов, которые напрямую связаны с информационными технологиями. Но для того чтобы эти феномены вписались в систему культуры, необходимы разработка и распространение особого способа понимания и объяснения культуры. Системное осмысление результатов взаимосвязи культуры, цивилизации и техники, знания, полученные культурологией, кибернетикой, теорией систем, науковедением, открывают возможность в поиске выбора наиболее подходящей альтернативы традиционным способам построения культуры, оценке эффективности каждой альтернативы и необходимых для ее реализации ресурсов. Как ни странно это прозвучит, но глобализация может стать тем методом, с помощью которого культура будет трансформироваться, сохраняя свою целостность.

Современный взгляд на культуру сформировался в античности, практически определив все дальнейшее ее развитие. Согласно этой традиции, культура определялась с позиций ценностной философии, а мир представлялся как целостная, стабильная система, со своими законами развития, которые не менялись столетиями. Но появилась

уникальная, информационно-компьютерная техника, которая, встраиваясь в мир, разрушила традиционные взгляды на мир. Мир стал меняться, время и пространство сжались, и он все больше стал осознаваться единым целым. И общество вступило в новую стадию своего развития.

Уже не ведутся споры о названиях стадий общества, а идет планомерное изучение информационного общества. По сути, информационные процессы заставили по-новому обозначить проблемы оснований культуры, цивилизации и т. д. «Подлинную силу и первостепенное значение, – указывает В. А. Кутырев, – формальная рациональность приобретает с переходом человечества к информационному обществу, применением компьютерных технологий. Они не преобразуют природу, меняя ее облик и организацию, а создают субстанционально новые, никогда не существовавшие на Земле вещи и вещества, да фактически и существа. Возникает арт-бытие, сверхсложные нелинейные системы, функционирование которых не зависит от человеческих ценностей и потребностей. Оно само выдвигает свои цели, лишь оформляя их в виде наших потребностей, либо подавляя ценностное сознание вообще» [1]. Методы, использовавшиеся в естествознании, философии, социологии в прошлом, уже не могут быть использованы при изучении современных феноменов культуры

из-за свойственных им ограничений. При этом давление редукционизма все более ослабляется холистским и контр-редукционистским подходами, позволяющими познавать высшие целостные свойства новых информационно-культурных объектов.

Необходимость метода, позволяющего анализировать сложные проблемы как целое, обеспечивающего рассмотрение многих альтернатив, помогающего вносить измеримость и отражать неопределенность, заставила ученых искать такую методологию. Получившаяся в результате развития и обобщения широкая и универсальная методология решения проблем была названа ее авторами «системным анализом» [2], а научный подход, использующий эту методологию, – системным. Системный подход, приобретая все большую популярность, основной задачей все же оставляет сохранение логической целостности процесса решения проблемы. Данная методология была впервые использована в решении военных проблем, но скоро выяснилось, что многие общественные проблемы не только допускают, но и требуют ее применения.

В последние годы культура осмысливается как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [3]. На основе системного подхода в культурологии оказалось возможным рассматривать культуру как самоорганизующуюся систему и предложить для ее понимания и объяснения модель коммуникативной системы, основанную на идеях М. Маклюэна. В этом аспекте культура – это система, складывающаяся и функционирующая во взаимодействии

объективной (любые культурные объекты) и субъективной («слепок» культуры в сознании) форм; рациональной и эмоционально-чувственной ее составляющих; культурно-инновационных механизмов и свойственных культуре способов обеспечения себе-тождественности; процессов производства, распространения (трансляции) и «присвоения» культурных ценностей и др.

Сложность реализации системного подхода в культурологии объясняется, прежде всего, тем, что и культура в целом, и сами по себе отдельные ее компоненты (искусство, этика, религия, мифология, технологическая культура и т. п.) представляют собой системы высокой сложности (их характеристики изучаются различными областями гуманитарных исследований, внутри которых, в свою очередь, возникают различные школы со своими научными «доминантами») [4]. Вполне закономерно замечание, что не все компоненты культуры принимают системность, однако именно такие компоненты подлежат изучению средствами системного подхода.

Появление математических теорий хаоса, возникших в недрах компьютерных отделений крупных университетов, описывающих нашу вселенную как прерывистое поле природных явлений, позволило анализировать такие сложные системы, как фондовая биржа и погода, получать потрясающе точные результаты. И совсем не удивительно, что и культура стала описываться в терминах таких теорий, где она определяется как «суперсистема человеческой культуры», состоящая из знаний, верований, образцов и норм, осуществляющая рефлексию ценностей существования и поэтому предстающая как ценностное самосознание эпох человеческой истории [5].

Как показывает практика, кризисная ситуация в обществе всегда бывает связана с недооценкой базовых культурных феноменов, а именно: этических и эстетических норм, правил, клише, традиций, привычек, религиозных воззрений и т. д. Именно все многообразие национальных культурных феноменов и является наиболее значимым, необходимым фактором для поддержания стабильности общества. Рассматривая культуру в терминах теории систем, а ее феномены – в терминах системных объектов, свойств и связей, проблемы общества можно описать как состояния системы, характеризующиеся различием между необходимым желаемым исходом и существующим результатом, но, по мнению В. С. Степина, «сегодня мы живем в состоянии фазового перехода, когда техногенная цивилизация вступила в стадию радикальных изменений. Фазовые переходы в общественной жизни – это состояния динамического хаоса, неустойчивости, разрывов прежних социальных связей, это периоды социальных кризисов, эпохи, когда меняется прежний тип социальной организации. Если использовать синергетическую терминологию, то можно сказать, что прежний порядок сменился динамическим хаосом, из которого может возникнуть какой-то новый порядок (новый тип организации социальной жизни)» [6]. Функционирование культуры всегда определяется существующей картиной мира, в которой и заложен тот необходимый желаемый исход, определяющий стабильность общества. Но если картину мира исказить, например, с помощью идеологии, информационных технологий, СМИ, Internet, то изменится и смысл желаемого исхода решения проблемы. В результате возникает конфликт между заложенными в культуре духовными ценностями и ценностями абстрактными, насаждаемыми техни-

ческими средствами, который может привести к гибели культуры.

Современная жизнь встраивает в систему культуры принципиально новые типы объектов, которые имеют другой тип устройства, иной принцип и характер деятельности, реализующийся в производственных и социальных технологиях. Речь идет о сложных саморазвивающихся системах, среди которых главное место занимают человекоразмерные, включающие человека в качестве своего особого компонента. Такие системы пока сложно воспринимаются культурой, поэтому часто они определяются как чуждые и отвергаются. «Неоотехносфера есть результат и продукт природы, – пишет В. А. Кутырев, – а природа – продукт и следствие неоотехносферы. Так происходит «переворот миров», а культура здесь – пустое слово, гуманитарная упаковка техники и технологии. В силу своей пустоты оно маскирует потерю ею собственной специфики как конкретной эволюционной формы человеческого духа» [7]. Начинается длительный процесс борьбы за выживание, приводящий к формированию новой системы культуры, где одной из частей становится человекоразмерная система, либо система погибает. Из хаоса должен возникнуть новый порядок, а какой он будет, во многом зависит от того, какую систему новых ценностей сформирует культура. Так, в случае гибели биосферы не придется говорить о культуре, так как мы потеряем человека.

Следует отметить, что попытки учесть факторы и технологического, и гуманитарного порядка предпринимаются постоянно, но всегда отмечается, что не хватает «жизнеспособного образа мысли» (И. Б. Новик, К. Е. Омаров), «интеллектуализации человека» (Н. Н. Моисеев), морально-нравствен-

ной трансформации человека, чувства глобальности, любви и справедливости и т. д. – то есть всего того, что можно назвать базовыми свойствами культуры как системы. Значит, принимаемые в качестве аксиом правила, кодексы, законы, положения культуры и выступают границами общественной системы, определяя степень применимости нововведений.

В современном мире ведущую роль при оценке культуры постепенно приобретает отношение к технике, потому как техника всегда выступает как усиление и продолжение сил и возможностей человека. И если на предыдущих стадиях развития основой сохранения своей национально-культурной специфики были традиции, обряды и ритуалы, то сейчас основную роль стали играть компьютерная техника и информационные технологии, посредством которых пытаются сохранять национальную культурную специфику и формировать защитные механизмы культуры. Последняя проблема – социокультурное измерение техники – только начинает разрабатываться и далеко не всеми еще осознается как проблема.

Тем не менее, уровень развития соответствующих технологий определяет правила поведения тех, кто их создал и ими пользуется. Сложные информационные системы, встраиваясь во все сферы жизни человека, не только повышают производительность труда, увеличивая скорость передачи информации, но и накладывают на человека небывалую ответственность. Повышается степень риска от использования новых технологий, а человек уже не может полагаться только на здравый смысл, заложенный в него культурой, так как в отличие от привычных технических систем, информационные системы – саморазвивающиеся системы, и они требуют

постоянного развития интеллектуальных способностей человека. В силу этого формирование информационной культуры как саморазвивающейся системы приобретает глобальное значение.

Дело в том, что с созданием информационных систем нового типа (в частности, нового виртуального пространства Internet) возникли сложности ранее неизвестные. Информационная революция второй половины XX века вызвала к жизни не только увеличение информационно-коммуникативного взаимодействия между людьми, но и изменила их образ жизни, социальные и культурные механизмы. Именно поэтому информационно-коммуникативные аспекты мировой культуры оказались в центре внимания представителей ученого мира практически всех направлений современной науки. По мнению В. А. Кутырева: «Сутью культурного кризиса нашего времени является вытеснение ценностей технологиями. Человек перестает жить и начинает функционировать. Продолжают существовать и старые варианты осознания этого кризиса – как превращение культуры в цивилизацию» [8]. Поэтому можно говорить о возможности и актуальности рассмотрения особенностей информационной среды с цивилизационно-культурных позиций.

В данном случае речь идет об информационной среде, где существенно возрастает сила воздействия не только на природные и социальные процессы, но и на самого человека, где возникает множество вопросов: почему же так привлекателен мир виртуальный и что же делать, чтобы в реальном мире было так же комфортно, как в виртуальном? По нашему мнению, ответы на эти вопросы можно получить, лишь пересмыслив понятие культуры (в частности – информационной культуры) с позиций системного подхода.

В условиях интеграции и возрастающего разнообразия мира сталкиваются и вступают в диалог различные культуры. Идет поиск согласия при решении конфликтных проблем, наиболее острых противостояний, которые сегодня нарушают мировую стабильность и могут иметь катастрофические последствия. Системный подход неожиданным образом наводит на проблему диалога Востока и Запада. И это очень важно, если иметь в виду проблемы диалога культур как фактора выработки новых системных свойств и новых стратегий цивилизационного развития.

Обзор техники, технологии, истории, философии, культурологии XX столетия показывает, что в их системе сформированы положения, которые ведут к основам определения информационной культуры. Информационная реальность воздействует на человека, заставляя его проявлять интуицию, воображение и творческие способности, стремительными темпами идет формирование новых ценностей культуры, мотивов поведения, эмоций человека. «Нынешнее время как бы согласилось с тем, что *все* ценности суть не что иное, как условности, знаки, которыми люди обмениваются в определенных коммуникациях, чтобы, например, сделать эти коммуникации более удобными, эффективными и даже вообще возможными, — считает В. Н. Порус, — Ценности, образующие культуру, подчиняют человека, ограничивают его, “втискивают” в рамки, а симулякры обслуживают его интересы и потребности. Характер этих интересов и потребностей более не проблематизируется, достаточно того, что они есть, и все тут. Симулякры не претендуют на универсальность или неизменность, главное, чтобы — здесь и теперь — они выполняли свою функцию и выполняли ее успешно. Они вводят-

ся в “обращение” и выводятся из него по мере надобности. Если культуру понимать в классическом духе как горизонт универсальных ценностей, служащих ориентирами человеческих дум и дел..., то наше время *уже обходится без культуры* — это время симулякров, время культуры как симулякра» [9]. При этом исследователи рассматривают две модели возникновения информационного пространства, которые явно или не явно связывают с двумя типами культур — Западной и Восточной. Одна модель подразумевает принятие информационного содержания мира как порождения природы, где развитие информационных технологий подобно корням биологического организма, стремящимся к росту, усложнению и спариванию, а их «поведение» наделено эмоциями. Другая модель, ставшая возможной благодаря появлению компьютеров, рассматривает информационную цивилизацию как непреднамеренную реализацию «комплексной системы» общества. Решение проблем осуществляется в любом обществе, с любым типом культуры и цивилизации, а конкретные формы проявления проблем и их содержание, причины возникновения, формы организации решения проблем и содержание решений всецело зависят от типа общества. Но и первая, и вторая модель позволяют решать появившиеся проблемы современного общества.

Исследование обществ различного типа показало, что на протяжении всей своей истории в западной традиции определение культуры всегда произвольно, всегда продиктовано теми или иными задачами, целями и т. д. Культура выступает как проявление свободы воли, а цивилизация — как инструмент необходимого ограничения и подавления этой свободы. Культура раскрывается как некая социальная технология, за ко-

торой закрепились роль служителя развитию «индивидуально-своеобразных» личностей, становлению потребностей, управлению процессом формирования потребностей, шкал ценностей, конкуренции тех, кто готов удовлетворить спрос на те или иные ценности: здоровье, культурные ценности, ценности быта и т. д. Отмечая в культуре традиционность, уникальность, неповторимость, оформленную социальными институтами цивилизации, исследователи видели, что именно традиция определяет непосредственные цели, конечный смысл действий и устойчивость Восточных обществ. Здесь человек живет только в обществе с другими людьми, и регулирование общественных отношений складывается на основе норм нравственности, обычаев, предписаний, идеалов совместного производства (материального и духовного), совместного преодоления трудностей климатического, географического, геополитического плана и т. д. Наука и технология в своем развитии всегда согласовывались лишь с западной системой культуры, а теперь выясняется, что современный информационный тип научно-технологического развития можно согласовать с альтернативной системой восточной культуры. Так, если в западной культурной традиции представление о биосфере появилось только в XX веке, то на Востоке это понятие в определенном смысле складывается на организмический образ природы. Или принцип ненасилия восточных культур оказывается неизбежным при работе со сложными человеко-техническими системами и т. д.

Процесс глобализации предстал в своей сегодняшней фазе как повсеместное встраивание в жизнь унифицированных информационных технологий, которые пришли на смену глобализации национальных рынков. Глобальное ин-

формационное пространство существует вне культур и цивилизаций, оно само диктует условия межкультурной и межобщественной коммуникации. «Чем определены законы функционирования глобального коммуникационного пространства? – спрашивает В. В. Мионов. – Они определены техническими условиями и возможностями и тем языком общения, который репродуцируется внутри этого пространства. Возникает собственный единый язык общения. В результате этих процессов культуры общаются не за счет смысловой адаптации, переводя неизвестные им смыслы иной культуры на свой язык, а за счет совпадающих компонентов (того, что понятно всем), то есть за счет одинакового, а значит, и наименее смыслового. Чем меньше смысла, тем легче обеспечить общение. Повторю, глобальное коммуникативное пространство заставляет культуры функционировать по его законам» [10].

Однако общество – это система, живущая по своим законам. Каждый тип общества имеет свою программу сохранения. Как Восточное, так и Западное общество, независимо от периода цивилизационного развития, сохраняет ту общественную структуру, ту самобытную специфику собственной культуры, которая обеспечивает его устойчивость и национальную безопасность. Сегодняшняя реальность показала, что в случае общества с восточным типом культуры общественные системы сохраняют свою стабильность благодаря уничтожению элементов чуждых принятой социальной структуре, а в случае общества с западным типом культуры – рождают новые социальные структуры, но результат практически всегда одинаков. Следовательно, развитие определяется не только изменениями, происходящими в экономике, политике, социальной

структуре, но и способностью общества на данный момент воспринимать новые внешние факторы развития, то есть способностью к адекватной реакции. Поэтому появление новой основы мироздания в виде информации актуализировало поиски тех основных принципов, которые составляют сущность современных цивилизаций, определяющих их реакцию на новшества.

«Ранее культуры были естественным образом отдалены друг от друга, – пишет В. В. Миронов, – представляя собой некую слабую систему локальных культур. Общение между такими локальными культурами велось в рамках достаточно узкого межкультурного диалога. Для познания иной культуры мы должны были посредством языка погрузиться в иную культуру, адаптировав для себя ее смыслы и поведенческие стереотипы. Это было характерно для всей классической культуры. То есть выражение типа “общечеловеческая культура” здесь было явной натяжкой. Оно не отражает сути диалога. Перед нами была слабая система локальных культур. Именно поэтому культуры данного типа строились, прежде всего, на этнических и религиозных принципах, которые создавали мощный иммунитет для проникновения в них “чужих” культурных элементов. Чужая культура, как бы мы ее ни уважали, всегда была “хуже” своей. Диалог культур выступал как процесс адаптивно-адаптирующий, позволяющий активно избирать, что можно пропустить в свою культуру, а что нет» [11]. Практически для ведения диалога были нужны четкие границы для своей и чужой культуры, которые во многом определяла национальная культура. Национальная культура подсказывала решения, диктовала модели поведения и позволяла человеку ощущать себя творцом мира. В процессе расширения сфе-

ры коммуникации, увеличения объемов межкультурного диалога национальные различия стали сглаживаться. Общества разных типов вынуждены подстраиваться под изменившиеся условия.

При этом в обоих случаях осуществляется «подгонка» новых структур под желаемые стереотипы, свойственные каждому типу общества, многие закономерности и отношения, приобретаемая новое содержание, продолжают рассматриваться с прежних позиций. Используя информационные технологии, Запад, особенно США, пытается укрепить свою миссионерскую роль и продолжает насаждать народам всего мира ценности западной демократии, свободного рынка, прав человека, верховенства закона и индивидуализма под маской общечеловеческих ценностей и общечеловеческой культуры. «Еще более эту ситуацию усиливает интегрирующий фактор Интернета, который обеспечивает техническую сторону общения. Интернет фокусирует в себе многие дорогостоящие научные достижения человеческой мысли, выведя возможности общения в сферу неограниченности, но мы уже видим, что смысл этого общения достаточно невысок, кроме обеспечения решения оперативных технических задач функционирования общества» [12].

Использование технологий информационного воздействия позволяет как можно дольше удерживать весь мир в границах своего понимания, корректируя окружающие Запад общества, а не само западное общество. Как показывает практика, Западу нет дела до всего остального человечества, если его нельзя «потреблять», или эксплуатировать. Но особенность нынешней ситуации такова, что, приобретая новые знания, используя информационные технологии, укрепляя свою цивилиза-

ционную особенность, традиционные цивилизации испытывают все меньший интерес к «универсальной» западной культуре и стремятся сохранить свою, традиционную. То, что Западу кажется прогрессивным, иные цивилизации воспринимают уже как информационное вторжение, потому что сложные самоорганизующиеся системы в процессе внешнего воздействия переносят процессы обновления во внутрь системы. Они меняют структуру, обновляют элементы системы и в процессе противостояния приобретают новый опыт выживания, а часто и уничтожения разрушающих воздействий.

Почему-то принято считать, что развитие – это обязательно путь наверх и основу этого пути составляет процесс усложнения системы общественных институтов, смена основной культурно-ценностной парадигмы, возникновение качественно новых сценариев развития общества, а деградация неизбежно связана с процессами разрушения. Однако известно, что у каждой системы свой порядок и существует этот порядок до тех пор, пока существует система.

Как показывает системный анализ, научное познание и технологическая деятельность со сложными саморазвивающимися общественными системами – такими, как культура и цивилизация, предполагают учет целого спектра возможных траекторий развития систем в точках бифуркации. Известно, что в любом обществе существуют свои способы защиты, которые образуют так называемый «фильтр» для информации, поступающей извне. Это, в первую очередь, возможности культуры сохранять моральные и нравственные нормы, способствующие сплоченности общества, а в широком смысле – сохранению его структуры. Реальное воздействие на них с целью познания или изменения

всегда связано с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных. И ориентирами при этом служат не столько знания, сколько нравственные принципы, заложенные в культуре, налагающие запреты на опасные для человека эксперименты с системой и ее преобразованием. Передаваемые из поколения в поколение знания, правила, догмы, привычки, которые не подвергаются сомнению, с появлением нового фактора в основании общественного развития, новой информационной реальности, заставляют пересматривать людей ценность данных установок в новых условиях. Такой пересмотр совершается и сознательно, и бессознательно. Сознательно принимаются те способы и формы действий, которые сохраняют устойчивость общества и окружающей среды, а бессознательно принимаются те установки и цели, которые насаждаются в ходе информационной агрессии.

Насаждение Западом чуждой Востоку социальной структуры общества ведет к расшатыванию, а впоследствии и разрушению всего общества. Так, «передовые страны Запада, устраняя наружные проявления экологического кризиса, продвинулись дальше по пути перерастания в кризис культурно-антропологический. Не случайно в своих самоопределениях они почти исключили из лексикона слова: *жизнь, культура, личность, духовность*, заменив их на: *функционирование, цивилизация, человеческий фактор, интеллект*. Вместо общества возникает социотехническая система, в которой люди, сражаясь с техникой, особенно компьютерной, теряют самих себя, ведут “виртуальное существование”» [13]. Созданные цивилизационные структуры, выполняют не свойственные функции, что реально не только не содействует становлению информационного общества, но и усугуб-

ляет мировой информационный кризис. Отведение основной роли технологиям влечет за собой доминирование технологических тенденций в формировании социальных институтов, им придаются функции, которые становятся не движущими, а тормозящими факторами в процессе становления информационного общества. Неадекватность насаждаемой модели внутреннему содержанию Восточного общества ведет к активизации и провоцированию конфликтов.

Межнациональные конфликты, терроризм, разрушительные социокультурные воздействия, информационные войны – все эти явления обусловлены не только и не столько лежащими на поверхности экономическими и политическими причинами, а, скорее, – социально-информационными и идейно-технологическими основаниями. Ведь современные военные межнациональные конфликты – это конфликты разнородных и противодействующих информационных технологий, воплощающихся в социальные и культурные формы, и недочет этого фундаментального положения приводит к бесконтрольному социально-технологическому, информационно-культурному разрушительному влиянию извне и к неспособности затормозить и уничтожить внутренние деструктивные тенденции. А между тем именно адекватный подход к пониманию основ информационной цивилизации и культуры может оптимальным образом разрешить вредоносные для общества конфликты. «Тревожась за судьбу человека, за его перспективы как целостного существа, наряду с телесностью, надо беспокоиться о состоянии его духовности. Оно зависит, прежде всего, от образа жизни, который ведут люди. От отношений, в какие они вступают друг с другом. В информационно-интеллектуальной среде духовное

нуждается в защите не столько от противников (в явном виде их как бы нет), сколько от сторонников, от тех, кто о нем много говорит, а фактически истощает, выхолащивает, подменяет чем-то иным» [14]. Налицо все признаки системного кризиса культуры, однако именно кризис потенцирует создание систем нового типа и создает условия для их функционирования.

Информационное общество невероятно расширило пределы возможностей выбора форм поведения (деятельности) людей. Безграничные возможности удовлетворения самых разнообразных потребностей, неиссякаемые источники развлечений, доступность практически любой информации способствуют формированию в самосознании человека своего собственного образа, выровненного (уравненного) в возможностях со всеми. Принцип разнообразия ворвался в родственные, семейные, дружеские отношения. Это, с одной стороны, усиливает индивидуалистические тенденции в становлении личностных качеств современного человека, а с другой, приводит к потере индивидуальных, национальных, гендерных свойств культуры личности. Эти и многие другие особенности новых цивилизационных отношений, прямо или косвенно оказывающих влияние на современные процессы, обозначили проблему необходимости всестороннего исследования цивилизации как системы в контексте социокультурной реальности нашего времени. Трудности адаптации человека к современным условиям его бытия настоятельно требуют разработки новых социальных механизмов стабилизации культурно-цивилизационных процессов, поиска новых социальных форм упорядочения информационного пространства, способных про-

тивостоять деструктивному влиянию «информационных вирусов».

Эпохи разрывов и радикальных перемен есть состояние перехода от одного типа социальной организации к другому. И переоценка ценностей всегда завершается становлением нового культурного гено типа, который призван обеспечить устойчивость того или иного типа цивилизационного развития. То, что мы сейчас переживаем, С. П. Расторгуев называет «информационной войной» [15], Д. Рашкофф «эпохой заражения медиавирусами» [16]. Еще в 1960-е годы М. Маклюэн в работе «Средство само есть содержание» писал: «Общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений... Электронная техника питает и поощряет процесс объединения и спутывания. Не зная действия средств коммуникаций, невозможно понять общественные и культурные изменения». Но его призыв так и не был услышан до тех пор, пока не наступила эпоха перехода к информационной цивилизации.

Для разрешения различных социальных и межгосударственных конфликтов все чаще используется информационная сфера, что порождает такое явление, как информационное противоборство. Применяемые при этом средства имеют своей целью, как правило, управление информационным обеспечением деятельности в целях изменения ее в нужном направлении. Одним из способов сохранения порядка является корректировка информации, поступающей из окружающей среды. Регулирование в области поступающей информации может быть обеспечено не только правовыми средствами, но и культурными нормами, которые все

в большей мере должны формировать правила поведения, которые не нуждаются в государственном принуждении, а органически входят в отношения людей и организаций. «Существует и иной сценарий, который связан с изменением базисных ценностей техногенной культуры, – считает В. С. Степин. – В этом сценарии постиндустриальное, информационное общество рассматривается не как очередной этап техногенной цивилизации, а как переходная стадия к новому типу цивилизационного развития. Тогда следует ожидать радикального изменения базисных ценностей (смыслов мировоззренческих универсалий) техногенной культуры. Такие изменения можно интерпретировать как возможную духовную революцию, соизмеримую с той, которая произошла в эпоху Возрождения» [17].

Следовательно, выбирая сегодняшнюю стратегию, явно или бессознательно цивилизация просчитывает ее неизбежные последствия во времени, определяя, сможет ли она достичь запланированной цели. Чем лучше решаются задачи предсказания, тем дольше живет общество и тем меньше сил надо тратить на поддержание актуальных способов защиты. Новые информационные технологии создают лишь новые возможности, спектр которых постоянно расширяет поле выбора отдельных цивилизаций, обществ и отдельного человека, но не меняют их основополагающих принципов.

Как показали события последних лет, свобода и открытость информации не может отождествляться ни с технологическими достижениями, ни с информационной техникой и доступностью информации. Катастрофы последних лет (экологические, техногенные, социальные и др.) являются тому подтверждением. Вся информация, в том числе и

виртуальная, является отражением материального мира и отношений, сложившихся в обществе. Сделать единым весь фронт информационного пространства, а значит, и всей общественной, политической, экономической и прочей жизни, общество не готово. «Для нашего выживания главное – уметь различать, что принадлежит культуре, а что – технике, и иметь волю поддерживать те области, которые нуждаются в помощи и защите... Базисное знание и здравый смысл, общение, понимание и созерцание, ориентация на человека как на целостное существо – вот ценности, которые сейчас деградируют и нуждаются в поддержке» [18]. Поэтому воспитание людей в духе системного мышления, ответственности за использование инфор-

мации, информационных технологий и уменьшения рисков должно стать основой информационной культуры.

Однако для того, чтобы преимущества информационной цивилизации стали реальностью, политика в области информатизации должна отражать и технические, и социальные, и культурные императивы, а также роль средств информации (включая средства массовой информации) в становлении информационной цивилизации. Именно специфичные для каждой культуры и нации особенности восприятия техники, технологии, природы, человека, общества определяют внутренние и внешние конфликты цивилизации и культуры и таким образом – пути развития общества.

Примечания

1. Кутырев, В. А. Культура и технология: борьба миров. – М., 2001. – С. 23.
2. Никандров, С. П. Системный анализ: этап развития методологии решения проблем в США // http://or-rsv.narod.ru/Concept/Nikandrov_003.htm
3. Степин, В. С. Культура // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С. 61.
4. Культурология XX век. Энциклопедия. – СПб., 1998. – Т. 2.
5. Момджян, К. Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – С. 609.
6. Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4.
7. Кутырев, В. А. Указ. соч. – С. 21.
8. Там же. – С. 24.
9. См.: Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 24.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Кутырев, В. А. Указ. соч. – С. 5.
14. Там же. – С. 117.
15. Момджян, К. Х. Указ. соч. – С. 608.
16. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М., 2003. – С. 73.
17. Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 27.
18. Кутырев, В. А. Указ. соч. – С. 35, 185.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА БЫТИЯ
В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ СИБИРИ

М. Б. Абсалямов, Е. А. Ковешникова

Мифологическая картина мира, как и все другие проявления человеческой мысли, имела целью создание целостной системы истолкования действительности. Любая культура архаического прошлого, дошедшая до нас во всем многообразии памятников и сведений о ней, содержит в себе разнообразное мифологическое содержание. В «текстах» этих культур, носителями которых выступают в основном археологические памятники, находят выражение, на первый взгляд, только мифологические представления, тогда как мифологические повествования или целостные картины мифов связываются обычно с сохранившимися преданиями, описательными текстами и т. д. Однако «тексты» древних культур, представленные в образах и символах, в частично реконструируемых обрядах и культах, а также в различных элементах материальной культуры, при их системном исследовании дают если и не полную мифологическую картину мира носителей древней культуры, то хотя бы основные ее проявления.

При отсутствии письменности как основного средства коммуникации в древности словесное (устное) выражение мифов являлось основной формой его существования. Их истолкование, закрепление и удержание в социальной памяти осуществлялись жрецами и формирующейся «духовной интеллигенцией». Существование и значение института жречества и духовной элиты как идеологического элемента в социальной структуре особенно заметно в культурах скифо-сибирского мира. При помощи преданий и обрядов они

поддерживали традиции, приносили новое в культуру и, что самое главное, культурно ориентируя и развивая содержание мифов, постоянно воздействовали на сознание, формируя тем самым его различные типы. Тем самым, обращение к мифологии как средству исследования древних культур Сибири предполагает, прежде всего, систематизацию магистральных символических форм и образов, нашедших отражение в материальной культуре этого времени, в этнографических памятниках, фольклоре и других источниках.

Синтез этих мифологических проявлений дает возможность содержательного изучения мифа, выступающего как текст культуры – форма жизни его носителей. Очень важным обстоятельством в реконструкции мифа является определение его первоначальных мотивов (импульсов), олицетворяющих различные природные и социальные явления. При этом обнаруживается глубина той или иной мифологической картины в миропонимании носителей исследуемых культур.

Миф как структура сознания, представляющая собой область веры, всегда выражается посредством определенной системы символических образов и форм, которая отражает миропонимание той или иной древней культуры или эпохи. Он, с одной стороны, в причинной своей обусловленности может углубляться далеко во времени (исследователи отмечают этнографические аналогии современности в эпохе палеолита); с другой – миф как опыт, как сконцентрированные ценностные ориентации может существовать очень долго, яв-

ляясь магистральной идеей не только культуры, но и целых эпох. И здесь очень важно при экстраполяции мифа этнографической современности в доисторическую культуру выявить основания проявления определенной человеческой мысли, нашедшей отражение в идее мифа или в нем самом. Тогда исследователь максимально приближается к изначальной форме его мифического толкования. «Первая и главная причина превращения ежедневного опыта в миф есть верование в одушевление всей природы – верование, которое достигает высшей своей точки в олицетворении ее. Это, вовсе не случайное гипотетическое действие человеческого ума, неразрывно связано с тем первобытным умственным состоянием, когда человек в мельчайших подробностях окружающего его мира видит проявление личной жизни и воли», – отмечал Э. Б. Тайлор [1].

Обращаясь к мифологии, важно заметить, что одушевление окружающего мира и связанное с ним происхождение природных мифов в Сибири, как и во многих других регионах планеты, проявляется в группе мифов о солнце, луне, огне, воде, земле, небе, наделенных человеческой жизнью. Это основные архетипы, на которых в мифологическом сознании древнего человека строится картина мира. Мифологические образы, как правило, представлялись созидательными (светлые, теплые) или разрушающими (темные, холодные). Параллельно с ними, часто обуславливая друг друга, формировались связующие (промежуточные) уподобления и отождествления, которыми охватывалась внутренняя жизнь этих систем. Среди них важными были представления о времени и его ритмах, пространстве, сторонах света и т. д. Это было своеобразным отражением пульса мироздания, который явно и постоянно ощущался человеком

в окружавшей природе и требовал определенной реакции с его стороны, выражавшейся в различных формах: обрядах, трудовой деятельности, искусстве и т. д.

Взаимоотношения внутреннего мира человека с окружающей его природной и социальной средой являлись предметом постоянного мифологического воображения. И здесь необходимо отметить, что человек эпохи поздней бронзы и раннего железа в Сибири, сохраняя еще во многом архетипы, связывающие его с природной средой, уже выделил себя из социума как личность, более того, он осознал различные формы социума и оценил как одну их основных социальных ценностей парную семью. Свидетельством могут служить примеры из археологических исследований автора поселений и жилищ скифского времени в Южной Сибири [2]. В жилищах тагарской культуры, которые носили парно-семейный характер и имели по два (а иногда и по три) очага, очагу, расположенному в центре жилища, придавалось особое значение. Это был символ единства семьи, тогда как другие несли бытовые и хозяйственные функции. О неординарной (священной для семьи) роли центрального очага и об отношении к нему обитателей дома свидетельствует множество наблюдений: во-первых, его центральное месторасположение, во-вторых, в этом очаге огонь поддерживался постоянно, о чем свидетельствуют большие и глубокие прокалы подочажного слоя по сравнению с остальными. Об особом к нему отношении свидетельствуют и другие примеры из раскопок жилищ. В этих очагах-символах и прилегающих к ним пространствах редко можно встретить какие-либо материальные остатки или предметы, тогда как вокруг хозяйственно-бытовых очагов их наличие – обычное явление. Пространство у централь-

ного очага всегда отличалось особым к нему отношением. Оно постоянно выравнивалось и обмазывалось глиняным раствором.

Важным свидетельством того, что очаг в жилище был символом единения семьи, являются широко известные в археологии Сибири Боярские писаницы. Культурно-идеологическая значимость деревянного рубленого дома с символическим изображением очага в дверных проемах каждого из них выступает основной сюжетной линией мифологических картин, изображенных на этих писаницах. Дом парной семьи и ее хранитель – очаг являются центральной идеей всей композиции мифа на Больших Боярах. Эта идея неоднократно повторяется и выдвигается на передний план, тем самым как бы подчеркивается значимость рассмотренного сюжета во всей композиции. В представленном примере с определенной долей вероятности проявляется мифологический сюжет, символизирующий огонь-очаг в «общей культуре тагарской деревни». А на упомянутой писанице изображена родовая деревня. Здесь миф направлен на создание упорядоченного, целесообразного космоса и места в нем основного социального ядра – парной семьи с его очагом-хранителем. В этом историческом памятнике выражена определенная область действительности, как бы существующая в общественном сознании рядом с реальной действительностью. Как известно, в системе культов многих народов Сибири и Севера еще в недалеком прошлом был чрезвычайно почитаемым огонь. Существует множество преданий и легенд, основная идея которых – одухотворение огня с соответствующим к нему отношением человека. В огне до последнего времени многие народы видят семейное или родовое благополучие.

В «текстах» культур скифского времени Сибири можно выделить ряд основных архетипов и связанных с ними сюжетов, посредством которых выражалась основная идея мифологической картины мира: это дерево (растение) – человек – животное. Эти смысловые единицы выражают символический мифический мир, в котором отражены формы его рождения, развития и организации. Мифический человеческий мир предстает как мир чувственной субъективности, т. е. человек читает текст природы, как собственную жизнь. В мифическом мире все способно обращаться во все. Причем это оборотничество представлено в различных образах и символах и едино в трех сферах жизни, на трех уровнях: земли, человека и неба.

Художественная деятельность древних народов еще не имела в полной мере самостоятельного бытия, но была неразрывно слита с теми аспектами социальной жизни, которым в высокой степени присуще внеэстетическое содержание. Здесь мы сталкиваемся с другим контекстом понимания культуры – как ритуала. Без него невозможно понять мировоззрение древних людей. В ритуальных действиях и предметах заключены символические смыслы данной культуры. К числу основополагающих ритуальных предметов тагарцев относятся зеркала – соляные бронзовые диски, которые обычно носили подвешенными на груди или у пояса. Они могут рассматриваться как знак космического единства, т. е. единства «среднего» и «верхнего» миров, а также как символы солнца и света (добра), оберегающие человека от темных сил (зла), как амулеты, несущие силу плодородия и рождения. Недаром на этих соляных дисках часто изображалось зерно.

Ритуалы в культуре всегда связаны с особой магической семантикой риту-

альных предметов. В тагарской культуре и близких к ней по времени такой семантикой обладали оленные камни и стелы на курганах и святилищах. Происхождение идеи, закодированной в оленных камнях, связано, очевидно, с ритуалом жертвоприношения Дереву Жизни. Они символизировали устремленный вверх дух жертвенных животных. Обычно поставленные у святилищ, т. е. в местах поклонения предкам, стелы являли собой символ единства (связь) трех уровней жизни: нижнего (низ), человеческого (среднего) и высшего (небесного). Эта исходная идея, зародившаяся в более раннее время, воплощалась в скифо-сибирских культурах как философия жизни, ее утверждение. Этим, видимо, можно объяснить и часто встречающиеся стелы тагарского времени как вне погребений, так и на них. Изваяния (стелы) вне погребений могли выражать культурно-бытовую символику определенного социума (ее значимость), но обязательно в контексте общемифологической идеи единства трех уровней жизни. Стелы на погребениях при общей идее связи жизни на трех уровнях выражали в целом особенности потустороннего мира. Например, выбитые изображения на них обязательно были связаны с Западом (закат солнца, приход ночи), то есть здесь предстает третий – потусторонний мир.

Трудно согласиться с утверждением А. Голана о том, что ряд ритуальных действий в погребальном обряде (снабжение пищей и т. п.) древних народов Сибири по аналогии с другими регионами (Азия, Африка, Океания) был обусловлен страхом перед покойником [3]. В погребальных обрядах носителей культур скифского времени Сибири основной мифологемой являлась родоприемственность их культуры, почитание и поклонение предкам. Именно в этой связи виделось благополучие их «сегод-

няшнего» бытия. Свидетельством этого является широко распространенная в тагарской и соседствующих культурах древней Сибири практика поминальных обрядов от семьи (одна могила, курган) до родового или племенного кладбища или святилища, где совершенно отчетливо прослеживается определенная логика, связывающая «благополучие» живущих со «светлой» памятью предков. Это подтверждает и отмечаемая археологами практика сохранения тела усопшего вдали от родного поселения с тем, чтобы со временем окончания, например, сезонного отгона скота похоронить его в земле предков, земле обетованной. Сопровождавшие усопшего оружие и орудия также сохранялись в первозданном виде (не ломались, не портились). Яркой иллюстрацией отношения к предкам «не за страх, а за совесть» является техника и технология изготовления и строительства погребального инвентаря и погребальных сооружений. Каждому археологу известно, с какой тщательностью и высокой технологической культурой сооружались погребальные камеры и курганы, какое эстетическое содержание нес в себе погребальный инвентарь. И здесь очевидно, что светлое отношение к предкам, к их духам, к их миру было одним из основных ценностных мотивов в культуре, а значит и в мифе.

Мифологическая культура еще не знала наших представлений о времени и пространстве. Здесь время как развитие природы, социума, пространство как площадь человеческого обитания выступают в неразрывном единстве с небом. Примером, иллюстрирующим это триединство в мифологическом сознании человека эпохи бронзы и раннего железа, является святилище на Большом озере в Шарыповском районе Красноярского края, открытое и исследованное автором в 1980-х годах [4].

Фрагментарно памятники этого археологического комплекса известны давно. Однако идеологию, объединяющую в единый многообрядовый комплекс – святилище, удалось обнаружить сравнительно недавно. Святилище расположено на пологом склоне одного из господствующих холмов восточного берега Большого озера. Склон как бы разделен на две части (сферы): северную – акропольную и южную – некропольную. В центре каждой из сфер были поставлены стелы, каждая из которых несла в себе определенную идею в общем мировоззренческом поле, которое выражало все святилище, что видно даже при общем знакомстве с ними. Стела на акрополе представляет собой остроконечную плиту из серого песчаника около двух метров высотой от дневной поверхности. На ней нет каких-либо признаков придания ей особых мифологических форм, однако боковые грани буквально «исписаны» выбивками тагарского и более позднего времени, а также руническими письменами. Стела из красного песчаника на некропольной части святилища также очень массивна, около двух метров высотой, ей придана стилизованная форма головы животного. Вокруг «красной головы» и от нее вниз по склону располагались поминальники (около 30 штук), по внешней архитектуре напоминающие небольшие курганы, но с одной существенной особенностью: если обычный курган являл собой погребальное сооружение с могилами или одной могилой и со следами непосредственного погребального обряда, то в данном случае подкурганное пространство представляло собой квадратную ограду, сложенную из плитняка, в центре которой покоились перезахороненные останки человека, который, скорее всего, оставил памятный след в истории рода. К курганам примыкало множество каменных и деревянных по-

минальных урн с остатками поминальной тризны. В некоторых оградках не хватало места для поминальных урн, и тогда они выносились за границы родового поминального комплекса. Вынос поминальных урн за пределы оградок мог определяться и другими причинами, например, иерархическим положением в социуме участвовавших в поминальных обрядах. Тем самым погребение в центре поминальника, олицетворявшее культ предка, не было одинаково доступным для всех членов рода.

В самой верхней точке святилища, на восток от стелы-головы, расположен центральный (главный) поминальник. Это сооружение размерами с большой курган, очевидно, символизировало единство уже несравненно большей социальной общности, где нашла упокоение выдающаяся историческая личность лесостепного региона Южной Сибири эпохи раннего металла. Оно, как нам думается, в своей господствующей ритуальности и обрядности определяло и подчеркивало иерархию всей системы Святилища у Большого (Божьего) озера и было самым верхним ее эвенном.

Северная сфера рассматриваемого святилища, которую мы условно называем акропольной, несет в себе вполне определенные черты, отражающие земное существование человека. Стела, стоящая в центре этой части святилища, не была напрямую связана с рассмотренной поминальной и являла собой символ единства уровня жизни и неба. К востоку от стелы вверх по склону на самой высокой точке святилища было расположено очень сложное по архитектуре мегалитическое сооружение типа амфитеатра, остатки которого сохранились и по настоящее время. Оно представляло собой выровненную площадку в самой верхней точке святилища и обращенную всей своей архитектурой вниз на так называемую «соборную»

площадь со стелой в центре. Основанием амфитеатра служили огромные (до 1,5 т весом) вытесанные из песчаника блоки. В архитектуре описываемого сооружения удивляет строгая и вполне определенная система расположения блоков, позволяющая при специальном исследовании достаточно полно реконструировать его. В разнообразных формах каменных блоков, технике обработки их сочленения и крепления между собой видится необходимость возведения этого сооружения как вечно-го выражения предметно-практической временной связи.

Соседство такого фундаментально-го храмового сооружения с некрополем утверждало еще и идеологию избранности, осуществлявшую связь земли и неба, – это предводители племен, родов, общин и особенно жречества, души которых покоились рядом в некрополе. Святилище выступает как текст культуры тагарцев в этом регионе Сибири. В нем выражено Священное пространство, символизирующее Центр Мира. Здесь также с достаточной ясностью проявляется и отношение к этому пространству, в котором протекала жизнь. Таким образом, рассмотренное святилище выступает для всего региона Южной Сибири «истинным миром», центром мироздания мифологической эпохи от раннего металла и до Средневековья. В картине мира этих культур объединяются (сообщаются) три космических уровня бытия: уровень земли, неба и нижние области (царство предков). Это поистине уникальный в своей культурной содержательности памятник сибирской древности. В грандиозном и показательном соседстве двух миров на Большом озере воплощена в камне, как в книге, детальная картина мира людей целых эпох Южной Сибири. Родившись на заре эпохи меди, она как образ жизни была пронесена через тысячи лет до

тюркских времен. Отметим, что, простояв не века, а тысячелетия, это святилище не могло устоять перед современностью.

Одним из самых распространенных мифологических образов, дошедших с эпохи палеолита до этнографической современности, в Сибири и Евразии в целом был образ оленя. Его толкование, предлагаемое исследователями, различно, а иногда и противоречиво: от представления этого образа как тотемического, как вселенной, как солнца до пожирателя (похитителя) последнего. Чем все-таки был мотивирован столь распространенный и устойчивый образ во времени и пространстве? Думается, поиск ответа на этот вопрос даст возможность видеть его трансформацию и многообразное выражение в более близкое к нам время.

Олень и лось в послемамонтовой фауне (мезолит, неолит) были основными промысловыми животными на территории Сибири, являясь, по существу, определяющими источниками жизни человека того времени. Добывание необходимого количества этих животных для обеспечения жизни во время их циклических миграций не являлось для древнего человека в строгом смысле охотой, а, скорее, представлялось как принятие дара, ниспосланного небом. Эпизодическая охота на такого быстрого и мощного зверя не могла порождать частых положительных эмоций. И здесь, видимо, строго определенные во времени и пространстве миграционные циклы, которые фиксировались в сознании человека, и связываемые с этими циклами периоды накопления основных источников благополучия (сытость, тепло и т. д.) явились основанием (мотивацией) образа оленя или лося в древней мифологии. Человек отдавал дань признания не самому оленю или лосю, а времени (солнцу, луне в их

определенной фазе), которое одаривало его столь бесценным подарком.

На берегах сибирских рек в ожидании бесчисленных стад мигрирующих животных рождались и закреплялись в образах и символах, обрядах и ритуалах мотивы и сюжеты мифа об олене. Их устойчивость и распространенность в мифологическом сознании объяснялись еще и тем, что этот процесс не был похож на более ранние загонную или другие формы охоты, в которых участвовали только отдельные члены коллектива. Тогда как в этом случае весь древний коллектив от младенца до старца на берегу крупной реки, перед порогами или у отмелей, ожидал этого небесного часа. Он оставался в их памяти как нечто светлое и божественное. И так из года в год, из эпохи в эпоху. Поэтому многие сибирские писаницы, основными образами которых являлись лось или олень, почти всегда связаны если не с современными, то обязательно с древними миграционными путями этих животных. Эти места по истечении времени становятся своеобразной «кладовой» благополучия, которую пополняет отраженный в мифологическом сознании древнего человека окружающий космос. Здесь во время «взятия» (а не охоты) многочисленного и доступного зверя, устало выходящего из бурлящей реки, рождались многочисленные образы этого сибирского архетипа и его сочетаний.

Неудачи также сопутствовали «праздникам жизни» – в природе все взаимосвязано. К переправам во время массовой добычи животных могли подходить и хищные звери (волк, медведь), наводя страх как на человека, так и на промысловых животных. Весьма показательной в этом отношении является уникальная Томская писаница. Уникальность ее состоит в том, что на ней, как ни на одной другой писанице

Сибири, представлена мифологическая логика развития образа лоса-олени во многих его проявлениях, в единстве со многими природными и социальными явлениями, которые находили отражение в миропонимании человека. Значительное место занимали образы птиц и «хозяина» тайги – медведя, а также образ человека в различных событиях и процессах. На рассматриваемой писанице можно видеть сцены охоты, соседствующие с бытовыми сценами, а также ритуальные танцы. Во всей композиции ярко выражена общая схема жизни, ориентация человека и общества в то далекое время.

Наличие образа медведя в мифологической картине Томской писаницы, очевидно, выражает идею вмешательства (возможно, и участия) в календарные праздники человека. Медведь – хозяин тайги – всей своей силой и мощью заставил человека не только «уважать» себя, но и обоготворять. Образ медведя, как полагает ряд исследователей, связывался с «гремящим небом». Медведь во всей Томской мифологической композиции выступает как диссонирующий образ. Часто он представлен озорником, а в одном из сюжетов он даже пытается проглотить этот праздник благоденствия. Здесь, очевидно, закодирована не столько идея его обожествления, сколько образ сильного и нежелательного «партнера».

Воплощение образа оленя или лоса было связано в основном со временем, которое без ошибок и поправок в строго определенные периоды одаривает человека, посылает ему оленью силу жизни. Это время (время миграций оленей и лосей) являлось для человека на ранних этапах мифологизации образа как бы завершающим этапом в определенном временном цикле жизни. А период между миграциями, судя по многочисленным сибирским писаницам, отожд-

дествлялся с кругами времени, которых было два, – по количеству миграций. Циклы завершались «праздниками урожая», которым и в настоящее время как результату прожитого круга времени и началу нового воздается во всем мире. Постоянное участие в этих процессах и сопровождавших их обрядах и ритуалах всего коллектива формировало в мифологическом сознании одну из самых устойчивых форм отношений к природе в образе оленя-лося. В более позднее время миф об олене, трансформируясь (например, в скифское время олень, несущий солнце), сохраняет первоначальную идею, где опять же благодатное время, спускаемое людям солнцем или луной, доносится до человека оленем, который олицетворял собой и своими рогами Дерево Жизни. Он же хранил человека и в потустороннем мире в мифах культур скифского мира.

Таким образом, миф об олене, с одной стороны, выражает человека, его жизнь, с другой – солнце как источник жизни. Обе эти стороны связываются в жизни чудо-оленем. Развитый культ неба и связанный с ним образ оленя существовали до последнего времени у многих народов Севера, и в частности у ненцев. Небу, а точнее духу неба (Нуму), ненцы ежегодно весной и осенью приносили в жертву белого оленя. Жертвоприношение осуществлялось на возвышенном и открытом месте. Оленя-самца ставили головой на восток и забивали особым ритуальным способом. Очень важным было при осуществлении этого жертвоприношения перехватить дух оленя до его издыхания. Дух оленя, по преданию ненцев, составляет главную часть жертвоприношения. Считалось, что «Нум», дух неба, во время ритуала сходит с неба для принятия жертвы. «Нуму» посвящались и живые олени. Этому посвящению предшествовало жертвоприношение, во время

которого оленевод теплой кровью жертвенного животного ставит на левом боку посвящаемого оленя специальную тамгу. Посвящаемые «Нуму» олени выбирались из числа не бывших в упряжке и обычно отличались своей мастью, величиной рогов и т. д. После посвящения их никогда уже не использовали для хозяйственных нужд, не ловили арканом, вообще старались не тревожить и не прикасаться к ним.

Трансформируясь во времени, образ оленя не терялся в историческом пространстве. В скифское время ареал носителей мифологической идеи, связанной с образом оленя, по существу не изменяется. Однако эта эпоха привносит в древний образ уже новую философию, характеризующую одну из сторон миропонимания этого времени. Здесь образ оленя-символа выражает динамику времени, связь его циклов. «Движение» к небу (солнцу) самого оленя дополняется символизмом, заключенным в его рогах. Культурная и социальная память в скифское время уже связана с историческим временем, которое определено его ритмикой в различных сферах жизнедеятельности и природе. И поэтому в символических рогах скифосибирского оленя, думается, закодирована идея кругового пространственного движения (развития) жизни, где каждый виток рога есть повторение. Также распространен был другой образ оленя в культурах Сибири эпохи палеометалла. В нем рога символизируют уже не систему круговых движений жизни, а саму жизнь (рога – ветви) как ускорение, как связь ее разных уровней и миров.

Таким образом, в мифе об олене выражено два основных артефакта мифического сознания: артефакт круга и его повторения, т. е. осознания ритмики природы (оборачивания, вращения солнца, луны), и артефакт роста и взаимосвязей (рога как символ дерева).

В скифо-сибирской мифологической системе важное место занимало осмысление личностного или общественного бытия через отношение к миру предков. Например, широкий спектр коллективного представления о личности нашел выражение в символике и обрядах при погребении неординарных личностей (вождей, воинов, жрецов). Культ предков становится ядром мировоззрения. Был и другой полюс отношения к мифическому пространству, куда могли быть отправлены люди, не заслужившие при жизни почета и уважения. Их соплеменники оставляли за границей поселения или городища – как сонм отверженных. Яркой иллюстрацией этому служит пример из раскопок Шестаковского городища в Кемеровской области, где при исследовании вала и прилегающих к нему площадей с наружной стороны было обнаружено неординар-

ное для тагарской культуры погребение человека. По скудному инвентарю удалось хронологически и культурно соотнести его с городищем. В этом примере предельно ясно просматривается сюжет, как в мифе тагарцев дифференцируются настоящий мир социального бытия и особый мир для отверженных родом, отношение к которым при жизни в силу каких-то причин изменилось, и они уже не могли быть препровождены в мир предков.

В заключение необходимо отметить, что выделение основных элементов в содержании мифологического сознания представителей скифо-сибирских культур дает культурно-смысловую основу для культурно-исторической реконструкции скифо-сибирского мифа в единстве духовной и материальной жизни того времени.

Примечания

1. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура. – М., 1989. – С. 129.
2. См.: Мартынов, А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. – Красноярск, 1995.
3. См.: Голан, А. Миф и символ. – М., 1994. – С. 48.
4. См.: Абсалямов, М. Б. Очерки истории культуры Сибири. – Красноярск, 1995.

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Н. Т. Ултургашева, И. Г. Ултургашева

Устойчивость фольклорных традиций обусловлена социальной природой всей системы жизнедеятельности традиционного общества, основанной на онтологических представлениях и культовом отношении к земле, воде, небу, солнцу как главным животворным силам природы. В экологическом сознании и поведении народа соединились многие элементы рационально-практического, социального, мифологического, культового, этического и эстетического отношения к природному источнику существования человека, основе его материальной и духовной культуры.

Сегодня, когда со всей остротой стоит проблема сохранения фольклора, традиционной культуры в совершенно новых социальных условиях, возникает необходимость четкого понимания фольклора как живой реальности, как определенного способа эстетического освоения действительности.

Характерной особенностью фольклора является предельная утилитарность любых его проявлений. При самой фантастической и эмоционально окрашенной внешней форме, любой фольклорный объект в реальном бытовании вызван к жизни сиюминутными, хотя и часто весьма общественно значимыми, потребностями людей, участвующих в его создании [1].

Эта утилитарность накладывает отпечаток на саму структуру фольклорного объекта как события. Прежде всего, это проявляется в отсутствии обязательного для многих других форм общественной жизни четкого деления на активных, созидających людей и пас-

сивных, воспринимающих, а также четкого разделения на творцов, создающих принципиально новое, и исполнителей, репродуцирующих ранее созданное произведение [2].

В каждой традиционной свадьбе, например, не только в определенный момент исполняются определенные песни, но все участники действуют как персонажи со своими обязанностями и строгим распорядком поведения. Но каноны поведения участников ни в коей мере не являются внешними по отношению к реальному действию, а вытекают из его собственной внутренней логики. Поэтому очень часто они не осознаются следующими им людьми как нечто существующее отдельно, и постороннему наблюдателю крайне трудно выделить их из конкретного явления. По сути, это слияние настолько плотно и органично, что из-за него часто оказывается совершенно невозможным понимание действительной сущности фольклорного явления со стороны, так как, наблюдая конкретное явление фольклора, мы не можем зафиксировать многие виды связей этого явления с реальной жизнью участников события. Например, психологический контекст или влияние условностей данной малой социальной группы.

Трудности фиксации конкретного фольклорного материала известны всем фольклористам. Известно, например, как трудно записать свадьбу непосредственно на свадьбе. Никакие расспросы в данном случае не помогают, так как они сами уже являются вмешательством, нарушающим психологическую

целостность и непосредственность происходящего, кроме того, трудно ожидать объективности в рассказе о собственной жизни.

Поэтому все фольклористы фактически анализируют материал, зафиксированный в особых, выделенных условиях, то есть не сами фольклорные явления, а их имитацию, специально и сознательно воспроизводимую для фиксации [3].

Известный фольклорист, исследователь русской традиционной музыки Д. Покровский, изучая проблему импровизации, подчеркивает, что «народное пение на 99 % ансамблевое. Причем существуют традиции, в которых сложность голосоведения в ансамбле достигает прямо-таки неправдоподобно высокого уровня. 8–9 человек импровизируют каждый свою мелодию, замысловато переплетающуюся с остальными. После нотной расшифровки записи такого пения получается весьма запутанная и довольно бессмысленная партитура. Если выучить и спеть ее – возникает какофония, кажущаяся нагромождением ошибок. Кроме того, следующая запись той же песни от тех же певцов дает партитуру, очень сильно отличающуюся от предыдущей. И это неудивительно – они же импровизируют. Но вот что удивительно – пение самих народных исполнителей вовсе не кажется фальшивым или бессмысленным. Напротив, – при всей сложности, это впечатляюще стройная конструкция» [4].

Заложенная в советскую эпоху унифицированная система стандартного государственного музыкального образования соответствовала идеологическим установкам того времени. Тяготение тоталитарного режима к унификации культуры на всей территории супердержавы находило обоснование в теории культурного развития. Организованная

пропаганда «нового искусства» активно противопоставляла его «старому», внедряя в общественное сознание взгляд на традиционную культуру и музыкальный фольклор как на «живое прошлое», у которого в будущем нет перспектив. К примеру, музыканты, имевшие дело с народными песнями, как правило, отступали перед сложностями исполнения. Возникла практика так называемых «обработок» народных песен, когда берется только основной контур песни, довольно упрощенный, и под него накладываются привычные для европейской музыки гармонии со школьным голосоведением. Нечего и говорить, что подобные обработки для человека, знающего настоящую песню, так же от нее отличаются, как набитое ватой чучело от живого зверя. Но поскольку невероятно живучими оказались миф о примитивности народной песни и давно устаревшее мнение, что европейская система – высшая ступень музыки, то до сих пор большинство композиторов считают благим делом искажение народной музыки в стиле академической европейской традиции. Кстати, настоящие народные песни с большим трудом поддаются такой деформации, и, наверное, поэтому еще в XIX веке возникло невероятное количество подделок типа «Калинка», «Эй, ухнем», «Степь да степь кругом», которые до сих пор выдаются за русские народные песни [5].

Проникнуть в закономерности традиционного русского многоголосья – задача невероятно трудная.

Рассматриваемые проблемы изучения мировоззренческих основ музыкального фольклора в контексте традиционной культуры достаточно ярко показали, что специализированное музыкальное образование для представителей кочевых культур (алтайцев, казахов, кыргызов, тувинцев, хакасов и др.),

в том числе вопросы подготовки и обучения исполнителей аутентичной этнической музыки стали проблемой только в начале XX в.

Новые формы культуры, создаваемые ускоренными темпами, призваны были служить зримым воплощением результатов невиданного в истории человечества так называемого «скачка» многих отсталых народов Востока от феодализма к социализму, минуя капитализм. Государственная политика по открытию театров, филармоний, консерваторий, написанию специально приглашенными композиторами первых национальных опер, балетов, симфоний имела глубокую политическую подоплеку. На фоне страшных последствий коллективизации, разрушения традиционного уклада и культуры, глубокого экономического кризиса, новые формы искусства призваны были демонстрировать выстроенный по единой схеме во всех национальных республиках «расцвет культуры социалистических наций».

На смену устной системе воспитания носителя традиционной культуры, которая не была принята во внимание, пришла советская система европеизированного нотного обучения музыке. Справедливо подчеркивает А. И. Мухамбетова, исследователь традиционной музыкальной культуры казахов, что «обучение на письменной основе привело к качественному изменению народных исполнителей как современных носителей традиционной культуры. Если раньше народные музыканты были одновременно и творцами, и исполнителями-импровизаторами, то теперь выпускники народных отделений музыкальных учебных заведений являются только исполнителями; они уже не могут ни сочинять, ни импровизировать. В системе их обучения нет ни

одного предмета, который способствовал бы освоению импровизационных навыков и активизации их творческих способностей» [6].

«Еще одна особенность традиционного искусства заключалась в том, – отмечает тувинская ученая В. Ю. Сузукей, – что, несмотря на импровизиционность, исполнительский почерк мастеров устной традиции всегда был узнаваем. ...Мало кто мог перепутать, например, Максима Дакпая с Ак-оолом Кара-Салом, несмотря на то, что при каждом выступлении его произведение как «музыкальный текст» импровизировалось. ...Необходимость легитимации (подтверждения законности права) обучения студентов в учебных заведениях культуры и искусства по методике устной традиции назрела давно. ...Поддерживать, сохранять и дальше развивать традиционную культуру смогут только «профессионально» обученные по традиционной методике специалисты. Речь не идет исключительно только о тувинской культуре. Этот вопрос сегодня актуален для всех культур народов Российской Федерации» [7].

Многие современные представительские ансамбли – «сувениры». В учебных заведениях культивируются домро-балалаечные оркестры – салон начала XX века, игра симфоний на баянах, потеря культуры народного пения. Вместо народных хоров – плохо поющие сувенирные ансамбли песни и пляски, то есть народная культура «напоказ». Ряд современных композиторов не владеют приемами народного голосопения. Все сводится к примитиву или вводятся модернистские приемы «современной музыки» – от лукавого. Повальное развлечение рожками, гусями, организация различных фольклорных ансамблей, а на улицах – все боль-

ше и больше молодежи с наушниками и мертвой музыкой в них.

Потеряв мировоззренческую основу, мы можем потерять наше достояние – традиционную культуру и музыкальный фольклор. Фольклор – это не общий хоровод, изображающий под фонограмму народный танец. Фольклор – не жидкие хороводы народно-эстетизирующей интеллигенции. Фольклор – народная мудрость, а не развлекающий и развлекающиеся. Народная песня – явление уровня Пушкина и Достоевского. Стыдно наблюдать на новом уровне засилие лапотных ансамблей и сувенирных киосков. Мы все время «повышаем культуру народа», вместо того чтобы дорасти до нее. Мы своими руками уничтожаем культуру.

В противоположность современной индустриальной письменной «ученой» культуре, фольклорная культура харак-

теризуется принципиальным отказом от жесткой фиксированности – социальная память закрепляет себя в этом случае как таковая в устной форме. И дело, по видимому, заключается не только в том, что письменность была недоступна носителям этой традиции, но и в отсутствии потребности в ее записи, так как закрепить ее в текстах означает придать ей неизменную каноничность и покончить с прежней формой ее существования в качестве живого, меняющегося и обновляющегося организма; письменное закрепление приводит к «отчуждению» народной традиции от ее носителя; устность следовало бы расценивать не как ее недостаток или слабость, но скорее как залог ее силы и способности противостоять «индустриальной», «ученой» культуре в том непрерывном их диалоге, который придает жизнеспособность культуре в целом [8].

Примечания

1. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. – М., 1976.
2. Гусев, В. Е. О специфике восприятия фольклора (к проблемам синестезии в искусстве) // Творческий процесс и художественное восприятие. – Л., 1978.
3. См.: Дмитрий Покровский. Жизнь и творчество. – М., 2004. – 156 с.
4. Там же. – С. 46.
5. Там же. – С. 47.
6. Мухамбетова, А. И. Традиционная музыкальная культура казахов в социальном контексте XX века // Аманов Б., Мухамбетова А. Казахская традиционная музыка и XX век. – Алматы, 2002. – С. 371.
7. Сузукей, В. Ю. Конфигурация развития музыкальной культуры Тувы. – Кемерово, 2006. – С. 144–146.
8. Дмитрий Покровский. Жизнь и творчество. – М., 2004. – С. 47–48.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ИННОВАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. М. Золотухин

Рассматривая культуру как систему отношений между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и человеком, мы исходим из положения о том, что она есть совокупность созданных и создаваемых человечеством ценностей в процессе общественно-исторической практики. При этом процессы общественного воспроизводства могут быть как традиционными, так и инновационными в зависимости от решаемых обществом, властными структурами задач.

Сама инновационная деятельность может носить «техничко-технологический» и «социальный» характер. Прежде всего, речь идет о технологии толерантных взаимоотношений (искусственно создаваемых человеком в процессе его социокультурной деятельности), имеющих непосредственную связь с социальными (социально-организационными, социально-информационными, социально-педагогическими, корпоративно-культурными и т. д.) технологиями, свидетельствующими об эмпирическом открытии культуры как важнейшей формы общественного бытия. Связь толерантности и инновационных процессов прослеживается на уровне нахождения возможных способов достижения взаимоприемлемых компромиссов. На пути поиска этих компромиссов существует множество факторов (техничко-экономические, юридические, организационно-управленческие, социально-психологические и прочие), которые могут как способствовать, так и препятствовать инновационной деятельности.

Исследуя инновацию и процессы общественного воспроизводства, А. С. Ахиезер отмечает взаимосвязь между ростом интенсивности, усложнением процесса воспроизводства и возрастанием типов инноваций. Специфика инновации как феномена саморазвивающегося процесса ориентирована в своем основании на новое, а значит будущее культуры, а как социокультурное явление выражает настоящее культуры. А. Г. Фоновот соотносит культурный прогресс с инновациями, трактуемыми в технико-технологическом контексте в качестве инструмента развития, следствием чего является необходимость сознательной инновационной деятельности во всех сферах культуры.

Основная проблема управления преобразованиями (инновационными процессами) заключается в возникновении феномена *сопротивления* изменениям. В качестве аргументов против введения новшеств часто приводят суждения, построенные как набор вариаций на тему «Да, но...» (А. И. Пригожин):

«*Это у нас уже есть*». Как правило, приводится сходное нововведение. В данном случае задачей оппонента является необходимость доказательства обманчивости сходства и значимости различий.

«*Это у нас не получится*». В подтверждение данного тезиса обычно приводятся объективные (на взгляд говорящего) условия, делающие введение конкретного новшества невозможным.

«*Это не решает главных проблем*». Такое утверждение делается как бы с

радикальных позиций. Новшество в этом случае получает образ паллиатива, а инноватор – черты недостаточно смелого проводника подлинного прогресса. Поскольку разведение главного и второстепенного – дело интерпретации, возможность отвода почти гарантирована.

«Это требует доработки». Безусловно, каждое новшество, каждый проект нуждается в доработке. И выдвигая этот тезис, действительно указываются слабые места нововведения. Новшество наделяется характеристикой «сырого», и поэтому проводить его в жизнь, вроде бы, не следует.

«Здесь не все равноценно». Если отсечь некоторые детали у новшества, то ощутимого запланированного эффекта уже не предвидится.

«Есть и другие предложения». В этом случае подразумевается альтернатива данному новшеству, но вовсе не с целью предложить лучшее решение, а лишь для того, чтобы вообще отвлечь внимание от применения новшеств.

Как сложный социокультурный феномен инновация требует обоснования с позиций своего времени. Поскольку как социокультурное явление инновация заключает в себе все тенденции настоящего культуры, а как феномен, направленный на новое, несет в себе будущее культуры, инновация определяется как социокультурная модель объективации нового постиндустриального этапа развития. Под культурой при этом подразумевается социокультурная целостность, все явления которой пронизаны основополагающими базовыми принципами и ценностями.

На современном этапе развития, где все чаще и чаще воспроизводятся кризисные ситуации, инновация сознательно продуцируется обществом и культурой и предстает как своеобраз-

ный «регулятив», некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то, по крайней мере, доминирующее над ней. Таким образом, социокультурная модель объективации «нового» социума становится принципом рационализации, где плюрализм утверждает образ субъекта культуры – «человека играющего», обладающего высоким креативным потенциалом и достаточным уровнем практических средств. Ценностной ориентацией данного субъекта является как стремление к новому, так и самовыражение, а поведенческими приоритетами – свобода выбора, утверждение собственного мнения.

Сознательное конструирование социальной реальности в рамках «социального конструктивизма» (П. Бергер и Т. Лукман) позволяет выстраивать социальный порядок и функционирование социальных организации в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта. Креативность социальных институтов и введение ими социальных инноваций позволяют управлять рисками социального развития при прохождении кризисных ситуаций. Субъект выступает в роли актера, который активно конструирует локальную и более отдаленную социальную среду, формируя инновационную культуру, превращая ее в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников.

По мнению Т. А. Апиняна, «игра требует и создает воображаемую (мнимую) ситуацию. Реальные предметы и действия приобретают в ней условный смысл, меняют свое семантическое значение. Человек должен погрузиться в

условный мир, чтобы начать или чтобы присутствовать на волшебном действе – игре» [1]. Целью игровой деятельности может стать приспособление к условиям жизни, адаптация хрупкого человеческого организма (прежде всего – психики), нейтрализация стрессопорождающих нагрузок и в конечном счете оздоровление и восстановление физических и душевных сил. Играющий человек всегда знает, что хорошо и что плохо: что есть «честная» и что «нечестная» игра. Выигрыш есть добро, а проигрыш – зло не только по конечным ощущениям игроков, но и по отношению к первоначальной гипотезе, замыслу, действиям, желаниям. Принесло все это ожидаемый результат – добро; не принесло – зло.

Конструирование природной и социальной действительности порождает когерентный, взаимосогласованный мир. Конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство. По выражению М. Мерло-Понти, «плоть мира – это кладезь возможностей». Вектор управляющего воздействия субъекта направлен всякий раз только на что-то из предоставленных миром возможностей, он сугубо избирателен, строится сообразно установкам субъекта и предоставляемым ему здесь и сейчас возможностям. Иными словами, субъект управления и среда, на которую направлено его управляющее воздействие, связаны посредством взаимного и ситуативного предоставления возможностей, которое есть подлинная интерактивность и синергия акта управления. Самоорганизующееся общество может устойчиво существовать и продолжительное время динамично развиваться, если каждый его член ведет себя так, как если бы он – в меру своих возможностей – был ответственен за целое.

Этот принцип ответственности близок к категорическому императиву Канта.

Инновационная культура и ее среда создает субъекта, активно на него влияет, подстегивает личностный рост. В знаменитый тезис К. Маркса «люди сами делают свою историю» современный социальный конструктивизм вносит важную поправку: человек конструирует общество, но отнюдь не волюнтаристически, не произвольно по своему желанию, а в сотрудничестве и в коэволюции со становящимся социальным целым, открывая внутренние тенденции развития сложных социальных систем.

Инновационная культура тесно взаимосвязана с правовой, управленческой, предпринимательской, корпоративной культурой. Через инновационную культуру можно добиться существенно большего влияния на всю культуру профессиональной деятельности и производственных отношений людей. Развитие инновационной культуры опирается на традиции, обычаи и сферы деятельности. Она в состоянии вооружить практику методами оценки и пресечения использования новшеств, способных причинить вред человеку, обществу, природе.

Выступая как информационное обеспечение общества, культура представляет собой «коллективный интеллект общества» (Лотман), который, подобно индивидуальному интеллекту человека, вырабатывает, хранит и использует для решения разнообразных задач информацию (но информацию социальную, то есть содержащуюся не только в голове индивида, но и во множестве культурных «текстов», создаваемых с помощью знаков и знаковых систем).

В условиях усиления взаимозависимости в мире возрастает проблема сохранения самобытности. Весьма

интересными представляются рассуждения по этому поводу М. К. Ганди: «Я достаточно хорошо понимаю Коран и историю ислама и знаю, что множество интерпретаторов толковали его, чтобы подтвердить свои предвзятые мнения. Моей целью было предостеречь против принятия таких толкований. Но я хотел сказать, что даже учение самого Корана не может быть освобождено от критики. Всякое подлинное священное писание только выигрывает от критики. В конце концов, у нас нет другого руководителя кроме разума для того, чтобы сказать нам, что можно рассматривать как откровение, а что нельзя. Древние мусульмане принимали ислам не потому, что они считали его результатом божественного откровения, а потому, что он обращался к их девственному разуму» [2].

Представление о толерантности как наличия у человека внутреннего регулятора отношения к другому как автономному и суверенному существу, определяемого границами полагания другого и пределы его признанности (убеждения, верования, желания и т. д.) определяется диалогически-коммуникативной формой общения. Инновационный процесс может иметь характер как стихийный, так и сознательно управляемый. Введение новшеств – это, прежде всего, функция управления искусственными и естественными процессами изменений. При этом необходимо учитывать, что инновационные процессы могут сопровождаться: высоким риском и высокой степенью неопределенности, обострением противоречий и конфликтов, необходимостью поиска гибких форм, наличием побочных, неопределенных продуктов (результатов), удовлетворением новой потребности и переходом на новый уровень взаимоотношений.

От самого человека зависит направленность (позитивность или негативность) социальных процессов. Например, если превозносить в образовательном и информационном пространстве революции и революционеров – тех, кто провел всю свою жизнь в активной, агрессивной борьбе, – то постепенно будет воспроизводиться и поддерживаться культ насилия и преступника. В первую очередь, среди молодежи, у которой он выглядит романтичным и даже симпатичным. Если сделать нормой похищение детей и женщин, нарушение правовых и этических принципов, то мы никогда не построим мир, который был бы лучше, а снова вернемся к «законам джунглей», когда каждый должен иметь оружие, чтобы защищаться. Это ведет нас к деградации культурных ценностей, самого человека, к потере уважения к собственным правам и чужим свободам.

Деятельность СМИ по формированию и транслированию ценностей нуждается в коррекции, чтобы избежать в последующем возникновения противоречий между новыми ценностями, продуцируемыми журналистами, и традиционными ценностями исторического, ментального характера. Суть нынешних изменений проявляется в противоречивых процессах вестернизации (силовой способ насаждения демократических ценностей) и девестернизации (сохранение национальной идентичности, самобытности).

Рост неопределенности резко изменил жизненную ситуацию человека, когда готовых решений нет и быть не может, когда нужно находить эти решения, принимать их, нести за них ответственность. Повышение ранга принципа неопределенности автоматически способствовало повышению статуса

принципа толерантности, так как стало очевидным, что нахождение адекватных решений более невозможно без диалога с другим человеком, природой, обществом. В результате отношения природы и человечества начинают мыслиться в рамках идеи коэволюции, подразумевающей их совместную эволюцию (Н. Н. Моисеев), что «может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге».

Обращает на себя внимание делиберативная «модель» развития культуры толерантности. Она ориентирована на включение гражданина в общественную рефлексию на открытой арене сопоставления взглядов, позиций, программ, совместного поиска согласия и стабильности. Приватное пространство не изолируется от социума, а включается в него, привнося туда свой интерес и свое видение проблем. Только тогда становится возможным действительно свободный, компетентный выбор [3].

Усиление данного момента происходит тогда, когда речь идет о становлении социума или вопросах его выживания, ибо многие субъекты начинают действовать только исходя из интересов целого, какими бы странными и жестокими с этической или ментальной позиции они ни казались. Субъектом выступает саморефлексирующий самого себя человек, готовый к восприятию всего

многообразия мира и сопротивляющийся отчуждению своего собственного бытия. Разрешение этого противоречия позволяет ему (субъекту) уравновесить в-себе и для-себя все многообразие биосоциального, привести в отношения с-другим и к-другому элемент самосохранения как признания его прав и достоинства. Активное принятие субъектом в себя всего многообразия мира возможно при условии, если происходит максимизация выигрыша и минимизация проигрыша (достижение здесь и теперь «середины») при действии равнозначимых альтернатив.

Преобразование диалога в открытую коммуникацию требует от человека самоопределенности, в которой актуализирована автономность человеческой личности как пути к самому себе через преодоление собственного «Я». Данное преодоление совершается посредством воли и выполняет двуединую задачу: подавляет насилие и способствует боевитости у субъекта путем его освобождения от психических механизмов, превращающих боевитость в разрушительную силу. Эта сила основывается как на уважении противника, так и на самоутверждении самого субъекта как личности. Воля же понимается как сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей.

Примечания

1. Апинян, Т. А. Сущностно-универсальное определение игры: феноменология фантома // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 60.
2. Gandhi, M. K. *Young India: 1924–1926*. – New York, 1927. – P. 206.
3. Галкин, А. А., Красин, Ю. А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социс. – 2003. – № 8. – С. 65.

ИГРА КАК СПОСОБ БЫТИЯ МАССОВОГО ПРАЗДНИКА

В. П. Курбатов

Исходной, базовой категорией как философского, так и любого знания является бытие. Его синонимы: действительность, универсум, нечто. Бытие – предельно широкая категория, следовательно, возникают трудности при его определении. Подробный разбор понятия «бытие» выходит за рамки данной работы, ограничимся следующим: автор разделяет ту точку зрения, что бытие едино и не сводимо к какой-либо единице, оно первооснова. Эта сущность выражается в многообразных формах бытия. Назовем три общепризнанных.

1. Материально-предметное, природное, объективное бытие. Природа – это все существующее минус то, что создано человеком, и сам человек.

2. Идеальное бытие. Это субъективное бытие, идущее от человека, созданное им. Это наука, искусство, религия, философия, вся культура, мысли, чувства, образы.

3. Человеческое, экзистенциальное, объект-субъектное бытие. Оно соединяет материальное и идеальное бытие, интегрирует в себе бытие и небытие. Человеческое бытие – это своего рода копия мироздания или микрокосмос.

В данном случае нас интересует идеальное бытие, а именно – игра, идущая от человека и созданная им (игры животных, о которых так много говорят, в данном случае нас не интересует). Отсюда основные задачи: рассмотреть игру как феномен бытия, определить формы и способы бытия игры, доказать, что игра является способом бытия массового праздника.

Считается, что начало исследования феномена игры положил И. Кант. Он первым провел аналогию между игрой и искусством. Игра и художественная деятельность, по мнению Канта, похожи друг на друга тем, что они свободны и, в отличие от деловых занятий, не преследуют внешнюю (утилитарную) цель. Поэзия и другие виды искусства – это свободная игра душевных сил человека. Поэзия, как и игра, создает иллюзию – «играющую видимость». Но эта иллюзия не имеет цели обмануть легковерных людей. Наоборот, она помогает в постижении сухой и бесцветной истины, придавая ей видимые очертания, наполняя ее красками чувств. Те иллюзии, которые просто обманывают нас, вызывают неприязнь, когда обман раскроется, но поэтическая иллюзия не лжет, а играет воображением. «Поскольку же она только играет с нами, она вызывает наслаждение, – заключает Кант. – В этом и состоит приблизительное различие, которое отличает обычные обманы чувств от той иллюзии, которой пользуются поэты» [1]. Итак, И. Кант одним из первых начал использовать образ игры для осмысления эстетической деятельности человека.

Ф. Шиллер обратил внимание на сходство между игрой и художественной деятельностью: в обоих случаях проявляется *человеческая свобода*. В «Письмах об эстетическом воспитании» Шиллер уточняет, что у человека есть два фундаментальных инстинкта: материальный и инстинкт формы. Первый связывает человека с чувственностью, а значит, с материальностью

и брэнностью бытия, второй связан с рациональностью. Композиция двух тезисов не должна приносить в жертву чувственное начало, ибо тогда это была бы форма вне реальности. Предпочтительнее «игровой инстинкт» (вспомним кантианскую «свободную игру способностей»), опосредующий реальность и форму, случайность и необходимость. Игра и есть свобода. Для Шиллера первый инстинкт – это жизнь, второй – форма, игра – «живая форма», она же и красота. Чтобы оценить человека в рациональном смысле, следует сначала оценить его как существо эстетическое. Воспитать эстетически – значит воспитать свободным, ведь красота всегда свободна. «Эстетическое творческое побуждение незаметно строит посреди страшного царства сил и посреди священного царства законов третье, радостное царство игры и видимости, в котором оно снимает с человека оковы всяких отношений и освобождает его от всего, что зовется принуждением, как в физическом, так и в моральном смысле» [2].

Особое же внимание к феномену игры было проявлено в XX веке. Наиболее знаменитое исследование провел нидерландский историк культуры Й. Хейзинга. В 1938 году вышла его книга «*Homo ludens*» («Человек играющий»), оказавшая значительное влияние на дальнейшие разработки проблемы. Хейзинга продемонстрировал, что разные сферы человеческой культуры (искусство, философия, наука, политика, юриспруденция, военное дело и др.) тесно связаны с игровыми формами.

Немецкий философ Ойген Финк представлял игру как один из универсальных феноменов человеческого бытия, пронизывающих наиболее значимые формы жизнедеятельности наряду

с такими феноменами, как *труд, любовь, господство, смерть*. Слово «феномен» подразумевается не только собственно в феноменологическом значении, но и в смысле «что-то необычайно важное для всех». О. Финк писал, что человек «есть трудящийся, борец, любящий, игрок» [3]. Игра – своего рода пятый из основных феноменов человеческого существования. Если он назван последним, то не потому, что является «последним» в иерархическом смысле – менее значительным и весомым, нежели смерть, труд, господство и любовь. Игра столь же изначальна, как и эти феномены. Она пронизывает другие основные феномены человеческого существования, будучи неразрывно переплетенной и скрепленной с ними.

А. Б. Демидов, в отличие от О. Финка, разбирает свои феномены человеческого бытия – это игра, смерть, одиночество, коммуникация, любовь [4]. Если более подробно рассмотреть человеческое бытие, то можно определить и другие его феномены.

Игра есть возможность человеческого бытия. Если свести воедино характеристики игры – магическое созидание видимости игрового мира, замороженность игрового сообщества, идентификацию зрителей с игроками, самозерцание человеческого бытия в игре как «зерцале жизни», дорациональную осмысленность игры, ее символическую силу, парадигматическую функцию и освобождение времени ввиду обратимости всех решений в игре, игровое облегчение бытия и способность игры охватывать в себе все другие основные феномены человеческого существования, включая самое себя, то есть способность играть не только в труд, борьбу, любовь и смерть, но и в игру, то раскроется характерный строй игры.

Исходя из феноменальности игры, можно определить ее характеристики – ценность игрового процесса, познание нового, уподобление собственному «Я» «Я» желаемому и «реально» представляемому, катарсис, восстановление сил и коммуникация индивида.

Особый аспект игры – зрелище как игра. Далек не каждый может быть игроком, между тем потребность в компенсаторной деятельности есть у каждого. Уже у первобытных народов одни состязались, другие смотрели. В Древнем Риме бои гладиаторов делали всех граждан города участниками боев, не подвергая их жизнь риску. Сегодня миллионы людей на планете отводят значительную часть своего времени созерцанию спортивных зрелищ. Они являются боксерами, футболистами, не напрягая мышц, без травм, но получая эмоциональную часть спорта. Сочетание зрелища с игрой еще более приближает ее к реальности.

По словам Й. Хейзинги, праздник и игра (как его органическая часть) выключали участников из обыденной жизни, расширяли «временные и пространственные границы» и задавали параметры существования «заодно строгой определенности и настоящей свободы» [5].

Игра обладает структурой столкнованности. И это толкование не сводится к примеси частного или общественного сознания. Основные экзистенциальные феномены – не просто бытийные способы человеческого существования: они также и способы понимания, с помощью которых человек понимает себя как смертного, как трудящегося, как борца, любящего, игрока и стремится через такие смысловые горизонты объяснить одновременно бытие всех вещей.

Учитывая сказанное, мы можем с уверенностью сказать, что игра является действительным феноменом человеческого бытия. В игровой практике сложились следующие формы игры, имеющие непосредственное отношение к массовому празднику:

- игры-празднества, игровые праздники;
- игровой фольклор;
- театральные игровые действия;
- игровые тренинги и упражнения;
- игровые анкеты, вопросники, тесты;
- эстрадные игровые импровизации;
- соревнования, состязания, противоборства, соперничества, конкурсы, эстафеты, старты;
- свадебные обряды, игровые обычаи;
- мистификации, розыгрыши, сюрпризы;
- карнавалы, маскарады;
- игровые аукционы и т. д.

Фактически форм игры существует достаточно много, мы же назвали только те, которые имеют непосредственное отношение к празднику, хотя любая форма игры может лечь в основу праздника, эти праздники появляются с течением времени и в определенной ситуации, складывающейся в обществе. Доказательством этого являются корпоративные праздники, о которых не было речи в XX веке.

Игра есть собирательное понятие, которым обозначаются различные по сути своей формы деятельности. А деятельность диктует способ игры, потому что *способ – тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-либо игровой деятельности, направленной на достижение определенной цели.*

Игра – это такой вид деятельности, результатом которого не является производство какого-либо материального или идеального продукта (за исключением деловых и конструкторских игр взрослых и детей). Игры могут иметь различные формы в зависимости от цели. Иногда игры служат средством символической разрядки напряженностей, возникших под влиянием актуальных потребностей человека, которые он не в состоянии ослабить иным путем. М. С. Каган, исследователь человеческой деятельности, отмечает: «Игра есть материальное проявление общения людей, которое приобретает здесь специфический характер «общения ради общения», становится, если так можно выразиться, «чистым искусством общения. Даже в тех случаях, когда играющий вдохновлен стремлением победить партнера, а не только получить удовольствие от самого процесса игры, его действия остаются в пределах сферы общения» [6]. Общение есть одна из основ игры, а следовательно, и массового праздника.

На заре истории праздник украшался боевыми играми воинов, благодарением за урожай земледельцев, жертвой, приносимой мертвым, танцевальной игрой юношей и девушек и маскарадом, который ставил все бытие в зримое присутствие сценического представления. Украшение праздника, которое могло далеко превосходить будничную потребность в украшении, стало существенным импульсом для возникновения искусства. Игра и искусство внутренне связаны. Конечно, не все игры – искусство, но *искусство есть наиболее оригинальная форма игры*, высочайшая возможность посредством «видимости» явить сущность. Игра есть основа всякого человеческого искусства, – но только искусства зрелищного: театр, все его

виды и жанры, цирк, музей, планетарий и т. п. Там, где в основе лежит зрительное или слуховое восприятие искусства, всегда присутствует игра. Человек играет тогда, когда он празднует бытие. Праздник прерывает череду отягченных заботами дней, он отграничен от серого однообразия будней, отделен и возвышен как нечто необычное, особенное, редкое. Но совершенно недостаточно определять праздник только через противопоставление его будням, ибо праздник имеет значение и для будней, которым необходимы вознесение, радость и прояснение. Праздник извлечен из потока будничных событий, чтобы служить им маяком, чтобы озарять их. Он обладает репрезентативной, замещающей функцией. В архаическом обществе яснее видна сущность праздника, нежели в нивелированной временной последовательности нашей действительности.

Конечно, есть много веских оснований выводить искусство и из мастерства ремесленного умения. Но *праздник был могучим прорывом творческих игровых сил человеческого существа. Праздничная игра стала истоком и основанием человеческого искусства*. Значит, мы можем с уверенностью сказать, что в основе праздника лежит игра.

Для доказательства теоретических высказываний приведем конкретные примеры. Например, в основе праздника Рождество Христово лежат евангельские мифы о рождении Иисуса Христа. Этот праздник стал отмечаться на Руси после введения христианства в X веке. Он пришелся на то время, когда древние славяне отмечали свой зимний многодневный праздник – святки, начинавшиеся в последние декабрьские дни и заканчивающиеся в первых числах января. Многие святочные обряды

сохранились до сих пор: это и общие праздничные пиршества, всякого рода увеселения, гадания, хождения ряженых, колядование и т. п. Сегодня, когда отмечаются подобные праздники (Рождество, Пасха и др.), происходит восстановление легенд, положенных в их основу, с помощью изобразительно-выразительных средств театрального искусства. «Переодеваясь или надевая маску, человек «играет» другое существо» [7]. Происходит восстановление прошедшего события – это отличительная особенность театральной игры. Пространство игры имеет две зоны: игровую и зрительскую, соответственно игра включает две группы ролей: игроков и зрителей. А является ли зрителем тот, кто не снаружи, а внутри особой среды «аквариума»? Как пишет Гадамер: «Замкнутое пространство мира игры здесь позволяет одной из стен упасть». Вообще-то игра может происходить и без зрителя, – все равно она будет игрой, но она может превратиться и в зрелище. Зрелищем она может быть не для наблюдателя «снаружи», а для того, кто «внутри»: как раз «закрытость игры в себе и создает ее открытость для зрителя» [8].

Другими словами, происходит восстановление иллюзорной реальности, которая присуща только игре. Подобное характерно и для всех остальных праздников, так как в основе каждого лежит определенное реальное событие и чтобы «отпраздновать» его, необходимо это событие восстановить. Исключением являются только профессиональные праздники. В них участвуют реальные люди и выполняются вполне реальные действия. Например, праздник «Город мастеров», где на глазах у присутствующих резчик по дереву вырезает фигурки, которые он потом может продать

всем желающим (или мастера макроне, которые показывают всем желающим азы плетения). Здесь вступает в силу основное театральное правило – «заключение условия условности» с присутствующими, которое как бы переводит настоящую реальность в иллюзорную, игровую. То есть происходит то, о чем говорили Хейзинга и Гадамер: настоящий резчик как бы надевает на себя маску резчика и тем самым отделяет себя от присутствующих, вступает в силу правило игры: разделение места праздника на две зоны (игровую и зрительскую), а когда желающие начинают учиться у мастеров, они сами как бы вступают в предложенную игру. Эти примеры еще раз доказывают, что в основе любого праздника лежит игра.

Исходя из всего вышесказанного, мы делаем следующие выводы:

- а) игра, бесспорно, является феноменом человеческого бытия;
- б) формы и способы игры зависят от ее цели;
- в) игра является способом бытия массового праздника, так как без нее праздник бы просто не состоялся.

Праздник – это встреча человека с бытием, когда он обращается к нему «на ты». Исчезает дистанция между человеком, его сознанием и бытием, жизнь превращается в игру. Праздник открывает человеку мир, где нет ничего невозможного. И если человек откроется этому миру, то может случиться любое чудо. Праздник – это взаимность человека и бытия. Включаясь в праздничное действие, человек получает удовольствие от игрового бытия, которое он отождествляет с реальностью. Хотя сам праздник – это виртуальная реальность, он подчиняется своим внутренним законам, которые могут устанавливаться

произвольно. Неопределенность, спонтанность, алогичность, иррациональность праздника создают условия, когда реальное и игровое фантастическое легко меняются местами. В празднике все возможно, и, естественно, от него ожидается только самое хорошее. Мы говорим о празднике вообще, не разделяя его на виды и жанры, потому что главное в празднике – это приоткрывающаяся реальность иного бытия, другого

мира, возможность встречи с тем, о чем мечтается и к чему человек стремится в будничной реальности. Если эта встреча состоялась, желаемое воплотилось (пусть и в «игровую реальность»), праздник выполнил все свои цели и задачи. Там, где присутствует жизнь в той или иной форме, там всегда будет иметь место игра, потому что человеческое бытие и сама человеческая культура неотделима от игры.

Примечания

1. Кант, И. Тартуская рукопись // Эстетика Иммануила Канта и современность. – М., 1991. – С. 56.
2. Шиллер, Ф. Собр. соч.: в 7 т. – М., 1957. – Т. 6. – С. 355.
3. Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 390.
4. Демидов, А. Б. Феномены человеческого бытия. – Минск, 1999. – 180 с.
5. Хейзинга, Й. Homo Ludens // Й. Хейзинга Статьи по истории культуры. – М., 1997. – С. 40.
6. Каган, М. С., Эткинд, А. М. Общение как ценность и как творчество // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 25–33.
7. Хейзинга, Й. Указ. соч. – С. 24.
8. Гадамер, Х. Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 154–155.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ
«ХОББИ-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ЛИЧНОСТИ

И. М. Верецагина

Трансформация досугового поведения россиян – один из наиболее важных компонентов социальной и культурной динамики. Анализируя «хобби-деятельность» личности как вид ее социальной активности, мы выявили и актуализировали прогрессирующую в нашей стране тенденцию модифицирования хобби в предпринимательство и бизнес, превращения увлечений на досуге в средство самообеспечения и повышения материального благосостояния. Это относится в равной степени и к низкооплачиваемым слоям населения, и к обеспеченным людям – различие лишь в масштабах их деятельности.

Необходимо заметить, что указанный аспект в развитии и распространении хобби был впервые заявлен автором в диссертационной работе в параграфе «Любительская деятельность личности как способ развития ее социально-культурной активности», но был недостаточно развернут в силу иных задач, стоящих перед исследователем. В данной статье мы продолжаем обоснование нашего предположения, используя, главным образом, информационный и фактографический материал, так как официальную статистику означенного феномена обнаружить не удалось.

Благоприятная область для интеграции хобби и бизнеса – коллекционирование, переживающее сегодня ренессанс, что во многом объясняется появлением состоятельных групп населения, формирующих спрос на предметы старины. Общеизвестно, что коллекционирование – самое выгодное вложение денег. Обеспеченные люди приобретают дорогостоящие антиквар-

ные вещи и соответственно их продают, а для пенсионеров коллекция чаще всего не только увлечение, но и довольно ощутимый личный пенсионный фонд, так как никому не известно, насколько ценным может оказаться тот или иной предмет интереса. В Англии, например, плюшевый медведь 1950-х годов стоит в настоящее время на аукционе больше тысячи фунтов стерлингов.

Помимо традиционного коллекционирования марок, монет, значков, книг, особенно популярных в прошлом веке, сегодня имеют место весьма неординарные пристрастия – старые елочные украшения, колокольчики, копилки, интернет-карты, пророчества, сделанные поэтами и прозаиками прошлого, отдельные виды игрушек, пивные банки, пробки от винных бутылок, шотландские юбки, накладные усы, а также вещи и предметы советского периода. По утверждениям коллекционеров, в основе их хобби на первом месте всегда стоят бизнес и интерес к истории.

Однако бизнес связан не только с коллекционно-собирающей деятельностью. В новых рыночных условиях для любителей, в основном с низким материальным достатком, увлечения становятся средством самообеспечения, а для некоторых, к сожалению, и способом выживания. Так, садоводство и цветоводство все больше служат сегодня основой «семейного» бизнеса через продажу овощей, ягод, цветов, семян; лингвистические хобби позволяют поддерживать бюджет за счет текстового перевода, а также репетиторства; хобби, связанное с изготовлением изделий декоративного творчества, создает

условия для их реализации в специализированном магазине или на рынке; коллекционеры-меломаны используют собственные возможности, составляя тематические коллекции и собрания для дальнейшего их распространения в коммерческих целях и т. д.

Тему взаимодействия хобби и бизнеса довольно активно развивают и культивируют средства массовой информации, выдвигая на суд общественности позицию «любимое дело может и должно приносить доход».

В передачах телевизионного канала «МузТВ», посвященных молодежи, регулярно ведутся дискуссии, в которых обсуждаются перспективы «хобби-деятельности». В одном из сюжетов (25 ноября 2008 г.) было рассказано о киноактрисе А. Немоляевой, покинувшей кинематограф ради своего хобби. Немоляева занимается росписью мебели, и это ее любительское пристрастие постепенно переросло в стабильное производство, продукция которого стала востребованной другими людьми. В итоге хобби актрисы превратилось в успешный бизнес. Иногда она все же снимается в кино, но рассматривает это теперь как увлечение, а свое хобби, ставшее доходным делом, развивает и считает главным в своей жизни.

Становится очевидным, что хобби является не только основой для совместного творчества людей, но и трансформируется при определенных условиях в средство самообеспечения, становясь перспективным бизнес-проектом и формой социальной (в данном случае экономической) активности.

Это положение подтверждает газета «Деловой Петербург», рассказывая о предприимчивых соотечественниках, для кого любимое досуговое занятие стало бизнесом. Один из таких предпринимателей В. Зверев выработал четкую схему, согласно которой каждое из

своих хобби он превращает в бизнес и затем отдает в управление наемному менеджеру. Своим основным проектом Зверев считает завод «Никомикс» по производству витаминно-минеральных добавок к кормам для животных. На предприятии работает шестьдесят человек, годовой оборот – около девятист тысяч долларов. Другие проекты – это его хобби, перешедшие в бизнес: фотостудия «drArt Studio», дайвинг-компания «Барракуда» и дайвинг-магазин «Экстрим-team». В планах предпринимателя открытие агентства экстремального туризма, которым увлекается и сам. Ежегодно он посещает 10–12 стран, находясь за рубежом по два-три месяца в году, а ответственность за финансовое благополучие предприятий возлагает на менеджеров.

В Томске также широко распространяется опыт коммерческой деятельности, основанной на хобби. Так, на одном из томских сайтов (<http://mail2000.ru>) представлено более 55400 страниц, посвященных горожанам, чей бизнес вырос из хобби. В этой связи нам представляется симптоматичным, что именно молодежь превращает в бизнес свои любимые увлечения, проявляя предпринимательский талант и умение адаптироваться к окружающей социально-экономической обстановке.

Ярким подтверждением этому можно считать появление первого в городе магазина вещей в стиле *hand-made* «Вязаный заяц», открытый девочками-подростками при поддержке взрослых [1]. Продаваемые поделки и другие изделия ручной работы (декоративные подушки из шелка и атласа, расписанные вручную; игрушки, связанные плюшевыми нитками; сумки, носки, варежки, бижутерия и многое другое) пользуются небывалым спросом, так как они уникальны и имеют сибирскую специфику. В планах юных предпринимательниц

создание студии-магазина, где появилась бы возможность всем рукодельницам собираться вместе для коллективного занятия творчеством. Без сомнения, подобные инициативы ведут к дальнейшей мотивации любителей и развитию «хобби-деятельности» в целом.

Следует подчеркнуть, что трансформация хобби в коммерческую деятельность явление не новое для России, однако только в условиях рыночных отношений оно приобретает массовый характер, формируя таким образом современного делового человека, способного успешно существовать и развиваться в новых социально-экономических условиях.

Применимо к данной ситуации сегодня весьма актуально звучит стихотворение А. С. Пушкина, написанное еще в первой половине XIX века, где есть строки, ставшие своеобразным девизом, под которым осуществляется современная «хобби-деятельность»: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» [2]. Как считает владелец томского музыкального салона «Dream House» В. Захаров, в течение семи лет занимающийся бизнесом, выросшим из хобби, сочетать любимое занятие и работу – мечта любого человека.

Этому процессу, на наш взгляд, придает ускорение индустрия увлечений, которая производит товары и услуги, способствующие поддержке и распространению хобби. Так, российские коммерческие компании «ЛИН.ЭКС», «Профи-ТВ», «Импульс ЭКСПО» периодически организуют в Москве международные выставки «Хобби – Планета Увлечений», внося свой вклад в союз хобби и бизнеса.

На это масштабное мероприятие со всего мира съезжаются профессионалы и любители, получающие возможность представить и увидеть безграничное

разнообразие товаров и услуг, относящихся к миру хобби. Выставка объединяет интересы любителей, представителей промышленности, частного торгового капитала и успешно выполняет главную задачу – повышение интереса общества к «хобби-деятельности» и ее продукции, создание благоприятных условий для дальнейшей интеграции хобби и бизнеса, поскольку это отвечает социально-культурной стратегии сегодняшнего дня.

Есть основание полагать, что в основе любительства уже изначально заложен элемент предпринимательства, так как практически любую «хобби-деятельность» можно обратить в коммерческий продукт. Увлеченный человек под воздействием смены экономических условий перестает быть просто любителем, а становится предпринимателем, любительский опыт которого начинает приносить ему материальную выгоду.

Указанная нами тенденция перерастания хобби в средство самообеспечения, когда основной заработок человек имеет не от профессии, а от хобби, позволяет констатировать, что в любительской деятельности ее романтика прошлого, направленная на духовное и эстетическое развитие, социализацию, инкультурацию личности, сегодня уступила место прагматизму, экономическому и деловому обеспечению субъектов любительской инициативы, тотальной коммерциализации досуга в целом.

Более того, есть основание полагать, что «хобби-деятельность» человека не только коммерциализируется, но все чаще капитализируется. Примеров «серьезного» бизнеса, выросшего из хобби, огромное количество. Анализ социально-культурных проявлений в обществе, жизненные наблюдения, социологические исследования в экономической области, опросы, ряд источников,

относящихся к СМИ, свидетельствуют о том, что в России с новой рыночной экономикой в сфере свободного времени у некоторых групп населения начинает довольно активно осуществляться **капитализация любительской деятельности** (выделено мной. – И. В.).

Под этим термином мы понимаем такую «хобби-деятельность», результатом которой является культурный продукт, используемый любителем, прежде всего, с целью получения прибыли, обращенной далее в капитал. Духовная составляющая процесса хобби-деятельности в этом случае не является доминирующей.

В пользу данного тезиса говорит тот факт, что в Интернете только на сайтах Яндекса 19 миллионов страниц посвящено комментариям, рассказам, рекомендациям самих любителей, извлекающих из хобби двойную выгоду: удовольствие от любимого дела и получение прибыли [3]. Здесь же платно предлагаются уже готовые или на заказ бизнес-планы и проекты – своеобразная демонстрация урока предприимчивости.

А заработать можно, как рекомендуют новичкам любители, уже ставшие бизнесменами, на любых хобби, в том числе и на увлечении Интернетом. Например, предлагается идея капитализации через развитие инфобизнеса – «упаковку» и продажу информации посредством ресурсов Интернета. Это, прежде всего, личные знания, опыт и разработки, так называемые «авторские инфопродукты», но это могут быть и чужие инфопродукты, которые перепродаются по лицензии.

Примечания

1. Кудашова, О. Бизнес в стиле *hand made* // *Томская неделя*. – 2007. – 8 марта.
2. Пушкин, А. С. Разговор книгопродавца с поэтом // Пушкин А. С. Избранные соч.: в 2 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 213.
3. Бизнес из хобби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru>.

Другой путь самообеспечения – принимать непосредственное участие в партнерской программе за определенные проценты с продажи. Можно развивать бизнес на собственном сайте, открыв курсы вязания, шитья, вышивания, макраме и т. п. Также перспективно издавать блог-газету, организовав на нее подписку. Доход могут приносить столярная мастерская, которая в умелых руках становится весьма прибыльным бизнесом, реставрация раритетных автомобилей и продажа их состоятельным коллекционерам, изготовление мыла ручным способом, художественная мозаика, витражное искусство, частные спортивные и музыкальные школы и т. д.

По словам самих предпринимателей, бизнес из хобби ценен тем, что человек начинает осознавать простую житейскую истину: хорошо можно делать только то дело, которое по-настоящему любишь, и иметь от этого дивиденды.

Все вышесказанное позволяет нам уверенно прогнозировать дальнейшее развитие и укрепление указанной тенденции в развитии личностных увлечений. Таким образом, хобби-деятельность в современных социально-экономических, социально-культурных условиях может становиться не только способом самовыражения и самореализации увлеченной личности, но и экономическим стимулом, и эффективным способом адаптации человека к социально-экономической среде его выживания в новом экономическом пространстве.

ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ
СПЕЦИФИКИ ФОЛЬКЛОРА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. М. Бородина

С развитием диалектологии связано изучение и описание говоров. Границы современных русских говоров весьма условны и выявляются только при сравнении по определенным признакам нескольких соседних говоров. Поэтому при рассмотрении наличия диалекта в Кузбассе и его роли в фольклоре необходимо рассмотреть группы говоров, несущие в себе диалектную основу.

При изучении говоров важны не только признаки, которыми они различаются, но и те территории, в границах которых определенная совокупность черт представлена особенно четко.

В середине XIX века были выделены такие группы говоров. Во-первых, пять групп говоров для *северорусского наречия*: Поморской (Мурманская область и северные районы побережья белого моря), Олонецкой (Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей, Карельской республики), Новгородской (Новгородской и Петербургской губернии), Вологодско-Вятской (бывшей Вологодской, Вятской и Пермской губерний, территории за уральским хребтом), Владимиро-Поволжской (Поволжье – от Тверской до Саратовской губерний) групп. Во-вторых, три группы для *южнорусского наречия*: западная (Смоленской и Брянской, а также Тульской, Калужской областей); южная (говоры Курской и Орловской, вплоть до Северного Кавказа); восточная (юг Рязанской и соседних областей: Липецкой, Тамбовской, Воронежской, Пензенской и части Са-

ратовской). В-третьих, *среднерусские говоры*, образующие две большие зоны – западную («окающий» – новгородский, «акающий – псковский) и восточную («окающий» – калининские, владимирские, горьковские; «акающий» – с подтипами). В каждой из них имеются «окающие» и «акающие» говоры, но по происхождению большинство северорусских [1].

Для Сибири характерными являются стародавние говоры, полностью утратившие материнскую диалектную основу смешанного типа. Это говоры сборных этнических групп: ссыльных, крестьян-рекрутов, которых выслали в Сибирь на поселение «во крестьяны». Единая окружающая среда, общие жизненные интересы и потребности, постоянные этнические контакты способствовали тому, что речь разногенетических поселенцев подвергалась значительной или абсолютной ассимиляции сибирской речи крестьян-старожилов [2].

Подобным образом происходило формирование кузбасских говоров, сложившихся в условиях сложных междиалектных и межязыковых контактов. Взаимодействие разных материнских говоров сопровождалось сложными этническими процессами, в результате которых происходила постепенная ассимиляция русскими ссыльных поляков, украинцев, белорусов, немцев, шведов, литовцев и местных тюрков. Различия в диалектном составе переселенцев, прибывших в Томский и Кузнецкий уезды, появились позже, а именно после проведе-

ния Московско-Иркутского тракта, т. е. со второй половины XVIII века. В этот период значительно возрос приток южнорусских переселенцев, которые предпочитали селиться на землях Кузнецкого уезда. Позже в Кузнецком округе были зафиксированы переселенцы из Вятской, Костромской, Вологодской губерний, а также Тамбовской, Воронежской, Уфимской и Тобольской. Это не могло не наложить отпечаток на особенности языка предков наших земляков [3].

Наличие в старожильческих говорах слов южнорусского и среднерусского происхождения свидетельствует о том, что компонентами диалектных основ были говоры южной и средней полосы России, носителями которых являлись казаки, посылаемые царским правительством осваивать этот край.

Ареалом распространения русских старожильческих говоров является территория по реке Томи (от Крапивинского района Кемеровской области до впадения ее в реку Обь), а именно: Крапивинский, Ленинск-Кузнецкий, Мариинский, Юргинский, отдельные населенные пункты Гурьевского, Ижморского, Промышленновского, Тонкинского и Яшкинского районов Кемеровской области [4]. Диалектная лексика, употребляемая в говорах русских старожил, зафиксирована и в Беловском, Прокопьевском, Новокузнецком районах Кемеровской области [5]. Кроме того, в Новокузнецком районе встречаются носители севернорусского наречия восточной и поморской групп, а также западной группы среднерусских говоров [6].

Русский национальный язык, как и многие языки мира, характеризуется неоднородностью. Он известен в разных формах своего проявления, основные из которых представлены

литературным языком в двух его разновидностях (устной и письменной), городским просторечием и местными (территориальными) диалектами [7].

Диалектный язык – это одна из форм народно-разговорного языка. Он имеет ряд отличий от литературного языка. Во-первых, диалектный язык, в отличие от литературного языка, территориально окрашен. В качестве примера можно проследить звучание слова «вчера». На севере России оно звучит – «*фцера*», на юге – «*учара*», в Сибири – «*учера*». Одни и те же предметы, процессы, признаки имеют разные названия, например: *боронить* – *скородить*; *красивый* – *баской* и т. д. Во-вторых, диалектный язык, в отличие от литературного, имеет только устную форму бытования, например: *зачать*, *зачинать*; *горница*, *горица*, *горенка*; *гребенка*, *гребелка*, *гребень* и т. п. В-третьих, употребление диалектного языка ограничено обиходно-бытовым общением: *балакать* – вести разговор; *вечерять* – вечеровать, *повечеровать* – проводить вечер; *ботог*, *бодог* – палка, посох; *болезный*, *болявый*, *болезневый* – постоянно болеющий, слабый; *приблудный*, *блудный*, *блудяка* – вороватый, пакостливый и т. п., в то время как литературный характеризуется широтой и всеобщностью употребления. Отсюда следует, что диалектный язык – это устная, территориально-окрашенная разновидность языка народа [8].

Особенностью языка песен и других жанров фольклора является то, что основные черты и характеристики совпадают с общенародными, поскольку основой любого диалекта являются общенародные элементы, локально ограниченные. Эти элементы воспринимаются таковыми на фоне общенародного пласта лексики.

В основе языка фольклорных произведений лежит диалектный язык. Каждое произведение фольклора исполняется на том диалекте, которым владеет исполнитель. Поэтому, как правило, фонетические особенности языка фольклорного произведения совпадают с фонетикой диалекта бытования этого произведения [9].

Язык фольклора представляет собой неоднородное, многообразное и многоплановое явление, ибо под понятие «фольклор» подводятся различные по своему жанру, художественному методу произведения, у которых выделяется лишь один бесспорный общий признак – устная форма его бытования [10]. Однако исследователями отмечается, что в языке и в содержании песен прослеживается тесная связь с жизнью их творцов и исполнителей [11].

Песни создаются носителями диалектов и живут в устном обиходе диалектно-язычной среды. Поэтому наличие диалектных явлений в песенном языке (в области фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса) вполне естественно и закономерно, исследования языковых особенностей песни позволяют локализовать ее бытование. Однако с течением времени все песни подвергаются переработке, в результате чего создается новый вариант песни, в котором появляются определенные языковые новации. Важным является то, что в песнях сохраняются слова устаревшие, либо полностью утраченные в разговорной речи носителей диалекта (например: «челнок плыл», «частый дожжичек», «лицо набеленое», «кисе-ей покрытой» и многие другие).

В языке могут встречаться лексические элементы, заимствованные исполнителями из соседних говоров, знакомых им, но не входящих в круг

активно употребляемых слов (ярко выраженный русско-украинский и белорусско-русский диалекты: «як» – как, «йяна» – она, «маты годовала» – мать росила, «с гришми» – с грошами, деньгами и т. д.) [12].

В славяноязычном населении Кемеровской области, также как и в русском населении европейской части России, различают три типа говоров: северорусский, южнорусский и среднерусский. Это различие можно проследить и на фольклорном материале Кемеровской области. Например, поэтический язык песни: «По лугам, лугам, зеленым» указывает на ее принадлежность к северной группе говоров «рецька быстрая», «у нас увяло», «первой-то нагружен». Язык песни «Сосенка стояла зиму зелена» указывает на ее принадлежность к западной группе говоров «сосенка зялена», «вясела», «двячина», «няделичка», так как для говоров западной группы южнорусского наречия характерны архаичные типы «яканья». Наличие диалектных явлений прослеживается в шуточной песне «Комарик»: «шум ученився», «комарик оженився», «высудил жинку, невеличку».

Текстовый анализ песен, записанных в Кемеровской области, позволяет выделить тематические группы диалекта:

1) слова, обозначающие чувства, переживания человека: «за грибными слизьми дорожки не бачу», «долючка моя худая», «как тут горюю».

2) слова, обозначающие свойства, качества человека или проявление этих качеств: «удалай», «храб/ы/рай», «доб/ы/рай»;

3) слова, обозначающие:

а) предметы домашнего обихода: шелковы невода, коромыслице, чарочка, кросны, коровать;

б) одежду, обувь, украшения: *лента алая, шаль атласная, каймы красные, платье белое, тужурочка (новенькая), кушачок, башмачки, гребенец;*

в) растения: *хмель яровой, сосенка зяленая, вербочка, ракитушка, грушина кудрявая, елка зяленая; птиц: сизый голубок, голубица, соловейка-пташка, ворон, пчелка; животных: зайка серенький, бела рыбица, коник вороной;*

4) название человека по социальным признакам: *святюшка, дружки, свекор, мамочка моя, дитяtko, зятюшка, тятенька, девицы подруженьки, жена молодая, молодой молодчик, братцы, вы казаченьки;*

5) обряды, игры, обычаи: *гульба, гулянье, гуляницы, вечерка, святой вечер;*

6) названия поселений, посещаемых мест, площадей: *горенка, ярманка, дороженька, на улочке, у ворот, на базаре, на рыночке;*

7) употребляемые предметы: *шаль с каймой, шаль атласная, узялочек, узялок, рушник, ведерце, колодезь, коромыслище;*

8) человеческие качества, свойства: *пьянчужечка, дурень, молоденький, душечка, холостой, гуляка, пивака, шельма.*

Выделяется глагольная лексика, которая также распадается на ряд тематических групп:

- слова, обозначающие физическое и психическое состояние человека: *скарала – наказала, богу молится, сгубила, спровадила, распознала;*

- слова, передающие ощущение человека: *болят рученьки, болят ноженьки, заньло сердечушко, жалко мне, плакала Мареюшка, ночь не спала, гостя ждала, стужевалась, сгоревалась.*

Значительная часть глагольной лексики служит обозначением конкрет-

ных действий и процессов: *посадити, накормити, подарены, прилетел/ы/, пождождати, пробуждати, вдарили, похилилась, гурковать, дорожить, посмотреть, поселился, вдарили, взглянула, догадалась, прогневался, вымарался, соезжалися, не хаживал, не важивал, понаехали, пишла, побрела, дивовались, отвязал/ы/ся, до/я/жидалась, отказал/ы/ся, женил/ы/ся.*

Среди диалектных прилагательных можно выделить группу слов, выступающих в песне в роли постоянных эпитетов: *(стены) каменные, (конь) вороной, (сударушка) манерная, (лицо) румяное, (девица) красная, (личико) белое, (головушка) буйная, (мята) рутая* и другие.

В песнях представлен ряд диалектных:

а) наречий: *частенько – часто, толика – только, супротив – напротив, вжולי – неужели, кабы – как бы* и другие;

б) предлогов: *коло – около; частиц: пид – под, тай – так, як – как, дай – да;*

в) местоимений: *с тобою, на тябе, к мойму, у нашем, того, к свойму.*

Среди диалектных существительных, глаголов и прилагательных выделяется пласт:

а) уменьшительно-ласкательных обозначений: *ракитушка, мазурочки, рушничок, подарочек, няделечка;*

б) увеличительных обозначений: *реченька-река, частый дожжик, улица широкая, коса до пояся, карагод вялик* и т. д. [13].

Произношения гласных в диалектной речи при исполнении того или иного произведения на территории Кемеровской области характеризуется фонетическими приметам: пятифонемной системой ударного вокализма, неполным недиссимилятивным акань-

ем после твердых согласных, иканьем в первом предупредном слоге после мягких согласных [14].

Диалектные особенности в произношении ударных гласных имеют лексикализованный либо морфологизованный характер, например:

- произношение «И» на месте древнего «ятя» в словоформах «**ись**» и некоторых других: *сивер, ихалы, зилинуха, зирвалась*;

- изменение ударного «А» в «Е» между мягкими согласными в словах *опеть, грезь*, в глагольных основах на шипящие типа *кричеть, пищеть* и некоторых других;

- произношение «Е» вместо «И» литературного языка в существительных на – ИЯ: *Марья, Россея*;

- наличие ударного «О» в суффиксах страдательных причастий: *подвезена, поднесена* и др.; в формах косвенных падежей притяжательных местоимений и местоимения ВСЯ: *моего, твоего, моей, твоей, своей, всей*;

- употребление глаголов *заплотит, содит* с ударными «О» в корневой морфеме [15].

Система безударного вокализма после твердых согласных характеризуется неполным недиссимилятивным аканьем. В первом предупредном слоге гласные «О» и «А» совпадают в звуке «А» перед любым ударным гласным: *вада, трава; садом, травой; ваде, траве; вады, травы*.

В говорах наблюдаются отклонения от этой системы. Так, в говоре отдельных лиц Крапивинского, Беловского, Прокопьевского районов на месте исходного «О» в сочетании с губными и задненебными согласными выступает звук, средний между «О» и «А» или несколько огубленный «А»: *па/о/шли, ба/о/гатый, га/о/дов* и другие.

В слабых безударных позициях (второй и далее безударные и заударные слоги) гласные верхнего подъема после твердых согласных в большинстве кузбасских говоров подвергаются редукции. В заударных слогах, где на произношение гласных большое влияние оказывает принцип морфологической аналогии, гласные «О», «А» совпадают то в «Ъ», то в «А»: *св'окър, некътърых, высвътли, а также в ставловай, убивалас'а* и другие.

Наряду с редукцией «А», в говоре отдельных лиц старшего поколения наблюдается «Ы» – образная редукция. В особенности это характерно для заударных слогов: *ластычка, касатычка, веселилыса* и другие [16].

Гласный «О» в сочетании с губными и задненебными согласными подвергается сильной лабиализации, так что на месте «О» произносится «У»: *пулучила, кунушил, ефрейтур*.

В абсолютном начале слова гласные «О», «А» обычно совпадают с «А»: *атступила, атпускаат*, но в говоре отдельных лиц старшего и среднего возраста наблюдаются случаи редукции: *ьглушили, ьтпустили*. С этим связана ассимиляция и стяжение в один звук нормальной длительности конечного гласного предлога или приставки и начального гласного следующего за ним слова или корня: *нь днаму – по одному*.

Гласные верхнего подъема «Ы», «У» в безударных позициях в положении после твердых обычно сохраняют свои различительные признаки, но у некоторых лиц старшего поколения наблюдается спорадическая лабиализация «Ы» в сочетании с губными согласными: *бувайет, забуват, музукал'на*.

В речи некоторых лиц старшего и среднего поколений появляется спора-

дическая редукция гласных верхнего подъема в слабых безударных позициях: *в̆сако – всяко, в̆пускали, к̆шаки – кушаки, чером̆ха, вокын – окунь.*

Иногда «БІ» редуцируется до нуля звука: *забрас̆вли, откӑзв̆тца.* В речи отдельных лиц старшего возраста на месте заударного «БІ» произносится «А»: *вымал, вырал.* Гласный «У» в конечном открытом слоге делабиализации: *с̆ вечеро, с̆разо, ничо нету.*

По характеру предударного вокализма после мягких согласных кузбасские говоры неоднородны. На территории северной половины Кузбасса (примерно до северной границы Беловского района) распространено «иканье» (с реликтами и без реликтов «еканья» и «яканья»), то есть гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге совпадают в «И» или в звуке, близком к «И»: *нису, лисок; рика, питак; ниси, дит'ами, глид'ат.*

На территории Беловского, Прокопьевского, Новокузнецкого районов традиционный говор характеризуется умеренно-диссимилятивным яканьем, при котором гласные неверхнего подъема в положении между мягкими согласными в первом предударном слоге произносятся как «А»: *т'ану – тяну, гн'адо – гнездо; п'аток – платок, п'акла – пекла; гл'адел – глядел.*

Под влиянием соседних «икающих» говоров и литературного языка умеренно-диссимилятивное яканье интенсивно разрушается и развивается в сторону «иканья» через стадию «еканья». Так, говору среднего поколения характерно «еканье» с элементами или без элементов «яканья».

В говорах Кузнецкого района В. И. Панов достаточно подробно описал сложную систему предударного

вокализма после мягких согласных. Им было отмечено:

- а) умеренно-диссимилятивное «яканье» с элементами «еканья»;
- б) непоследовательное диссимилятивное «яканье»;
- в) непоследовательное различие «Е», «А».

По мнению В. И. Панова, «яканье» было привезено белорусскими переселенцами. Различие гласных «Е», «А» является наследием севернорусских, среднерусских и южнорусских материнских говоров с разными типами предударного вокализма. Различные типы яканья, заносимые сюда южнорусскими переселенцами со второй половины XVIII века, хотя и подвергались разрушительному воздействию со стороны севернорусского предударного вокализма, однако они поддерживали друг друга, способствуя формированию системы умеренно-диссимилятивного яканья такой модели, какой она представлена теперь в говорах южной половины Кузбасса [17].

В говоре старшего поколения наблюдается употребление вариантных флексий «БІ», «Е» у существительных I склонения в форме родительного падежа единственного числа: *у воды, из школы, у сестры, у снохе, у жене.*

Таким образом, в славяноязычном населении Кемеровской области, как и в русском населении европейской части России, различают три типа говоров: севернорусский, южнорусский и среднерусский. Отсюда основа народно-песенного языка имеет в некотором роде диалектный характер. Расхождения прослеживаются в фонетике, морфологии, синтаксисе и в лексическом составе фольклорной поэтики.

Примечания

1. Блинова, О. И. Русская диалектология. – Томск, 1984. – С. 21, 23.
2. Бухарева, Н. Т. Сибирская лексика и фразеология. – Новосибирск, 1983. – С. 36.
3. Русские говоры Среднего Приобья / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1985. – С. 78–80.
4. Палагина, В. В. Диалектный состав первых жителей Томска // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1971. – Вып. 2. – С. 105.
5. Словарь русских говоров Кузбасса. – Новосибирск, 1976. – С. 27.
6. Палагина, В. В. Указ. соч. – С. 105.
7. Блинова, О. И. Указ. соч. – С. 19
8. Там же. – С. 21.
9. Осовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров. – М., 1982. – С. 55, 106.
10. Богатырев, П. Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 44.
11. Сорокалетов, Ф. П., Кузнецова, О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л., 1987. – С. 19.
12. Музыкальная культура Сибири. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 48.
13. Панов, В. И. Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области. – М., 1955. – С. 32.
14. Колпащикова, Е. А. Особенности произношения гласных в говоре и произведениях устного народного творчества // Традиции изучения фольклора, этнографии и диалектологии. – Новокузнецк, 1990. – С. 53.
15. Полный словарь сибирского говора. – Томск, 1991. – Т. 1. – С. 9.
16. Панов, В. И. Указ. соч. – С. 13–14.
17. Там же. – С. 53.

МУЗЕЙ КОСТЮМА: ГРАНИ ВУЗОВСКОЙ СПЕЦИФИКИ

В. П. Геращенко

Вузовский музей давно и прочно вошел в историю отечественной культуры. Особенно славились в дореволюционной России музеи университетские. Например, в знаменитом Тартуском университете их было даже несколько. Однако музей вуза, ориентированный на художественную специализацию, суть явление очень редкое как в прошлом, так и сейчас. Таких примеров крайне мало, тем важнее их роль в общеобразовательном процессе высшей школы. Из самых известных можно назвать, например, Музей художественных тканей в Московском институте текстильной промышленности или знаменитый Музей античных слепков, основанный еще в дореволюционной Санкт-Петербургской Академии художеств, существующий и исправно выполняющий свои важные функции по сей день.

Почему же нет среди них музея костюма? Откуда взялся такой музей в далекой Сибири и зачем он нужен? Попыткой коротко разобраться в этих вопросах можно считать данные размышления организатора и бессменного руководителя Музея истории костюма КемГУКИ, музея, вступившего в десятый год своей активной жизнедеятельности. То есть постулаты статьи основаны не только и не столько на теоретическом фундаменте, сколько на базе практических многолетних поисков и находок, проб и свершений.

На первое «почему» ответ прост. Музеев костюма, как в далеком, так и недавнем прошлом не существовало потому, что отношение к костюму

как важнейшему явлению культуры человеческого общества стало формироваться с исторической точки зрения совсем недавно. Парадоксальность ситуации состоит в том, что сам костюм стоял в центре внимания людей всегда, практически с самого появления человека на земле. И все свои функции: утилитарные, эстетические, этические, магические, семиотические и прочие костюм всех народов и континентов выполнял и безупречно выполняет поныне, независимо от понимания или непонимания этого обстоятельства самим человеком, который костюм тот носит.

Между тем осознание феномена костюма в качестве носителя, проводника таких уникальных свойств, пришло не сразу: процесс формирования научного подхода в понимании и толковании костюма протекает постепенно и имеет не слишком давнюю историю. Иными словами, костюмология как наука предельно молода и буквально делает свои первые шаги в отечественном искусствоведении, в отечественной культурологии.

С другой стороны, художественное вузовское образование, в котором задействованы дисциплины костюмологического цикла, появилось в нашей стране тоже сравнительно недавно. Говоря языком современного прагматизма, не было спроса – не было и предложения. Достаточно вспомнить тот факт, что первые отечественные книги по костюму, точнее, с включением разделов, посвященных костюму, начали появляться лишь со второй половины

XIX столетия. Примечательно, что пионером в этой области выступил президент Петербургской Академии художеств А. Н. Оленин, издавший в 1832 г. труд «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времен Траяна и русских до нашего времени татар» (сохранена орфография. – В. Г.) [1]. Сочинение имело точно выраженный адресный характер, что ясно из подзаголовка: «...или опыт к составлению полного курса Истории, Археологии и Этнографии для питомцев Санктпетербургской императорской Академии художеств». Так что первое отечественное учебное пособие, включившее материалы по костюму, появилось именно в стенах высшего учебного заведения с целью изучения будущими художниками, мастерами изобразительного искусства, традиционного исторического русского костюма.

Не остался в стороне и театр – другая область художественной профессиональной деятельности, в которой костюм играл не менее важную роль. Во второй половине XIX века в связи с кардинальными изменениями театральной режиссуры обозначился поворот в переосмыслении роли костюма в спектакле, следовательно, при подготовке профессиональных кадров возникла необходимость изучения его театральных форм, особенно по части взаимосвязи сценического костюма с историческими реалиями. В советское время с переводом отечественных театральных школ в разряд высших учебных заведений изучение истории костюма обрело импульс научности. Но первые учебники Р. В. Захаржевской, Е. В. Киреевой и серьезное исследование М. Н. Мерцаловой появились только в 1970-е годы, сохранив при этом свою актуальность по сей день [2].

Однако центральным художественным и театральным вузам, работавшим в Москве или тогдашнем Ленинграде отнюдь не было никакой нужды создавать собственные специальные музеи костюма, ибо крупнейшие музеи мирового значения в тех столичных городах служили и служат великолепной базой наглядного знакомства с подлинными образцами-раритетами в области костюма. Это Эрмитаж и Третьяковская галерея, Российский этнографический музей и Оружейная палата Московского Кремля, Государственный Исторический и театральные музеи общего профиля в Москве и Петербурге, музеи ведущих театров страны и т. д. Неисчислимы богатства в плане костюма любой студент мог и может досконально изучить как в процессе лекционных и практических занятий, так и в плане собственного самообразования, посещая великолепные экспозиции стационарные и привозные, в том числе зарубежные.

Совсем иное дело положение студента периферийного художественного вуза, например, работающего в Кузбассе. Конечно, в городах, где открыты и функционируют подобные институты, несомненно, существуют достаточно крупные государственные музеи. Как правило, там обязательно есть краеведческий музей и картинная галерея. Но, увы, костюм в их фондах либо отсутствует вовсе, либо представлен ничтожно малым количеством экспонатов. Не может полностью компенсировать необходимость наглядного материала по костюму также использование в костюмологических курсах репродукций произведений европейского и отечественного изобразительного искусства, особенно портретной живописи прошлых времен (с изображением

подлинных костюмов разных стран и эпох) или фотографий ценнейших экспонатов из центральных музеев.

Ведь уникальность любого костюма по сути своей заключена в комплектности как в смысле частей его составляющих, так и в плане его восприятия окружающими. В этом отношении костюм многолик, многоаспектен, многовариативен. Изображающая его иллюстрация, будучи своеобразным плоскостным отголоском оригинала, не способна дать о костюме полное представление, ибо передает односторонний срез его, демонстрируя лишь абрис и цвет (если иллюстрация цветная и хорошего качества), не более того. В то время как конструкция, объем, фактура использованных материалов, да и сама комплектность составных частей, не говоря уже о текстуре, способах изготовления, нюансировке отделки и т. д., – все это остается «за кадром». Между тем знание и понимание многогранной цельности костюма, полноты разнообразных качеств его особенно важны в будущей профессии всех тех, кто имеет дело с костюмом сценическим: театралов, хореографов, участников фольклорных коллективов и прочих.

Потребности учебного процесса вызвали к жизни появление наглядного материала в виде мини-макетов и мини-моделей. Активное участие в его формировании принимают студенты, что имеет дважды эффективный результат. Во-первых, способствует накоплению разнообразного вещественного материала по костюму, во-вторых, и это более важно – стимулирует профессиональный творческий интерес. В науке давно известна взаимосвязь мышечной моторики с умственной деятельностью, с умственным развитием человека, которую современная меди-

цина даже использует в качестве лечения некоторых заболеваний. Сделанная своими руками практическая работа по костюму, без сомнения, развивает творческие способности, креативное профессиональное воображение, расширяет возможности полета фантазии, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из более чем тридцатилетнего кемеровского опыта.

Именно это качество – проявление в практической работе замечательного творческого воображения студентов (причем, у каждой специализации в своем профессиональном ключе) – сподвигло к организации сначала просто выставок, а затем и выставок-конкурсов студенческих работ по истории костюма, которые проходят в КемГУКИ с конца 1970-х годов. Однако тогда до рождения музея было еще далеко. Не только потому, что недостаточный объем накопленного выставочного материала не позволял помышлять об этом, но и оттого, что качественные параметры поделок имели отнюдь не музейный характер, соответствуя главным образом сугубо учебным целям.

Но когда выставки студенческих работ стали готовиться и проходить в тематическом варианте, когда сами экспонаты-поделки поднялись до уровня художественных творений, когда выставки стали проводить не только в стенах вуза, но и за его пределами естественно возникла необходимость расширения поля деятельности и сугубо учебные рамки стали тесными. В конце 1999 года в Кемеровской государственной тогда еще академии культуры и искусств появился Музей истории костюма.

Так вкратце можно ответить на второй вопрос – «откуда взялся такой музей» и частично – «зачем он ну-

жен». Частично потому, что работа в ранге музея это уже совсем другая, не только более широкая и объемная, но качественно иная сторона рассматриваемого вопроса. Нет, конечно, учебные функции при переходе в музейный ракурс не только сохранились, но существенно углубились. Это основное назначение, отражающее специфику вузовского статуса музея, было и остается главным направлением его жизнедеятельности. Но в музейном ранге эта составляющая поднялась на более высокий профессиональный уровень, поскольку получила более прочную научную подоплеку.

Безусловно, научность в преподавании любой дисциплины суть неотъемлемая прерогатива вузовского обучения вообще, без нее немыслим учебный процесс, но для базы костюмологических курсов наличие музея костюма имеет значение особое. Поскольку в таком случае научные искания из области сугубо теоретической переходят на прочный фундамент практических исследований и далее – получают выход в жизнь, в сферу реальной профессиональной деятельности.

Родившись на творческой волне, в рамках студенческого научного общества, Музей костюма, естественно, не может отступить ни от научной концепции собственной организации, ни тем более от научных исследований костюма как такового во всех многообразных его проявлениях, ни от научного поиска и сохранения исчезающих форм, особенно в области традиционного национального костюма. В чем состоят эти вновь открывшиеся при появлении Музея костюма столь важные перспективные возможности?

Во-первых, в непосредственном обращении, непосредственной работе

с костюмом-подлинником. Во-вторых, в создании коллекции аутентичных мини-образцов костюма. В-третьих, в широкой культурно-образовательной экспозиционной деятельности. В-четвертых, в комплектовании базы данных по костюму региона. Так коротко можно ответить на третий вопрос – зачем нужен вузовский музей костюма, не подменяет ли он собою работу музеев профессиональных, которым по их федеральному или муниципальному статусу костюмом заниматься положено, особенно традиционным костюмом народов, живущих или живших некогда на территории региона.

Забегая вперед, можно ответить вполне обоснованно и определенно: нет, не подменяет, скорее, ставит и в меру своих возможностей решает задачи поиска, изучения и сохранения костюма в несколько ином плане и на ином уровне. Этому способствует сам вузовский статус, определивший научность всех аспектов изучения костюма и охвативший широкую палитру многочисленных форм его бытования, не ограниченных ни временными, ни пространственными рамками – от первобытных до ныне существующих вариантов, от региональных до общемировых, от исторических, отразивших господство всеобъемлющих художественных стилей, до современных модификаций, от андеграунда до *haute couture*.

Кроме того, научная работа с костюмом-подлинником включает в себя не только поиск интересных с исторической и общекультурной точки зрения образцов, в этом деятельность всяких музеев совпадает. Однако дальнейший путь – путь научного исследования костюма – в вузовском музее от других существенно отличен. Исследование

костюма-раритета идет по двум основным направлениям. С одной стороны, тщательно изучаются формообразующие и стилеобразующие аспекты костюма с учетом совокупности всех его компонентов: каждого в отдельности и общего комплекса как единого целого. Тут и цвет, и фактура использованных материалов, и взаимодействие их между собою, и построение конструкции, и специфика лекал.

С другой стороны, проводится скрупулезный поиск самых разнообразных данных относительно аналогов подобного рода костюма в литературе среди публиковавшихся когда-либо подобных материалов. То есть идет сравнительный анализ имеющегося образца комплекта костюма или его отдельной детали с уже известными в современной костюмологии аналогами. В этой части работы с подлинником вузовский музей истории костюма уже имеет определенные преимущества. Здесь костюм, в отличие от других музеев, поставлен в центр внимания, он суть основной предмет исследования и жизнедеятельности музея в целом. К тому же, в проработке, скажем, письменных данных по найденному образцу может участвовать значительная группа исследователей вплоть до включения в эту работу студентов – участников СНО. Кроме того, в художественном вузе всегда есть коллектив преподавателей если не костюмологов, то искусствоведов широкого профиля, и костюмом занимаются непосредственно они, специализируясь именно на его изучении.

Между тем названными моментами преимущества вузовского музея в изучении костюма отнюдь не исчерпываются. На следующем (после осуществления поиска и лабораторной об-

работки) этапе исследования раритета-подлинника деятельность вузовского музея костюма уже в корне отличается от всех других музеев. Речь идет о сохранении костюма как отечественного национального достояния. В любом музее под сохранением понимают проведение комплекса мероприятий по продлению жизни экспоната в плане его физической сохранности. Для этого по мере возможности осуществляют целый комплекс мер: температурный, влажностный и световой режим, защита от моли и пыли, методы хранения в подвешенном или уложенном положении, система мер реставрации поврежденных частей или вещи в целом и пр.

Конечно, бережное отношение к экспонату-подлиннику, забота о его сохранности в полной мере осуществляется и в вузовском музее, разве что условия хранения вещей там во многом более ограничены и по площади, и по использованию дорогостоящей техники. Но есть у вузовского музея костюма и свои специфические методы обеспечения продолжительности жизни особо ценных вещей-подлинников.

Костюм относится к разряду вещей недолговечных. При всех усилиях даже современных способов хранения рано или поздно все компоненты его приходят в негодность: теряется цвет, деформируется форма, распадается фактура, рассыпаются волокна ткани и т. д. Как уберечь уникальный комплект, как задержать его у грани всепоглощающей Леты, как передать неповторимость всех составляющих его компонентов поколениям будущих времен? В Музее истории костюма решение проблемы сохранения редких вариантов старинного костюма и отдельных его частей видят и реализуют комплексно в двух основных направлениях.

Первый путь заключается в фиксации с помощью современных методов всех доступных параметров исторического комплекса костюма. Это определение и запись точных данных «родословной» костюма, истории его происхождения как комплекта в целом, так и отдельных составляющих его компонентов. Это словесное описание общего вида, формы, цвета, фактуры, отделки, способа изготовления и т. д. Это точный обмер всех даже самых мелких, кажущихся на первый взгляд незначительными, деталей. Это, памятуя о важнейшей роли кроя в построении конструкции любого костюма, изготовление точных лекал. Это подробная, во всех возможных ракурсах, с лицевой и изнаночной стороны фотосъемка с использованием оптимально точного освещения, способного выявить и передать в фотографии специфику старинного материала, декора, технологии изготовления вещи. Это, наконец, видеосъемка, дающая возможность хотя бы отчасти отразить особенности бытования костюма в пространстве, в движении, в варианте его «живого» некогда образа.

Второй путь состоит в воссоздании объемной копии, объемного образца исследуемого комплекса костюма. Этот метод полностью базируется на данных проведенного научного исследования – письменных, графических и фотоматериалах, полученных в результате предыдущего скрупулезного анализа. То есть фактически речь идет также о фиксации костюма, но фиксации объемной, выполненной из таких же материалов, что и исследуемый подлинник-первообраз, с сохранением всех его особенностей: цвета, фактуры, отделки, даже тектоники (по мере возможности воплощения) и т. д. Наиболее

оптимальным оказался вариант изготовления такой модели-копии в мини-масштабе, в 1/3 размера натуральной величины. Такой мини-вариант удобен и в плане хранения, и в экспозиции очередной выставки, и (что особенно важно) в выполнении практических обучающих функций и теоретических функций анализа-сопоставления.

Практика работы Музея истории костюма КемГУКИ уже подтвердила правомочность подобного пути сохранения особо ценных вариантов костюма, его несомненную действенность в плане безграничного продления жизни костюма во времени. Ведь используя готовые материалы научной обработки, научного исследования такого особо ценного экспоната (описание, обмеры, лекала, фотографии и т. д.), аутентичный образец и в мини и в полном размере можно повторять многократно. Уже есть примеры, когда такая подстраховка сработала: оригинал, некогда взятый во временное пользование для участия в выставке музея истории костюма, прошедший обработку и получивший своего минидвойника, в собственном музее оказался утраченным, к счастью, не навсегда, поскольку существует сегодня и в виде полного комплекта исследовательских материалов, и в виде мини-экспоната.

Тем не менее, возникает вопрос: может ли музей демонстрировать на своих выставках в качестве экспонатов наряду с подлинными историческими вещами собственные поделки? Правомерен ли такой подход в комплектовании экспозиций? Не нарушаются ли тем самым традиции музейной деятельности как таковой? Ответ однозначен: может, правомерен, не нарушает в силу обучающей и научно-исследовательской сущности жизнедеятельности вузовского музея.

Идея использования копий в мировой музейной практике отнюдь не нова: ее широко применяли и применяют по сей день. Использование собственно копий или обращение к этим «новоделам», как принято именовать их, совместно с вещами-подлинниками – явление по сути своей обычное. Однако относительно костюма существуют свои особенности. Для Музея костюма подобная мера в определенной степени вынужденная, хотя в правомерности ее применения сомневаться не приходится. Вынужденная – потому, что составить основательный фонд костюмов-подлинников, способный обеспечить бесперебойное функционирование постоянно действующих и сменных выставок в условиях неуклонного повсеместного исчезновения традиционного костюма, силами вузовского музея просто невозможно. Аутентичные аналоги-«новоделы» помогают такую проблему решить. Кроме того, они служат прекрасным вспомогательным наглядным материалом при изучении костюмологических курсов студентами, поскольку их можно и нужно не только видеть, но и трогать, брать в руки, рассматривать.

С другой стороны, изучение любого явления всегда требует некоего сопоставления, сравнения с чем-то подобным. Костюмные комплексы в этом отношении исключения не составляют, будь то временные сопоставления (разных этапов от древних времен до современности) или территориальные различия (север – юг, восток – запад, Россия – зарубежье). Возможность представить в одной экспозиции хотя бы какие-то из подобных сопоставлений необычайно благодатна и с точки зрения обучения, и в ключе экспозиционной деятельности музея, и по линии научных исследований.

В этом отношении прекрасным примером-ориентиром может служить ставший уже историческим опыт вузовского музея, работающего исключительно с копиями, к тому же, имеющего опыт, проверенный двумя столетиями. Это упомянутый выше музей слепков, музей антиков Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, который выполняет по сути те же обучающие и научно-исследовательские функции благодаря своему уникальному фонду собранных в одном месте мини-образцов античной архитектуры и скульптуры, способных дать объемное, законченное и целостное представление о знаменитых творениях античности в их как самостоятельном, так и в ансамблевом виде.

Фонд аутентичных мини-экспонатов в деятельности кемеровского музея истории костюма по сути своей играет ту же самую учебную, научную и экспозиционную роль. Конечно, такой фонд в силу трудоемкости создания каждого экспоната комплектуется крайне медленно и объем его невелик, однако как по своей значимости, так и по воздействию на формирование других музейных фондов его место в жизнедеятельности музея очень существенно. Наиболее тесно с фондом миниаутентичных моделей костюма связан фото фонд, который, кроме материалов, посвященных скрупулезному исследованию костюма в целях его сохранения, содержит также два больших раздела фотографий, самих являющихся экспонатами, входящими в экспозиции многих выставок, и материалов мемориального плана, запечатлевших в фотоснимках все многочисленные музейные выставки и служащих одновременно хорошим подспорьем в ста-

новлении собственно экспозиционной деятельности музея, в практической реализации наиболее интересно разработанных в теории основ музейного экспонирования применительно к довольно тесным рамкам однозального вузовского функционирования.

Специфика жизнедеятельности вузовского музея истории костюма наиболее полно являет себя (и в плане вузовском, и в плане костюмном) в комплектовании и использовании фонда студенческих работ. Он, кстати, самый большой по объему в музее КемГУКИ. Регулярно проводимые выставки этих материалов служат неотъемлемой частью работы музея в целом, где обрели они статус выставок-конкурсов студенческих работ по истории костюма, и многолетняя практика доказала не только их правомочность, но и удивительную жизнеспособность, поддерживаемую непреходящим интересом как участников, так и посетителей. Об этом можно судить и по количеству проведенных конкурсов (состоялось уже 8 таких выставок-конкурсов, готовится девятая), и по количеству участвовавших в них студентов. Если принять во внимание, что в каждой такой выставке-конкурсе участвует не менее ста представителей разных факультетов университета, то общий, умозрительно представленный, состав их уже явно перевалил за восемь сотен студентов разных лет обучения.

Что касается остальных фондов, то они по сути своей от других музеев не отличаются. Это фонды костюмов-подлинников и вспомогательных вещей-подлинников, которые используются при составлении экспозиций и помогают создать соответствующий фон, соответствующую историческую среду бытования костюма, способную

наиболее полно охарактеризовать как представленные в экспозиции экспонаты, так и раскрыть основной замысел, главную тему проводимой выставки. Из практики музея можно привести пример большой тематической выставки «Живая память лихолетий», показанной в 2002 году.

Наименование выставки имело существенное уточнение: «Костюм и домашнее рукоделие первой половины XX столетия». Устроители экспозиции решали таким образом двойную задачу: во-первых, показать наиболее характерные для тех времен варианты костюма, во-вторых, представить тот костюм в естественной для него обстановке, в сопровождении подлинных вещей, формировавших интерьер жилых помещений, создававших некогда столь необходимый для того времени уют дома, тепло домашнего интерьера, причем интерьера, обустроенного своими руками, руками отечественных женщин-тружениц.

Временные параметры экспозиции (первая половина XX в.) вместили в свои рамки один из самых трудных периодов российской истории, в течение которого произошли глобальные события мирового и государственного масштаба: две революции, последовавшая затем гражданская война, охватившая всю огромную территорию развалившейся Российской империи, две мировых войны, последняя из которых обернулась войною Отечественной. Как жили люди в те тяжкие голодные и разоренные времена, что носили, чем украшали свой быт?

Выставка не только ответила на все эти вопросы, но и воочию продемонстрировала поразительную, неуничжимую тягу человека к прекрасному, способность его творить, создавать

красоту своими руками в любых, даже самых сложных условиях. Показанные в экспозиции вещи убедительно утверждали: никакие войны, голод, разруха не способны заставить человека перестать быть человеком, уничтожить в нем безграничную веру в добро, в красоту, в будущее. Ведь все те вещи, что составили экспозицию, сибирские женщины выполнили с непременным учетом дальнейшего служения их детям и внукам, будущим поколениям. Такому восприятию, «прочтению» той выставки во многом способствовало включение в состав ее экспонатов замечательных предметов из вспомогательного фонда вещей-подлинников: вручную выполненную, вышитую в различной технике подзоров, наволочек, гардин, скатертей, накомодников, салфеток, дорожек, подушечек-«думок», всевозможных панно и т. д. Так вещи-подлинники, задействованные в той выставке, по существу не просто помогли создать некий антураж, они на равных с костюмом участвовали в сотворении многоликого зримого художественного образа – мало знакомого современному человеку рукотворного мира ушедшей эпохи.

Есть в деятельности Музея костюма еще один вспомогательный фонд не слишком обширный, но очень весомый в своей значимости – фонд литературных и письменных материалов, который имеет свои особенности. С одной стороны, он формируется посредством целенаправленного подбора специальной костюмологической литературы, поиска и копирования на бумажные и электронные носители новейших материалов из различных научных сборников, статей в периодической печати прошлого и настоящего времени. С другой – являет собою результат на-

копления материалов исследований по костюмологии, проводимых самим музеем. К ним относятся публикации сотрудников музея, курсовые и дипломные работы студентов по вопросам изучения костюма, особенно костюма сибирского региона. Этот фонд служит добротной научной базой всех видов проводимых музеем исследований: научных, учебных, экспозиционных.

Определяя грани вузовской специфики жизнедеятельности музея истории костюма, необходимо обратить внимание не только на его назначение в качестве учебного и научного подразделения, но и на собственно музейную, выставочную деятельность, поскольку и в этой области дают о себе знать сугубо вузовские условия работы, диктующие свои критерии экспонирования. Первый вопрос, который неизменно встает перед любым музеем с самого начала его функционирования и вновь возникает по мере формирования фондов и накопления экспонатов, это вопрос сути и качества устраиваемой экспозиции.

Какие выставки музей намерен устраивать, на кого они ориентированы, какая продолжительность экспонирования оптимальна для данного музея непосредственно? Чему отдать предпочтение в определении экспозиции: постоянной неизменной или временной сменяемой; стационарной или выездной; составленной из собственных фондов или с привлечением экспонатов со стороны; обходиться исключительно подлинниками или «новоделами», а может, теми и другими вместе? Словом, вопросы, вопросы, вопросы. И как всегда однозначных ответов на них нет и быть не может, поскольку каждая выставка понуждает решать эти проблемы по-своему. Все зависит

от определенной цели выставки, построения ее концепции, от задач, которые каждая конкретно взятая экспозиция должна если уж не решить, то четко и ясно поставить.

Двойственность статуса – вузовского и музейного одновременно – определяет специфику экспозиционной деятельности музея истории костюма. В качестве подразделения вуза необходимо регулярно проводить выставки-конкурсы студенческих работ. Как собственно музею, и это относится к любому рангу подобных заведений, следует устраивать экспозиции тематические. Так что чередование того и другого суть данность неперемнная, из которой проистекает временный характер функционирования любой выставки костюма, следовательно, вопрос о возможности устройства постоянной экспозиции отпадает сам собою.

Что до выбора стационарного или выездного варианта проведения очеред-

ной выставки, то он свободно решается по мере формирования фондов, по мере накопления необходимого экспозиционного материала, когда уже не составляет проблемы демонстрировать две выставки (стационарную и выездную) одновременно, что, собственно, и происходит в последние годы. Например, в дни празднования 15-летнего юбилея Кемеровской и Новокузнецкой епархии, который отмечали в сентябре 2008 года, Музей истории костюма КемГУКИ провел сразу две выставки – одну в Манеже, а другая продолжала функционировать стационарно в зале музея в главном корпусе университета.

Так, на примере работы Музея истории костюма КемГУКИ, коротко и обзорно можно обозначить основные специфические параметры жизнедеятельности музея костюма, обусловленные его непосредственно вузовским статусом.

Примечания

1. Оленин, А. Н. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар. – СПб., 1832.
2. См.: Захаржевская, Р. В. Костюм для сцены. – Ч. I. – М., 1973; Ч. II. – М., 1974; Киреева, Е. В. История костюма: Европейские костюмы от античности до XX века. – М., 1970; Мерцалова, М. Н. История костюма: Очерки истории костюма. – М., 1972.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ
«КРАЙ» – «КРАЕВЕДЕНИЕ»

А. В. Киселев

Актуальность, востребованность краеведческого материала в социально-гуманитарном знании, в сферах социокультурной, экономической и политической деятельности с необходимостью предполагает осмысление его теоретико-познавательного ресурса, методологической и историографической рефлексии. «Краеведение и регионология, – подчеркивает академик С. О. Шмидт, – во многом способствуют формированию нашего собственного сознания, наших знаний о закономерностях и особенностях развития природы и общества в их взаимосвязи. Элементы этих представлений лежат в основе наших знаний в области источникововедения, историографии, истории культуры, не говоря уже о памятникововедении. Поэтому важно, чтобы методология и методика такого рода знаний и деятельности соответствовала современному уровню научных и технологических представлений» [1]. На важность концептуального анализа указывает профессор Н. Н. Тагильцева: «эффективность краеведения во многом зависит не только от организационных усилий, но и от степени разработки его теоретических основ, а последнее не может быть достигнуто без научного анализа исторического опыта» [2].

Историографический анализ фиксирует ситуацию «методологической неопределенности» в отечественном краеведении. Период «золотого десятилетия» – 1917/1918–1927/1929 гг., определив основные теоретико-методологические подходы, принципы и ме-

тодические приемы культурно-исторического и историко-производственного направления в познании локального, не дал четкого понимания предмета и метода краеведения.

Обновление методологического арсенала отечественной и мировой историографии в конце XIX – начала XX века идеографическим построением неокантианской философии истории (в России оригинальную неокантианскую познавательную парадигму разработал академик А. С. Лаппо-Данилевский) придало местному материалу качество самостоятельного объекта познания. Идеографическая разработка концептуальных основ вывела теоретиков «золотого десятилетия» на понимание единства пространственно-временных характеристик в познании края. «История и география каждой местности, – отмечал профессор И. М. Гревс (ученик и последователь А. С. Лаппо-Данилевского), – представляют единство и требуют индивидуализирующего (идеографического) изучения, обе эти науки находятся в близком родстве. Они и в ходе работы тесно связываются друг с другом и должны систематически сотрудничать, восстанавливая отдельные синтезы (фигуры) края, страны, земли в пространстве (география) и во времени (история)» [3].

Приват-доцент МГУ М. Я. Феноменов, ведущий теоретик и практик краеведческого изучения села 1920-х годов, подчеркивал важность «географического принципа». «Карта

становится почти неотъемлемой частью каждой научной работы. Там, где раньше довольствовались изображением эволюционного ряда, мы непременно хотим видеть еще и пространственное распределение явлений. География становится тем мостиком, который связывает естественные науки с экономикой и обществоведением, причем эти дисциплины тоже пронизываются географизмом», удовлетворяя «стремление к детальному изучению пространственного размещения явлений разного порядка (природа, экономика, быт)» [4].

Единство в методологической концепции пространственно-временных параметров и определило важный теоретико-познавательный вывод краеведов, что «место (*locus*) само по себе может явиться ценнейшим объектом исторических исследований» [5]. Идеографическое построение, возможное, как отмечал С. Архангельский [6], лишь при локальных изысканиях, избрав целью своего изучения индивидуальное (творение субъекта), концентрировало краеведческое познание на человеке. Отсюда антропологичность концепции «золотого десятилетия». Современная история – по преимуществу история культуры и быта, поэтому анализ политических отношений, эволюция права, схема хозяйственного развития, как писал М. Я. Феноменов, не наполнит ее бытовым, реальным, красочным содержанием. «Мы должны знать, как люди известной эпохи жили, как они работали, как питались, как одевались, как мыслили и чувствовали. Нам нужно знать обстановку их жилища, нам нужно наблюдать их романы и любовные приключения, нам надо подслушать их тайные желания и мысли, нам надо знать предмет их веры или поклонения,

надо разобраться в мотивах их взаимной дружбы или вражды; нам надо видеть как они приходят в ярьсть, ради чего вступают в борьбу, как пользуются плодами победы. Только тогда, когда мы сумеем все это проследить, мы скажем, что мы знаем эпоху» [7]. С теоретико-познавательной стратегией культурно-исторического краеведения, в силу своей диалектичности, созвучна марксистская концепция историко-производственного направления, представленная трудами В. К. Гринкевича, А. М. Большакова, А. И. Дзенс-Литовского и др. [8]. Отсюда определенная общность в трактовке понятия «краеведение» и предмета изучения. М. Я. Феноменов под краеведением подразумевает «комплексное антропогеографическое изучение известного района, в целях организации хозяйственного и культурного строительства в этом районе» [9]; у А. И. Дзенс-Литовского «краеведение есть всестороннее изучение местными силами жизни природы, человека с его трудовой деятельностью и общества местного края в его прошлом и настоящем на предмет наилучшего использования всех производительных сил края в интересах его благосостояния и благоденствия всей страны» [10].

Объектом познания выступает «край». Крупный теоретик культурно-исторического краеведения М. В. Муратов, научный сотрудник ЦБК (Центральное бюро краеведения), подчеркивал: «Всегда объектом изучения будет тот или иной край, имеющий свои отличительные черты, свой облик, свои жизненные интересы, представляющий собой некоторое целое» [11]. В понимании профессора И. М. Гревса (участник II–III краеведческих конференций, председатель культурно-исторической секции Ленинградского общества

изучения местного края, член ЦБК), «край – это именно живое целое; это особого рода организм так же как – в более широком горизонте – область, страна, земля («ландшафты», индивидуальные комплексы природных и культурных свойств, черт, соединений)» [12]. А. М. Большаков, признанный теоретик историко-производственного направления, воспринимал край как «некий своеобразно-цельный, неповторяющийся во времени и в пространстве комплекс явлений, с присутствиями ему теми или иными существенными чертами» [13].

Поскольку в период «золотого десятилетия» суть краеведения видели в исследовании именно «родного края» и именно «местным населением», то предмет познания определялся как «местный край», который, как подчеркивал А. М. Большаков, является основным понятием краеведения. «Краевед призван к изучению – этого мы не должны забывать ни на одну минуту – своего края... каждый местный край есть физико-географическая, социально-экономическая и культурно-историческая индивидуальность» [14]. М. Я. Феноменов отмечал: «Под краеведением мы разумеем планомерное изучение своего края. В основе такого изучения лежит бессознательный интерес к краю, любовь к нему» [15]. Исследователь Вологодской губернии Н. В. Ильинский считал краеведение делом местным, доступным всякому любознательному человеку, искренне любящему свою родину [16]. Академик М. М. Богословский (участник I Всероссийской конференции обществ по изучению местного края 1921 г.) говорил, что чувство местного патриотизма, любви к родному краю, практически и действительно выражается в желании

для своего края всех благ в настоящем и процветания его в будущем. «Движимые таким чувством, – продолжал он, – работают местные деятели на благо и для процветания своего родного местного края это чувство любви к местному краю вызывает интерес к прошлым судьбам родной стороны, к ее истории» [17].

Но в трактовке самого термина «местный край» у краеведов 20-х годов XX века отсутствовало четкое понимание. «Местным краем принято называть территорию, – писал А. И. Дзенс-Литовский, – деревни, села, завода и т. п., до масштаба волости, уезда и губернии, а иногда и целой области, в которой характер рельефа, климата, растительного и почвенного покрова и, наконец, культуры человека сливается в единое гармоническое целое» [18]. М. Я. Феноменов исходил из того, что «самый район изучения может быть более или менее широким и может быть определен на основе признаков естественно-географических, экономических, национальных, административных» [19]. Краеведы Н. А. Гейнике, Н. С. Елагин, Н. П. Зимин, К. А. Соловьев рекомендовали для обследования административную единицу: село, волость, уезд, губерния, округ, «так как по линии административных делений проще получить всякого рода сведений» [20]. А. М. Большаков уточнял, что «предельной единицей краеведческого изучения не следует брать край больший, нежели район» [21]. Он разделял подход В. В. Богданова (доцент кафедры этнографии I МГУ, ученый секретарь общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), который в своем докладе постановочного характера на Первой Всероссийской краеведческой

конференции (1921 г.) подчеркивал: «...Краеведение принципиально должно исходить из изучения небольших величин, доступных достоверному пониманию» [22]. Под районом Большаков подразумевал «ту хозяйственно-административную самоуправляющуюся единицу, которая, в результате проведенного районирования, пришла на смену волости» [23]. Какая-либо чрезвычайно узкая территория, как дом, улица, по мнению А. М. Большакова, не может быть подведена под понятие «местный край», поскольку она не отражает с необходимой полнотой условия самого разнообразного порядка: физико-географические, социально-экономические, культурно-исторические [24].

Таким образом, в определении «местного края» для краеведов «золотого десятилетия» основным критерием выступало административно-территориальное деление. Положение о том, что краеведы «должны изучать районы в их административных границах», А. М. Большаков рассматривал как временное, считая это результатом «низкого уровня наших знаний». Ученый выражал надежду, «что при надлежащем развитии краеведения мы не только сможем дать точное, исчерпывающее понятие «местного края», но и подвергнем эти своеобразные комплексы строгой классификации. И даже больше – наметим те законы, под действием которых страна распадается на мельчайшие, но целостные отдельные, и в то же время живет в этих отдельностях как нечто большое – единое, как страна» [25].

Познание обитателями своего родного края как яркое проявление рефлексивной способности и эмоциональности человека явилось результа-

том модернизации, которая, индивидуализировав «пространством свободы» российский социум, изменила социальный статус личности, породив тем самым стремление к самоопределению в новом обществе, что сопровождалось повышением уровня местного самосознания. «Краеведение, – отмечал заместитель председателя ЦБК, академик, востоковед и лингвист Н. Я. Марр, – это самосознание не государства, не гражданина, а населения, нации, народов – человека» [26]. Отсюда повсеместное изучение малой родины, образовавшие характерную особенность отечественного краеведения как массовой социокультурной формы исследовательской деятельности. «Краеведческое движение, которое широко разлилось по пространству нашего Союза, – писал М. Я. Феноменов, – является результатом пробуждения самосознания среди широких масс трудового населения. Люди труда, которые раньше далеко стояли и от вопросов научного изучения, и от вопросов общественного строительства, теперь хотят познать свой край, познать для того, чтобы построить в нем новую, лучшую жизнь» [27]. Об изучении местного края как о крупнейшей и сложной, сознательной и глубоко продуманной жизненной работе постоянно говорил первый председатель ЦБК, академик, востоковед и культуролог С. Ф. Ольденбург: «краеведение есть массовое научно-культурное движение. Краеведение как научное явление у нас ново, ему 200 лет, но... оно было только явлением, а не движением... Настоящим движением... краеведение стало после революции» [28].

Рост локального самосознания стал мощным импульсом в постижении местным социумом «себя» по-

средством пространственно-временной ориентации в истории. Возникла острая потребность у местного сообщества связать свое «настоящее бытие» с историей, то есть идентифицировать себя в социальном времени и в социальном пространстве. Профессор, член-корреспондент АН С. В. Бахрушин, ученик В. О. Ключевского, председатель культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии, в докладе на III краеведческой конференции РСФСР (1927 г.) отмечал наблюдаемый повсюду в СССР подъем интереса к местной истории. «Зайдите в читальный зал Московского древлехранилища, – говорил он, – и вы увидите: в нем все столы заняты работниками с мест, приехавшими издалека с официальными поручениями по разработке источников по истории их края. Эта волна интереса к местной истории... характеризует собою рост местного самосознания, под влиянием того грандиозного переворота, который пережило на местах население, впервые привлеченное к общегосударственному строительству... Непосредственное участие в широкой работе по устройению своего края невольно вызывает интерес ко всем сторонам местной жизни, в частности к прошлому края, а в практической работе растет сознание необходимости знать это прошлое, чтобы строить настоящее и будущее» [29]. Считая изучение местной истории неотъемлемой частью серьезно поставленного краеведения – «без изучения края в прошлом невозможно научное его изучение и в настоящем» [30], – С. В. Бахрушин рекомендовал «организовать курсы и практические занятия по историческому краеведению» [31].

Профессор И. М. Гревс в докладе «История в краеведении», раскрывая

важность «исторической работы над краем» и «великое значение исторического подхода», активно поддерживал «развитие исторического краеведения» [32], подчеркивал необходимость сохранять связь времен – прошлое, настоящее, будущее, поскольку оно содействует местному самопознанию, познанию окружающего мира и человека в нем. «Нельзя разъединять времена: настоящее коренится в прошлом, закрыть глаза на последнее – значит ослепнуть для прозрения первого» [33]. Чтобы узнать человека, схватить его выразительность, считал он, надо построить его биографию. То же требуется и применительно к краю: следует работать над историей местности, края, области. «История должна изучаться не менее тщательно, чем современность. Первая объясняет вторую, но и вторая бросает обратно взгляд на первую, освещает ее сохраняющимися от нее вещественными и духовными следами – живыми ростками прошлого, связующими традициями, которые рождают и чаяния будущего [34]. Там, в прошлом – источники и зародыши, прецеденты здоровья и болезней настоящего содержания того, чем живет современность. Надо узнать, понять и наличность, и связи этого всего, чтобы поддержать доброе и нужное, излечить больное, удалить то, что составляет зло, порчу и вред» [35].

Познание не «абстрактного», а родного, местного края, не «нейтральным», а местным жителем придало отечественному краеведению 20-х годов XX века качество «исходной территории», на которой происходила «встреча» и начиналось взаимодействие обитателей малой родины и науки. «Краеведение, изучение края, – говорил В. В. Богданов, – есть первичный ре-

зультат науки» [36]. Эффективность оформляющегося социокультурного сотрудничества состояла, во-первых, в образовательной сфере, в просвещении. Академик С. Ф. Ольденбург, рассматривая краеведение «как способ приближения науки к массам и вовлечение массы в культурную работу» [37], писал, что «это та школа, из которой человек не должен уходить до конца своих дней. Это та школа непрерывного сознательного отношения ко всему окружающему, учениками которой мы хотим видеть всю народную массу. ...Это непрерывное учение доступно каждому. Вот в чем идея настоящего послереволюционного краеведения» [38]. Во-вторых, краеведение как стационарная форма социокультурного взаимодействия локального сообщества и науки позволяла интенсифицировать поместное исследование отечества. Результативность экспедиционного способа изучения, при географичности России, ее пространственности, в условиях недостатка интеллектуальных ресурсов не обеспечивала комплексного обследования отдельных территорий. На этот «изъян» указывал в конце XIX века соратник и друг академика С. Ф. Ольденбурга, талантливый организатор и исследователь Сибири Д. А. Клеменц. «Изучение страны посредством поездок и экспедиций ученых, становится недостаточным, – писал он в 1892 г., – не кратковременные наблюдения проездом и мимоходом, а исследования на месте, стационарные, все более и более выдвигаются на первый план» [39]. В 20-х годы XX века необходимость систематического, регулярного и повторного исследования, на фоне снижения обще-гуманитарного уровня, востребовала стационарный характер краеведения. «Экспедиции

специалистов, надлежащим образом оборудованные, настолько дороги, что их всегда будет немного, – писал С. Ф. Ольденбург – У нас так мало квалифицированных работников, что им не справиться с исследованием страны, если они не смогут опереться на массового работника. Создание этого массового работника и есть, по-моему, основная задача краеведения, задача исключительно трудная, но вместе с тем исключительно благородная» [40]. Целостное знание приобреталось краеведением не только стационарностью, но главным образом тем, что изыскания проводили обитатели конкретного края, располагающие детальной информацией. «Местный житель-краевед, – отмечал Сергей Федорович, – предоставляет материал настоящей степени достоверности» [41], поскольку «жизнь и вообще объекты исследования подходят к краеведу чрезвычайно близко, потому что он живет в них непосредственно, он целиком сливается с ними» [42]. Отсюда и утверждение академика – «краевед... является вернейшим сотрудником научного центра» [43], «без краеведения мы бессильны» [44]. Исходя из социокультурного характера краеведческой работы, С. Ф. Ольденбург дал следующее определение: «краеведение – это интенсивное изучение данного края, по преимуществу стационарной работы» [45]. Позиции председателя ЦБК разделяли ведущие теоретики 20-х годов XX в., считавшие, что «краеведение исследует край, опираясь исключительно на местных людей». А. М. Большаков говорил, что краевед является местным человеком, т. е. человеком, хорошо знающим условия жизни данного края, органически сжившимся с этими условиями [46].

М. Я. Феноменов понимал краеведческое познание как «изучение небольшого географического района местными людьми» [47]. Профессор М. К. Азадовский, виднейший сибирский фольклорист-этнограф, в 1925 году писал: «Краеведение – не только изучение края; это может быть делом любой отрасли научного знания. Специальное исследование часто опирается на какой-нибудь местный материал, но от этого оно еще не становится специфически-краеведческим. Краеведение начинается только там, где налицо заинтересованность судьбами края, где налицо органическая связь между исследователем и изучаемым краем» [48].

Итак, несмотря на бурное развитие отечественного краеведения в период «золотого десятилетия», понимание того, что из себя представляет само «краеведение», было различно, а сущность его не установлена. Теоретико-методологическим достижением двадцатых годов XX века явились, во-первых, пространственно-временной и антропологический подходы, которые определили исключительное значение связи времен (прошлого, настоящего и будущего) в познании «края»; во-вторых, теоретическая мысль, которая понятием «местный край», «родной край» методологически выводила изучение края на аксиологический уровень.

Примечания

1. Шмидт, С. О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. – СПб., 2000. – С. 15.
2. Тагильцева, Н. Н. Специфика краеведения как синтеза наук. (На примере краеведения Уральского региона конца XIX в. – 1930-х гг. XX в.) // *Источниковедение и краеведение в культуре России*. – М., 2000. – С. 295.
3. Гревс, И. М. История в краеведении // *Краеведение*. – 1926. – № 4. – С. 491.
4. Феноменов, М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // *Краеведение*. – 1926. – № 2. – С. 158.
5. Анциферов, Н. П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // *Краеведение*. – 1928. – № 6. – С. 322.
6. Архангельский, С. Локальный метод в исторической науке // *Краеведение*. – 1927. – № 2. – С. 189.
7. Феноменов М. Я. Значение монографического изучения деревни // *Краеведение*. – 1926. – № 3. – С. 300.
8. См. Гринкевич, В. К. Краеведение и марксизм // На новых путях краеведной работы. – Л., 1926; Большаков А. М. Введение в краеведение. – М.; Л., 1929; Дзенс-Литовский А. И., Абрамов А. С. Познание местного края. – Л., 1925.
9. Феноменов, М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // *Краеведение*. – 1926. – № 2. – С. 153.
10. Дзенс-Литовский, А. И. На новых путях краеведной работы (Проблемы производственного краеведения) // На новых путях краеведной работы. – Л., 1926. – С. 7.
11. Муратов, М. В. Изучение местного края. Опыт введения в краеведение. – М., 1925. – С. 7.
12. Гревс, И. М. Указ. соч. – С. 488.
13. Большаков, А. М. Введение в краеведение. – М.; Л., 1929. – С. 27.
14. Большаков, А. М. Указ. соч. – С. 19, 27.
15. Феноменов, М. Я. Изучение родного края. – М.; Л., 1926. – С. 57.
16. Ильинский Н. В. Родиноведение. Его история и значение (применительно к Тотемскому уезду). – Тотьма, 1921. – С. 3.

17. Богословский, М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения. – М., 1923. – С. 118.
18. Дзенс-Литовский, А. И. Указ. соч. – С. 7–8.
19. Феноменов, М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. – 1926. – № 2. – С. 153.
20. Гейнике, Н. А., Елагин, Н. С., Зимин, Н. П., Соловьев К. А. Книга краеведа. – М., 1927. – С. 8.
21. Большаков, А. М. Краеведческое изучение деревни. – М.; Л., 1930. – С. 28.
22. Богданов, В. В. Задачи краеведения и история краеведения в России // Вопросы краеведения. – М., 1923. – С. 6.
23. Большаков, А. М. Краеведческое изучение деревни. – М.; Л., 1930. – С. 28.
24. Большаков, А. М. Введение в краеведение. – М.; Л., 1929. – С. 25.
25. Там же.
26. Марр, Н. Я. Краеведение. – Л., 1925. – С. 6.
27. Феноменов, М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. – 1926. – № 2. – С. 153.
28. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 78.
29. Бахрушин, С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – 1928. – № 3. – С. 129–140.
30. Там же. – С. 129.
31. Там же. – С. 140.
32. Гревс, И. М. Указ. соч. – С. 493.
33. Там же. – С. 490.
34. Там же. – С. 507.
35. Там же. – С. 489.
36. Богданов, В. В. Указ. соч. – С. 5.
37. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 12.
38. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 9.
39. Клеменц, Д. А. Местные музеи: их значение в провинциальной жизни (Публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 года). – Иркутск, 1893. – С. 14–15.
40. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 202–203.
41. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 201.
42. Ольденбург, С. Ф. Предисловие // Большаков А. М. Введение в краеведение. – М.; Л., 1929. – С. 3.
43. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 80.
44. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 81.
45. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 12.
46. Большаков, А. М. Указ. соч. – С. 27.
47. Феноменов, М. Я. Краеведное изучение деревни // Бюллетень Третьей Всероссийской конференции по краеведению. – М., 1927. – С. 134.
48. Азадовский, М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. – Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. – Кн. 1. – С. 77–78.

Философия и искусство

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В XIX ВЕКЕ: КОНСТИТУИРОВАНИЕ И ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В. И. Красиков

Философия в России – весьма запоздалая гостья, которая только два века как начала чувствовать себя хозяйкой в российском доме. Россия уже насчитывала почти тысячу лет своей государственности, когда в ней появились философы – по признакам своей профессиональной деятельности и способам представления публике ее результатов.

Вопросы, связанные со спецификой философствования в России, с самого начала возникновения последнего, всегда вызывали повышенное и обостренное внимание, всегда явно или имплицитно связанное с болезненным комплексом «философской неполноценности», который возникал из сравнения с развитой профессиональной философией на Западе. Это объясняет существование трех основных версий оценки статуса русской философии в отношении к западноевропейской.

Первую условно можно назвать *радикально-патриотической*. Она господствовала в советское время в истории русской философии как учебной дисциплине в общем курсе истории философии. В ее основании лежали две установки: одна явная и официальная, другая – неявная, но неофициально одобряемая. Первая основывалась на

принципах материализма и классовости, которые ориентировали исследователя на биполярное видение мира, духовной жизни, истории философии – как борьбы «сил прогресса», эксплуатируемых, материализма с «силами реакционными», эксплуататорами, идеализмом. В большом почете были материалистически и атеистически ориентированные мыслители. А если философ-материалист был еще к тому же и революционером, то тогда он точно объявлялся великим философом – к примеру, такая судьба была уготована Радищеву и Чернышевскому, Белинскому и Герцену. Последние представлялись, с невероятной натянутостью, как предшественники марксизма в России, превышающие «на четыре головы» западных мыслителей домарксистского периода [1]. Вторая, тогда скорее неявная, установка на сверхпатриотизм выражалась в совершенно неоправданном удревнении русской философии – считалось, что начало русской философии совпадает с началом русской государственности, т. е. приходится на IX век. Причем под «философские» попадали просто юридические или историко-художественные труды – такие, как «Русская правда», «Повесть временных лет», «Переписка Ивана Грозного с князем Курбским» и т. п.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009–2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

Эта версия продолжает свое успешное существование, занимая серьезные позиции в духовной жизни и по сию пору. Ее сторонники, элиминировав свою прежнюю вульгарно-материалистическую доминанту в оценке духовного наследия русской культуры, заменили ее на позицию «православно-имманентизма» русской философии. Так, она «софийна», основана на «гносеологии сердца», мистическом богословии и аскетических традициях [2]. Аргументом же в пользу удревления русской философии служит якобы ее особая форма существования: рассредоточенность во всем контексте культуры, использование обширной гаммы выразительных средств, «применение разнообразной системы жанров от эпистолярного в духе Петра Чаадаева до эзотерической живописи в стиле Николая Рериха» [3]. Очевидно, что собственно «философия» в такой интерпретации исчезает.

Вторую версию взглядов на отечественную философию можно назвать *умеренно-патриотической*. Она сложилась гораздо раньше первой и является выражением славянофильских установок. Ее можно найти в работах авторитетных историков русской философии: «Русской идее» Н. Бердяева, «Русской философии» А. Ф. Лосева, «Истории русской философии» Н. О. Лосского, «Истории русской философии» В. В. Зеньковского. По мнению этих авторитетов, философия в России начала развиваться как философия только начиная с XIX века – до этого же была лишь предыстория, когда философия в России носила случайный характер и была «вкраплением» в общественно-политической жизни. Причины подобной задержки в интеллектуальном развитии видели в многовековой изоляции России от духовного развития как Запада, так и Востока (имеются

в виду великие нехристианские культуры: индийская, китайская, арабская) – вначале вынужденной (двухвековое иго «Золотой орды»), затем добровольной (изоляция до Московского государства до Петра Великого).

Философией до XIX века занимались в основном представители духовенства – такие, как митрополит Петр Могилла, епископ Феофан Прокопович. Заметно творчество Григория Сковороды. А самая значительная фигура в «прологе» к XIX веку (В. В. Зеньковский) – это Александр Радищев (трактат «О человеке, его смертности и бессмертии»). Начало последовательного развития философии в России, как полагают сторонники второй версии, восходит к тому времени XIX века, когда российское общество пережило период увлечения немецким идеализмом Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Появление русской философии связывают с именами славянофилов Ивана Киреевского и Алексея Хомякова. Их философия и была попыткой преодоления немецкого типа философствования на основе православного толкования христианства. Последнее опиралось на сочинения отцов восточной церкви и возникло как результат национальной самобытности русской духовной жизни.

Этой версии развития русской философии соответствует следующая периодизация.

Первая половина XIX века – самоопределение русской философии в полемике с немецким идеализмом и шире – в контексте общественно-политического и духовного противостояния славянофилов и западников.

Вторая половина XIX века – период интенсивного ученичества у западной философии, в это время возникают многие философские направления на российской духовной почве, аналогичные западным: а) материалистичес-

ты нигилистического толка (Бакунин, Чернышевский, Писарев и Сеченов); б) русские позитивисты (Лавров, Михайловский, Кавелин, Кареев и др.); в) русские персоналисты (Козлов, Лопатин); г) русские неокантианцы (Введенский, Лапшин); совершенно особо здесь стоит фигура Владимира Соловьева, который знаменует собой вершину русской философии XIX века.

Начало XX века – расцвет русской философии. Как в литературе и искусстве это время называется «серебряным веком», так же подобная характеристика применима и к характеристике русской философии этого периода, которая дала миру целую генерацию крупных и самобытных философов. Последующее развитие было прервано большевизмом. Русская философия разделилась на эмигрантскую и советскую.

Эти же философы выделили ряд черт, являющихся, по их мнению, специфичными именно для русской философии. Во-первых, русская философия – это выражение непонятного, *несистемного мышления* (А. Ф. Лосев) – т. е. предполагаются иные способы постижения реальности, не сводимые к формально-логическим системам, систематичности и тщательному упорядочиванию. Последнее объявляется выражением «немецкого философствования, как следствия немецкой же ментальности.

Во-вторых, адекватными же российской ментальности были объявлены иные способы постижения смысла жизни – при помощи «цельного» знания и «цельного» познания (Н. Бердяев). Суть этих интеллектуальных инноваций – в экзистенциализации истины, которая может быть освоена только «цельной жизнью духа», «цельным человеком». Последние состояния достижимы через отказ от увлеченности

абстракциями и отвлеченным разумом, путем экзистенциального синтеза всех духовных сил (чувственного опыта, рационального мышления, эстетического восприятия, нравственного отношения и религиозного созерцания) воедино. К тому же истина, к которой стремится человек, вовсе не исчерпывается только гносеологическим отношением, а является также нравственным отношением-состоянием человека. Это *праведность*. Последнее же не передается с помощью лишь логических понятий – наиболее адекватны здесь скорее *символ и образ*.

В-третьих, это *религиозный характер* русской философии, в которой одна из приоритетных задач – осмысление православия как универсального мировоззрения. Религиозность эта, однако, была неортодоксальной. Русская философия, скорее, религиозно-экзистенциальна (как, к примеру, у Кьеркегора), представляя взаимоотношения Бога и человека в виде онтологических, базисных основ мироздания.

В-четвертых, неотъемлемой чертой российской ментальности и, соответственно, русской философии полагалась *соборность*, идея которой была развита Алексеем Хомяковым. Соборность означает сочетание единства и свободы многих лиц на основе их общего принятия неких абсолютных ценностей. У Хомякова соборность – сугубо богочеловеческое качество, однако некоторые современные интерпретаторы полагают «соборность» универсальным качеством российской ментальности и поэтому утверждают наличие и нерелигиозной соборности. Предполагается, что это некое уникально-русское решение дихотомии коллективизма и индивидуализма.

И в-пятых, по мнению названных историков русской философии, сильное влияние на последнюю ока-

зала идея телеологичности истории. Согласно ей, любой общественный строй несовершенен и может внести лишь частичные улучшения в человеческую жизнь, принося одновременно и новые недостатки, возможности для злоупотреблений. Весь ход истории вследствие этого есть лишь подготовительная фаза перехода от истории к метаистории, т. е. грядущему «царству божьему» на Земле. Подобная эсхатологическая настроенность благоприятствовала усвоению россиянами радикальных социальных утопий, ориентированных на качественное преобразование всей жизни и человеческой природы, построение «царства справедливости» на Земле.

Третью версию взглядов на русскую философию можно назвать *западнической*. Она исходит из западноевропейских стандартов философствования – секуляризованная, логически-стандартизованная, систематическая рефлексия в понятиях; наличие развитой гносеологической проблематики, профессионализм и академические традиции. Оценивая русскую философию по этим стандартам, сторонники такого подхода не видят в ней ничего оригинального, а лишь свидетельство незрелости и много подражательного. Так, еще в 1922 году Б. Яковенко в своих «Очерках русской философии» утверждал: «Все, что Россия имела и дала философского, – все это родилось либо из прямого подражания, либо из бессознательного подчинения себя чужим влияниям, либо из эклектического стремления слепить воедино несколько чужих мыслей» [4].

Современные философы, придерживающиеся подобных взглядов [5], также исходят из общефилософских стандартов в оценке русской философии. Ее уровень развития сопоставим, утверждают они, со средневековой

схоластикой, т. е. это еще не секуляризованная, религиозная философия. Подобная ситуация в философии обусловлена типом развития российского общества, который более близок Востоку, нежели Западу. Это тип общества, базирующегося на гипертрофированном развитии функций целедостижения, поддержания ценностного образца и интеграции. Поэтому в культуре подобных обществ неизбежны органицистские приоритеты и антииндивидуалистские настроения. Консерватизм и религиозность могут достаточно легко обратиться в революционность, но при этом корпоративизм и чувство исключительности инвариантны для российской ментальности.

То же, что полагают за некую национальную специфику, эти философы квалифицируют как национальные мифы («соборность», «общинность», «мессианизм», «почвенничество» и пр.), порожденные славянофилами как романтический протест против грядущей модернизации, постоянно возобновляемые уязвленным национальным самосознанием.

Нечто подобное наблюдается и сейчас, когда в условиях краха идеологического диктата в философии оказалось, что уровень философских исследований у нас, в сравнении с западной философией, довольно-таки невысок. Причина этого – в отсутствии долгое время свободы для философского творчества и возможностей для нормальной (т. е. плюралистичной) профессиональной деятельности. Отсюда реакция – самовлюбленное увлечение идеализированным прошлым, тезис о русской философии как некоем беспрецедентном явлении в философии, которое, в силу каких-то особо уникальных ментальных качеств, имеет явные привилегии на постижение истин человеческого существа.

вования. Дело доходит до «невроза уникальности» [6].

Сопоставляя вторую и третью версии, можно убедиться в том, что их авторы имеют в виду разные интерпретации собственно «философии». Во второй версии имеется в наличии образ философии как мировоззрения, связанного с общим ментальным строем народа, культуры, в третьей же ее авторы исходят из европейского представления о философии как профессиональной деятельности.

Наша позиция близка к третьей версии, так как мы исходим из того, что философия есть деятельность по прояснению и концептуализации существенного своеобразия сознания рефлексирующего человека. По этим критериям только Владимир Соловьев может считаться уже вполне самостоятельным философом (его учение о Софии как концептуализация существенного личностного мистического опыта). В России до XIX века существовали элементы религиозной философии, которая сама по себе не может обеспечить качественное, инновационное развитие философской мысли (тысячелетие средневековой схоластики убеждает нас в этом). Этому также препятствовало наличие двух обстоятельств.

1) Отсутствие до XIX века индивидуализма как ценностной ориентации массового поведения, как жизненно-практического условия для культивирования рефлексивного самознания, ведь настоящая модернизация была проведена в российском обществе лишь Советской властью и опять-таки коллективистским способом.

2) Отсутствие академической традиции – университеты в России имеют весьма скромный исторический опыт в сравнении, к примеру, с немецкими.

Обратимся теперь к конкретным персонажам складывающегося фило-

софствования в России. Явную попытку создать свой, российский стиль философствования предприняли так называемые «славянофилы» в противостоянии с «западниками». В чем заключалась суть их взглядов?

И. В. Киреевский попытался выявить фундаментальные различия между Западом и Россией, видя их в отличных историко-культурных основаниях. Конечно, не все они, с нашей современной точки зрения, одинаково убедительны, многие кажутся наивными. Киреевский говорит о следующих отличиях.

- На Западе мы видим богословие, опирающееся на абстрактный рационализм, доказательство истины при помощи логического связывания понятий. В старой России – стремление к истине не посредством «стремления к цельности бытия, внешнего и внутреннего, общественного и частного».

- На Западе государство возникло на базе насилия и завоевания, в старой России оно возникло в результате естественного развития национальной жизни.

- На Западе мы видим разделение на враждебные классы, в старой России – классовое единодушие.

- На Западе в основе общественных отношений лежит земельная частная собственность, в старой России – собственность была случайным выражением личных взаимоотношений, на которых основывалось общество.

- И последнее, не менее интересное в контексте современности, обстоятельство российской жизни – доминирование «правды» (как ее понимает большинство) над законом. Киреевский говорит о том, что на Западе господствует формальная логическая законность, напротив – в России законность всегда вытекала из самой жизни. Таким образом, на Западе, по Киреевскому,

наблюдается раздвоение духа, науки, государства, классов, семейных прав и обязанностей. И, наоборот, в старой России мы видим целостность жизни и людей. Наряду с этими взглядами, Киреевский не отрицал технологических достижений Запада и его пути, а говорил о самобытности двух ветвей цивилизации.

А. С. Хомякова современники называли русским Пико делла Мирандолой за универсализм его дарований. Это был блестящий, разносторонний человек: философ, богослов, филолог. К тому же, он изобрел паровой двигатель и получил за него патент на Лондонской выставке.

Как и Киреевский, Хомяков придерживался мнения о формалистической рациональности европейской культуры. Но, в отличие от Киреевского, он пытался более основательно аргументировать эту позицию. Для этого он обратился к традиционно-философской – гносеологической проблематике. Окружающая реальность, как полагал Хомяков, конкретна и цельна. Европейский рационализм стремится строить все суждения о реальности на основе законов мышления, что, однако, вовсе недостаточно для полного, «объемного» постижения реальности. Процедуры постижения окружающего должны соответствовать характеру самой реальности, т. е. быть конкретными и цельными. Чтобы познать явления в их жизненной реальности, познающий человек должен как бы «выйти за пределы себя» и перенестись в них «нравственной силой искренней любви». Эту процедуру познания Хомяков называл «живым познанием», в итоге которого достигается «живая истина». Живое познание дает нам познание того, что находится в основе существования (и здесь Хомяков переходит к онтологическим полаганиям) – познание

силы. Сила – это вечное изменение, беспокойство, лежащее в основании вещей. Как мы видим, мотивы немецких романтиков, Шопенгауэра, вообще «философии жизни» здесь довольно-таки явственны.

Мир, полагает Хомяков, имеет в своей основе непредметное и допредметное начало – соответственно, познать их при помощи расчленяющих процедур анализа и рассудка нельзя – при этом теряются их главные качества: целостность и изменчивость. Хомяков критиковал католицизм и протестантизм как проявление духа рационализма Запада. Он пытался модернизировать православие на основе идеи «органической церкви», основанной на идее соборности. Принцип соборности означал, что ни патриарх, ни духовенство, ни даже вселенские соборы не являются абсолютными носителями истины, им может быть только вся церковь в целом (в единении со своими прихожанами). «Соборность» – вовсе не синоним «общинности» (это современная модернизация взглядов славянофилов) [7], а богочеловеческое, благодатное начало в развитии России. Заслугой Киреевского и Хомякова было постановка задачи создания оригинальной русской философии, свободной от «немецкого влияния».

Если славянофилы разрабатывали православно-христианское миропонимание, основанное на учениях отцов восточной церкви и идеализации прошлого России, то *западники* проповедовали ученичество у Запада, повторение того же пути. Западническое движение было связано с деятельностью так называемого «кружка Станкевича». Сюда входили: Белинский, Кольцов, Лермонтов, Бакунин, Катков, Грановский, Чаадаев, Кавелин и др. Что можно сказать об их воззрениях? Во-первых, их взгляды довольно-таки часто менялись

в зависимости от изменения философской «атмосферы» на Западе, особенно в Германии (Гегель, Шеллинг, Фейербах, Фогт, Моллешот, неокантианцы). Во-вторых, для западников была характерна атеистическая ориентация, критика православия. Многие увлекались утопическим социализмом. В-третьих, и это тоже знаменательно, к концу своей жизни многие западники эволюционировали к своей духовной противоположности – к славянофильству.

Таким образом, русская философия конституировалась как теоретическая мысль в XIX веке в противостоянии между славянофилами и западниками. Это своеобразная, становящаяся философия, и в этом смысле отличное от западноевропейской философии духовное образование, выразило в мысли качественное своеобразие российского «умостроя» (коллективизм, сочетание в себе элементов европейских и азиатских, государственный патернализм, сильная религиозная мотивированность, консервативный романтизм и т. п.).

Общепризнанно, что русская философия впервые предстала в зрелом, профессиональном исполнении у Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900 гг.). Личность Соловьева весьма симптоматична для российского духа, соединяя в себе черты и философа, и религиозного деятеля с явными пророческо-хилиастическими наклонностями. Его фигура занимает особое место в истории русской философии, поскольку от него, как от Пушкина, ведет свое начало русская религиозная философия, долгое время позиционировавшаяся как «истинно русская».

Преодолев религиозный кризис юношеских лет, Соловьев в 1873 году пришел к убеждению, что человечество может духовно возродиться лишь благодаря истине во Христе. Основным

делом жизни Соловьева стало создание аутентичной «истинному христианству» философии, которая бы «оживила», наполнила бы новым содержанием мертвые догматы церкви. Таким образом, сам философ воспринимал свои труды не только и не столько как теоретические работы, а как практические попытки совершенствования мира, его улучшения. Соловьев утверждал, что если хотя бы небольшая часть человечества вполне серьезно, с сознательным и сильным убеждением будет исполнять в действительности учение безусловной любви и самопожертвования – то долго ли устоят неправда и зло и мире?

В творческой биографии Соловьева выделяют три основных этапа.

Этап теософии (с 1874 по 1882 гг.). В это время философ надеялся, что осуществление Софии, или мудрости Бога, может быть достигнуто посредством христианской теософии, то есть через познание Бога и отношение его к миру. В это время им написаны такие работы, как «Чтения о богочеловечестве» и «Религиозные основы жизни».

Второй этап (1882–1890) можно назвать теократическим. Это время веры Соловьева в возможность преобразования человечества посредством теократии, т. е. через создание справедливого государства и справедливого общественного порядка, которые осуществят христианские идеи. Причем предполагалась прямая светская власть церкви, которая преодолет давний раскол на западное и восточное христианство и станет новой будущей позитивной силой человечества. Работы этого времени: «Великий спор и христианская политика», «История и будущность теократии», «Россия и Вселенская церковь».

Третий этап творчества Соловьева отсчитывают с 1890 и вплоть до кон-

чины философа в 1900 году. Здесь он всецело был занят теургией, т. е. мистическим искусством, создающим новую жизнь согласно божественной истине. Основные работы этого периода: «Оправдание добра», «Смысл любви», «Три разговора».

Каждая философская система имеет определенные источники. На формирование взглядов Соловьева оказали преобладающее влияние христианский платонизм его университетского учителя профессора Юркевича и учение Шеллинга. От своего наставника Соловьев воспринял убежденность в реальном существовании общих идей, а от Шеллинга – представления о связи абсолютного с миром, о тождестве субъективного и объективного. Большое влияние на Соловьева также оказали оригинальные разработки Киреевского и Хомякова об условиях и принципах «полного» знания.

Систему философии Соловьева можно квалифицировать как *объективный идеализм*. Сам автор называл ее то «реал-идеализмом», то «философией всеединства». По существу она представляет собой оригинальную модификацию универсалистских философских систем, которые в основание развития мира полагают объективные идеальные принципы, как, к примеру, у Шеллинга, Гегеля или Шопенгауэра. Однако Соловьев не просто скопировал эти философские системы, он разработал свой, оригинальный вариант абсолютного идеализма. В чем же состояла оригинальность этого варианта?

В немецком идеализме в качестве духовных основ действительности выступала некая сумма абстрактных идеальных принципов и категорий, чье развитие и составляло суть мирового процесса. При этом личностное, персонализированное в мироздании рассматривалось лишь как «случайное»,

ибо абсолютно необходимо лишь «всеобщее». Соловьев заявил об ошибочности такого подхода: хотя в основании мира действительно лежит абсолютное, но оно существует не в виде идеи или принципа, а конкретно воплощено в живой личности Христа. Абстрактные идеальные начала как таковые, по мнению Соловьева, не могут дать миру единство и определенность. Абстрактные идеи осуществляются только посредством живых деятелей, через деятельность живых индивидов, которые руководствуются этими идеями. Так, сила христианства, полагает Соловьев, вовсе не в какой-то новой мудрости, а в том, что были люди, начиная с Христа, которые воплощали свои идеи в жизнь – жили по правде. Космос организован, по Соловьеву, как единство абстрактных идеальных принципов (царство закона) и их живых воплощений (царство милости). Подобные идеи, кстати, развивали также и английские философы-неогегельянцы (Брэдли, Мак-Таггарт), которые называли это единство «конкретными универсалиями». Мир, по Соловьеву, тем самым есть абсолютное всеединство – «единство себя и противоположного», Бога и мира.

Помимо своих теократических взглядов, Соловьев известен также своим учением о Софии. В качестве источников этого учения можно указать на философию Я. Беме, мистическое учение Каббалы. Немаловажное значение сыграл и личный мистический опыт самого философа – его видения Софии. Понятие «Софии» у него многозначно, но все же можно выделить два устойчивых определения. В одном случае под Софией Соловьев понимал существо, вечно совершенное, ипостась Бога – его творящий аспект, неизменно покорное Божьей воле – своего рода «мужскому» началу в Боге. В других же местах Со-

Соловьев был более склонен понимать Софию в неоплатонистском духе. В этом случае София у него как бы «часть» абсолюта – мировая душа, временно отпавшая от Бога и постепенно воссоединяющаяся с Ним в едином абсолютном организме. Как видно из учения о Софии, религиозное миропонимание Соловьева было весьма далеко от ортодоксально-православного. Здесь мы скорее видим воспроизведение гностических и неоплатонистских мотивов в понимании взаимоотношений абсолюта и мира. Сама идея Софии была довольно-таки нетривиальной идеей, которая акцентировала женственно-творящее начало в Боге, который в православной традиции принимал практически только «мужской» характер. Даже троица – и та не включает в себя «женский» элемент – хотя на Западе есть некоторая «компенсация» в виде культа девы Марии.

Образ Софии как образ вечной женственности, откровение настоящей, духовной красоты, был неоднозначно воспринят в российских интеллектуальных кругах. Для многих литераторов, поэтов София явилась прекрас-

ным символом, соединяющим в себе мудрость бытия и мудрость красоты. Цикл А. Блока «Прекрасной Даме», как считают, был навеян образами соловьевской Софии, однако другой поэт охарактеризовал этот поэтический цикл Блока как «богохульствующий эротизм». Этим поэтом был А. Белый. Сам Соловьев вполне отдавал себе отчет в некоторой двусмысленности культа вечной женственности и близость его соблазну. Он специально неоднократно оговаривался, что рассуждает не о «простонародной Афродите», не о плоти, не о женской природе, а о женском, творящем начале в Боге, священной женственности. Тем не менее, многие обвиняли Соловьева в заблуждении, а его «явления святой Софии» объявляли искушением: ведь давно известно, что враг рода человеческого – дьявол, всегда любил являться испытываемым в женском образе.

Владимир Соловьев, таким образом, развил традиции оригинального русского философствования, намеченные Киреевским и Хомяковым, и впервые в России создал целостную и всеобъемлющую философскую систему.

Примечания

1. Валицкий, А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 70.
2. Громов, М. Н. Вечные ценности русской культуры... // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
3. Там же.
4. Цит. по: Зеньковский, В. В. История русской философии. – Л., 1991. – С. 18.
5. См. напр.: Барабанов, Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. – 1991. – № 8; Павлов, А. Т. К вопросу о своеобразии русской философии // Вестник МГУ, сер. 7. – 1992. – № 6; Российская ментальность (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. – 1994. – № 1 и др.
6. Барабанов, Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. – 1991. – № 8.
7. См.: Хоружий, С. С. Хомяков и принцип соборности // Здесь и теперь. – 1992. – № 2.

ФЕНОМЕН ГАРМОНИИ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

В. Е. Комаров

Логика обсуждения темы следует движению – от абстрактного к конкретному. Всеобщность понятия «гармония» приводит к философскому уровню его осмысления. Классической моделью его в западноевропейской науке признается античное представление о гармонии и связанная с ней практика ее связи с жизнью людей. «Гармония» (от греч. *harmonia* – **созвучие, соразмерность, согласованность частей в целом**). Понятие «дис-гармония» означает, соответственно, рассогласованность частей в некоей целостности, деструкцию как стихию или как закономерную тенденцию – в природе и в обществе (стихийные бедствия, эпидемии, войны).

Все античное мировоззрение пронизано идеей противоположных тенденций в вещах. Это – стихийная диалектика. В особенно яркой форме идея противоречия представлена в творчестве мыслителя Гераклита. Творческий расцвет приходится на шестьдесят девятую олимпиаду (504–501 гг. до н. э.). Согласно его воззрениям, все есть «Огонь». Из огня возникает, и в огонь же – «разлагается». «Огонь» Гераклита – это не костер и не пожар, а Космическая стихия. И все подчиняется Судьбе.

Все существующее слажено в Гармонию посредством противоположностей. Следует отметить признание Гегеля, Великого мастера диалектики Нового времени, в том, что он «не оставил без внимания Гераклита и не взял бы его в свою логику» [1]. Говоря о природе, как о разумном Огне, Гераклит утверждал: «Этот Космос,

один и тот же для всех, не создал никто из богов, и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся и мерно угасающий» [2]. Чередования возгорания и потухания происходят вечно. Антиподом этому считается учение Парменида, в котором движению отводится роль «миража» [3].

Согласно воззрению древних, жизнь Космоса есть нечто прекрасное и не сотворенное человеческими руками. Бытие Космоса протекает и как могучий поток, и в то же время как определенная устойчивость в движении, как прекрасное изваяние; хотя это разумный огонь, сопровождаемый грозными волеями Олимпийских Богов античного пантеона во главе с Зевсом-громовержцем.

Свидетельства древних доносят до нас знания о природных наблюдениях философа Эмпедокла, бывшего очевидцем деятельности вулкана Этны. Он жил на конусе из пепла, построив себе жилище из обломков остывшей лавы (приблизительно 490–430 гг. до н. э.). Это убежище представляло собой своеобразную башню, в честь которой названа гора (Торе дель философ – Башня философфа).

Находясь (как философ и естествоиспытатель) в конфликте со жрецами, этот первый вулканолог Европы, когда жрецы, пришедшие к нему, потребовали доказательства, что он полуБог, повел их к краю одного из кратеров и воскликнул: «Смотрите же, как умирают полуБогги», а затем бросился в кратер, в кипящую лаву. Свидетель-

ства древних повествуют о том, что поток лавы вынес сандалии философа (медные).

Опытные наблюдения философа за деятельностью вулкана противоречили и подрывали авторитет жрецов, следующих представлениям о пантеоне богов, и подземных титанов [4]. Эмпедокл был универсален (философ, поэт, целитель, политик, спортсмен, естествоиспытатель), что было свойственно многим античным мудрецам. Несмотря на свою синкретичность и наивность, что было результатом небогатой суммы знаний и опыта, плеяда античных мыслителей была гениальна, о чем свидетельствует глубокая связь и преемственность глубоких идей и прерзрений античных мыслителей с современной наукой: античные атомисты, Демокрит, Левкипп; учение о числе пифагорейской школы, представления Эмпедокла о зарождении жизни на Земле и др.

Представления древних о гармонии не были забыты и современным человечеством. Учение о гармонии продолжает развиваться в условиях научно-технической революции.

Ссылаясь на факт переклички культур, в том числе и понятий гармонии и соответствия, вспомним о Египте с его загадкой древних пирамид. Египетские пирамиды – это не только материализованный менталитет власти фараонов, но памятники труду рабов и зодчих. Кажется, что от них и по сей день пахнет потом и кровью. Это грандиозные мавзолеи человеческого труда, сквозь камни поют души рабов. Геометрия пирамид приведена в гармоническое соответствие с центральным огнем (солнце), зодиакальным светом (треугольник), здесь и ориентированность пирамид гармонически

сочетается с принципом соответствия (страны света).

По прошествии многих веков идея гармонии не могла развиваться вглубь, в силу того, что она предельно универсальна, широка, ибо непосредственно связана с прицелом борьбы противоположностей, основой диалектики человеческого мышления и законом природы. Категория гармонии постепенно, вместе с накоплением опыта и практики мышления «избрала путь экстенсии эволюции» по горизонтали, захватывая все новые и новые области знания. Это явление доказывается и современной научно-технической революцией, начавшейся в конце прошлого века [5].

Иерархический «крест» эволюции (движение по «вертикали» и по «горизонтали») в настоящее время охватывает всю систему (или, по крайней мере, весь комплекс знания), настолько она стала доступной сознанию людей, а не только опыту и теории музыкальной гармонии.

Большая методологическая помощь оказывается теорией систем, которая делает «прозрачными» отношения и связи объектов реальности и их модели в теории [6].

Борьба противоположных тенденций в объектах порождает гармонию как состояние их динамического равновесия, чтоб вновь войти в состояние диссиметрии на следующем этапе эволюции. Так «качается» маятник бытия объектов – от Хаоса к Гармонии и от Гармонии к Хаосу – новой ступени эволюции. Сравнительно недавно в общей и теоретической биологии были заложены основы новой научной дисциплины «Биогармоники», науки о биологических гармониях. Автор данной статьи изложил содержание основных понятий и принципов «Биогармонии»

в ходе защиты докторской диссертации (18.02.1993). Ученый совет института философии и права СО РАН положительно оценил первый опыт построения науки о биологических гармониях. Опубликованные материалы включают в себя определение объекта, предмета и цели биогармоники, проблему систематизации и классификации гармонии жизни, вопросы эволюции жизни под углом решения материалистической диалектики. Есть надежда о том, что новая наука со временем принесет практические плоды.

Ранее в статье подчеркивалась плодотворность теории систем. В связи с большим количеством публикаций назовем только некоторые из них, представляющие важный метод и имеющие значение для обсуждения темы феномена гармонии [7].

В своей работе В. Г. Мещеряков подчеркивает важную сторону в понимании гармонии. Она достигается на основе комплементарности частей в организации целого [8]. Понятие системы выражает (характеризует) «объект, разрешающий актуальные противоречия в заданных условиях среды за счет функциональной ориентированности своей динамики и конструкции, формируемой организационными процессами» [9].

Очевидно, что объекты, представляющие системы и стоящие на высоком уровне организации (живая природа, социогенез), стремятся к динамической устойчивости, а следовательно, и к гармоническим отношениям элементов как целостным образованиям. Телеономичность проявляется в таких объектах в целеустремленности их эволюционного поведения [10], в конкурентоспособности в ходе естественного отбора, в способности к выживанию [11]. Он

привлек к теории естественного отбора математические методы описания и устойчивости биологических сообществ, изучение сосуществования видов [12].

Приведем для иллюстрации математическую модель роста популяции. Современная математическая экология ее описывает в виде:

$$LN / at = MN; N(t) = N(0)e^{Mt},$$

где N – численность популяции, M – разность между коэффициентами рождаемости и смертности. В случае M больше 0 – модель предсказывает экспоненциальный рост численности, что не присуще природным процессам, т. е. природным популяциям, так как ресурсы, от которых зависит рост популяции, всегда ограничены. Перед нами представлена теория Т. Мальтуса [13].

По демаршу первых вольтеровских моделей пошла и современная математическая экология с ее классическими моделями в их современном развитии [14].

В последнее время разрабатывается теория иерархической устойчивости [15].

Необходимо остановиться на важном методе развития теории и практики. Имеется в виду комплексный подход, который генерируется самой жизнью, ее задачами. Обратимся к содержательной публикации П. И. Балабанова «Комплексный подход в науке» [16]. Обратим внимание на важный выход, который делает автор, несомненно, связанный с тенденцией развертывающейся научно-технической революции, с интеграцией знания и практики. По убеждению П. И. Балабанова, «...практическая эффективность ...комплексного подхода может быть продемонстрирована при его кон-

кретном применении в познавательном процессе на материале определенной научной дисциплины. В этом плане широкие возможности у представитель культурыологии, которая в настоящее время, по сути дела, выступает как междисциплинарное научное движение» [17].

Неумолимый ход сближения форм знания связан и с историей предметного знания, преодоления их сугубой автономности, их конкретно-научных точек зрения, теорий, концепций, принципов построения, таяния их, как льдин на весенней реке. Но это «таяние», видимо, займет века. По своему содержанию комплексный подход делает видимым этот глубокий процесс, связанный с лямкой теоретических установок, парадигм, стереотипов, и потребует от теоретиков определенной универсализации, т. е. возвращения к идеалу античных мудрецов, но на более высокой ступени знания и ответственности за него. Комплексный метод уже по своей природе связан с практи-

кой и теорией системного подхода в исследовании объектов, представляющих системы.

Обратим внимание на связь идеи Гармонии с экологией. Гармония – это тот принцип существования человечества, который является регулятором самосохранения. И если этого кто-то не понял, он вообще ничего не понял – ни в общей истории, ни в отдельной человеческой судьбе.

Подчеркивая важность этой связи, вспомним предупреждение Сенеки: «Запомним: мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть» [18].

Представленная читателю небольшая заметка о гармонии, быть может, наведет его на мысль, что эта категория и, в другом смысле, регулятив практической деятельности людей является важнейшим фактором самосохранения.

Человечество, оглянись вокруг себя! Время еще есть.

Примечания

1. Гегель, Г. Ф. В. Сочинения. – М.; Л., 1932. – Т. 9. – С. 246.
2. Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 217.
3. См: Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 274–298.
4. См. более подробно в кн.: Тазиев, Г. Встречи с дьяволом. – М., 1976. – С. 313–314; Эмпедокл // Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 330–414.
5. В отечественной литературе на эту тему были опубликованы следующие работы: Мещеряков В. Г. Развитие представлений о гармонии. – Л., 1981; Комаров В. Е. Пространственные и временные отношения биосферы. – Кемерово; Томск, 1991; Колков А. И. Гармония и творчество // Вопросы психологии. – 1982. – № 1; Данилов Ю. А., Смородинский Я. А., Иоганн Кеплер. От мистерии до гармонии // Успехи физических наук. – 1973. – Т. 109. – Вып. 1. – С. 175–209 и др.
6. См., например: Томский, Н. В. Прекрасное и народ. – М., 1961; Кент, Р. Это я, Господи. – М., 1965; Сакетти, Л. А. История музыки всех времен и народов. – М., 1896; Груббер, Р. История музыкальной культуры. – М., 1953; Берков, В. О. Гармония и музыкальная форма. – М., 1962 и др.
7. Бергаланфи, Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. 1973. – М., 1974. – С. 20–37; Винограй, Э. Г. Общая теория организации

- и системно-организационный подход. – Томск, 1989; Сетров, М. И. Основы функциональной теории организации. – М., 1972 и др.
8. Мещеряков, В. Г. Роль соответствия и гармонии в гармонизации и управлении // Методологические проблемы теории и организации. – Л., 1976. – С. 76–89; Мещерякова, Н. А., Мещеряков, В. Г. Гармония и гармоническое развитие. – Л., 1976.
 9. Винограй, Э. Г. Указ. соч. – С. 36.
 10. См. Акофф, Г., Эмери, Ф. О целеустремляющих системах. – М., 1974; Фофанов, В. П. Диалектика и системность // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1981. – С. 3–19.
 11. См.: Урываев, Ю. В. Гармония живой регуляции. – М., 1975; Вольтер В. Математическая теория борьбы за существование. – М., 1976.
 12. Вольтера, В. Проблемы устойчивости биологических сообществ. – М., 1976. – С. 15–152.
 13. Мальтус, Т. Опыт закона о народонаселении. – СПб., 1908.
 14. Вольтер, В. Указ. соч. – С. 270, 248–256.
 15. Логофет, Д. Д., Свирежев, Ю. М. Устойчивость в моделях взаимодействующих популяций // Проблемы кибернетики. – М., 1976. – Вып. 32; Колмогоров А. Л. Качественное изучение математических моделей динамики популяции // Проблемы кибернетики. – М., 1972. – Вып. 25.
 16. См.: Балабанов, П. И. Комплексный подход в науке // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. – Кемерово, 2006. – Т. 2. – С. 37; а также Кедров, Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. – М., 1985; Федосеев, П. Н. Философия и интеграция знания // Вопросы философии. – 1978. – № 7. – С. 23–31 и др.
 17. Балабанов, П. И. Указ. соч. – С. 37.
 18. Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. – М., 1986. – С. 97.

САМОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ

О. И. Жукова

Самость как проблема восприятия человеком самого себя, как проблема внутренней рефлексии оказалась в центре философии Нового времени. В этот период философия своей центральной задачей видела обоснование свободного человека, самодостаточного в своем выборе и решениях, полагающегося только на собственный разум и чувства в нахождении предельных оснований жизнедеятельности. В качестве такого предельного человеческого основания и было предложено представление о самости. В наиболее четком варианте оно было обозначено в философии Декарта, чей подход можно считать классическим в рассмотрении сущности человека. Ряд серьезных трудностей (к ним можно отнести проблему соотносительности границ Я и не-Я, объективности видения мира самостью и др.), возникших в связи с декартовским пониманием субъективного опыта как абсолютно несомненного, находило свое разрешение в философии эмпиризма (Юм, Мах), трансцендентальной философии (Кант, Гуссерль). Но, как и радикальное решение, предложенное представителями философского эмпиризма, так и решение, найденное трансценденталистами, порождало также серьезные проблемы, центральной из которых была проблема самоидентификация самости. Смысл ее заключался в том, что, с одной стороны, трансцендентальная самость понималась как глубинное отражение личностной неповторимости, индивидуальности, с другой – в таком понимании самости исчезали все черты индивидуальности и различия между

индивидуальной самостью и самостью другого.

С XX столетия в философии начинает преобладать неклассическое рассмотрение самости, в котором снимается ряд проблем, связанных с ее пониманием в классической философии, и открывается новое видение данной темы. Опыты психоанализа, философии экзистенциализма, постмодернизма, герменевтики создали ситуацию, когда традиционное классическое представление о самости, тождественной самой себе, о наличии центра, собирающего самость и не дающего ей распасться на атомизированные кусочки, уже не воспринимается в качестве неоспоримого знания о человеке. Вследствие этого появляются подходы, в которых говорится о многомерном понимании самости, наполненном полифоничными смысловыми содержаниями. Они раскрывают самые разные стороны проявления ее сущности: социальные (связанные с социальной ролью и программой социотипического поведения, выбором жизненного пути, самоощущением в обществе), психологические (представляющие «Я – концепцию» как относительно целостный, хотя и не лишенный внутренних противоречий образ собственной самости, а также заблуждения относительно своей самости), коммуникативные (складывания образа собственной самости в процессе общения с другими людьми, где опыт «Другого» становится ее содержанием), метафизические (возникающие как следствие неудовлетворенностью своим существовани-

ем и осознанием потребности в высших духовных смыслах) и др. Выделение многомерности в качестве исходной характеристики самости отражает историю развития представлений о самости как историю открытия ее разных сторон и свидетельствует о многообразии подходов в понимании данного феномена. Не случайно именно данная многогранность привела к осознанию необходимости междисциплинарного изучения самости в философии, психологии, социологии. Да и в рамках философского дискурса представлены полярные и вместе с тем взаимодополняющие подходы, исследующие различные аспекты бытия человека (объектно-субъектный, детерминистический, структурный, исторический, семиотический, номотетический, идиографический, аксиологический, феноменологический и др.). Подобное многообразие методологических ориентаций представляет для исследователя серьезные трудности, касающиеся выбора наиболее приемлемого методологического подхода в раскрытии самости. По нашему мнению, в исследовании феномена самости необходимо опираться как на классический, так и на неклассический подходы.

В философии довольно долго господствовал классический подход. Он позволял раскрывать в человеке различные стороны его существования: биологическую, психологическую, социальную и др. Человек рассматривался в контексте определенной имманентной характеристики определяющей его предзаданность, неизменную сущность, некую константу (*homo sapiens*, *homo faber*, *homo economicus* и т. д.). При всех несомненных достоинствах данного подхода в нем была своя ограниченность, на которую в свое время обратил внимание Хайдеггер. Он от-

мечал, что, хотя человек рассматривается как высшее достижение природы, фактически же о нем говорится как о наделенном специфическими чертами животном: «Метафизика мыслит человека как *animalitas* и не домысливает его до *humanitas*» [1]. Также классический подход в своих исследованиях в основном рассматривал человека, ориентированного исключительно на внешнее (социальное) развитие, вне своего внутреннего (духовного) измерения.

Новые измерения сущности человека были представлены в трудах представителей неклассического подхода (М. Бубера, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж. П. Сартра, Э. Фромма, М. Хайдеггера, К. Ясперса, отечественных мыслителей – Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Соловьева, Л. Шестова, С. Франка др.). Существенную особенность данного метода выразил С. Хоружий, определив его как «точку схождения всех бытийных горизонтов» [2]. Неклассический подход обращает внимание на новые стороны измерения человека, вводя новые понятия и категории, «экзистенциалы», с помощью которых становится возможным рассматривать человека, взятого в его собственно самостном, экзистенциальной бытии. В рамках неклассического подхода для нас большое значение имеет обращение к феноменологическому и герменевтическому методу, так как взаимодействие самостей, происходящее в реальности, предполагает взаимопонимание, включенность в процессы осмысления. В феноменологии Гуссерля «Я» во всей конкретности, как монада, оказывается самостью, конструируясь в единстве с реальным миром. Самость предстает изначальной структурой, содержащей ряд интенций, в которых акт сознания соотносен с коррелятив-

ным ему предметом. Но вместе с тем самость оказывается подвижным феноменом: с каждой интенциональностью, оставаясь той же самой, меняются, тем не менее, ее характеристики. Самость предстает в феноменологии как поле значений и смыслов – тем самым, открывая возможность интерпретаций, а следовательно, вовлекая герменевтическую проблематику. Истолковывающее понимание, или понимающее истолкование, выступает в качестве основного модуса, определяющего существование самости, и в этом плане бытие самости предстает как изначально герменевтичное, предполагая достижения взаимопонимания с другими, что присуще самой природе «герменевтического круга».

В контексте сказанного, как нам представляется, обращение к классическому и неклассическому подходам в понимании самости позволит нам рассмотреть ее в качестве целостного феномена. Отсюда правильнее исходить не из разведения и противопоставления данных подходов, а с позиции их взаимодействия и взаимодополнительности, что позволяет рассматривать самость не как имеющуюся в наличии данность, а в динамике ее развития и становления. Феномен самости при этом предстает как возникающий и меняющийся в социокультурной реальности, вследствие чего данная реальность становится предметом интереса в особом смысле, – оказываясь объектом анализа, в первую очередь, с точки зрения ее воздействия на самость, а следовательно, оказываясь субъектным аспектом бытия человека и его самощущения.

Философские подходы в понимании самости представлены самыми разнопорядковыми точками зрения. Здесь нам хотелось бы обратить вни-

мание на то, что наиболее близкой для нас в методологическом и теоретическом планах в понимании самости будет концепция П. Рикера, изложенная им в работах «Я – сам как другой», «Время и рассказ», «Конфликт интерпретаций» и др. В его концепции рассмотрение самости связывается с двумя значениями идентичности. С одной стороны, – идентичность как тождественность (лат.: *idem* – «то же самое») с другой – идентичность как самость (лат.: *ipse* – «сам»). В первом случае речь идет об онтологически неизменной субстанции, некой генетической составляющей человека, которую не затрагивает время. Во втором – в понимании идентичности как самости – речь идет не об идентичности в смысле неизменности, а о непрерывности, т. е. тождестве самом себе при изменениях, происходящих с тем, что не меняется. Рикер неоднократно в своих текстах подчеркивал, что самость не есть тождественность. Поэтому анализ самости предполагает выяснение возможности сохранения ее непрерывности, целостности в соответствующих изменениях. Отмеченная философом противоречивость идентичности может быть понята при обращении к понятию характера как «совокупности длительных предрасположенностей, по которым мы узнаем личность» [3] и в котором *idem* и *ipse* стремятся преодолеть их различие.

Но человек определяет свою самость не только по характеру, но и «по ценностям, нормам, идеалам, моделям, героям» [4]. В этом контексте самость связана с нравственно-этическим обоснованием своего бытия и реализуется в другой модели своего постоянства, нежели характер, – «модели сдержанного слова при верности слову данному» [5]. В верности своему слову

Рикер усматривает эмблематическую фигуру самости, полярно противоположной фигуре характера. Именно сдержанное слово говорит о способности к сохранению самости, и в этом контексте проблема самости предполагает нарративно-этическое измерение. Повествование самости о самой себе и других всегда предполагает оценочный, нормативный характер. Как считал мыслитель, не бывает этически нейтральных повествований. Именно понимание, интерпретация своей самости для человека находит в повествовании, среди прочих знаков и символов, преимущественное опосредование. Еще одной из главных характеристик самости-*ipse*, по Рикеру, является не только поддержание самой себя, но и ответственности перед другими за свои действия. Следовательно, самость обнаруживает свою сущность в становлении с другими, которые оказываются не ее противоположностью, а являются условием ее становления. Вне Другого бытие самости становится не просто проблематичным, а лишенным какого-либо смысла.

Позиция ведущего представителя феноменологической герменевтики в понимании самости, исходящая из ее нравственной обоснованности, ее коммуникативной, нарративной составляющей, ее зависимости от Другого, оказывается принципиально важной для нашего исследования, поэтому при раскрытии феномена самости мы будем опираться на ее центральные положения.

В существующих философских представлениях о самости представлены разные мировоззренческие позиции, ее характеризующие. В одних подходах преобладает точка зрения, исходящая из рассмотрения самости в качестве глубинной, априорной сущ-

ности человека, сущности, которая не может коренным образом измениться под воздействием внешнего мира. Другая точка зрения придерживается идеи, что становление самости обусловлено внешними объективациями и представляет собой практически полностью сделанный, смоделированный феномен.

Как нам представляется, каждая в отдельности из этих позиций не может выразить аутентичное понимание самости человека, не дает возможность всесторонне понять ее феномен. Если мы признаем, что априори самость отсутствует, то тогда любое общество и культура будут выступать только лишь определенным инструментом, техникой по отношению к человеку и исходить из идеи, что любая личность может быть создана по определенному замыслу некоего режиссера. Бессмысленно было бы тогда говорить о том, что культура представляет собой некое возвращение, воспитание, возделывание, уход, заботу о человеке. Также если бы мы были убеждены в том, что самость совершенно неизменна, то это бы, во-первых, делало бы любое социокультурное воздействие абсолютно бессмысленным, ненужным, а во-вторых, противоречило бы самой социальной практике бытия, в которой существует человек, демонстрирующий нам серьезную свою незащищенность перед миром социальных явлений. Мы будем придерживаться той идеи, что в человеке самость присутствует априори. Именно она позволяет ему быть исключительным и неповторимым субъектом. Но то, насколько данная самость будет всегда присутствовать в неизменном, изначальном виде, или с ней будут происходить определенные необратимые трансформации, зависеть будет уже от самого человека и

от той социокультурной реальности, в которой он бытийствует.

В осмыслении проблемы самости необходимо учитывать не только философские интерпретации в понимании ее сущности, но и особенности лингвистических трактовок. Как справедливо замечал А. Маслоу в работе «Психология бытия», слово «самость» сбивает с толку своими разнообразными лингвистическими трактовками, где разброс определений варьируется от увязывания «самости» с «идентичностью», «самостоятельностью», «уникальностью» до ее тождественности с понятием «эгоизм». Действительно, понимание значения самости напрямую зависит от лингвистических контекстов и тех языковых конструктов, которые ее раскрывают. Так, русское слово «самость» является однокоренным местоимению «сам», которое указывает на лицо, производящее действие. Подобные слова лингвисты называют возвратно-определятельными или возвратно-усилительными, так как они не просто определяют тот или иной предмет, а конкретизируют его, отмечая его аутентичность. Местоимение «сам» как в русском, так и в других славянских языках основывается на корне, обозначающем «отдельный», «одионый», что близко к латинскому *similes* («подобный»). Истоки же данных слов восходят к индоевропейскому праязыку, в котором корень «*sem*» означает «один».

В данном контексте необходимо обратить внимание на то, что когда индивид в своей речи использует выражение «я сам», то, с одной стороны, может казаться, что данное словосочетание достаточно очевидно и прямо указывает на тождественность «Я – Я»; однако, с другой стороны, как свидетельствует об этом возрастная психология,

даже ребенок, впервые произнесший «я сам», четко обозначает таким образом свою претензию на собственное самостоятельное практическое действие, позволяющее ему самоутвердиться. В любом случае, когда нами произносится «я сам», то даже вне всякой рефлексии, на бессознательном уровне, это является фиксацией нашего состояния само-тождественности, самостоятельности и констатацией нашей личностной целостности.

Возвратно-определятельные местоимения, возникнув на основе существительных, образуют многие новые слова в виде приставок или суффиксов, а в некоторых языках становятся самостоятельными существительными. В качестве примера можно рассмотреть английское слово **the self** – «самость», которое переводится на русский язык чаще всего как собственное «Я», а также как «сплошной», «однородный», «тождественный», что уже на этимологическом уровне предполагает целостный, непротиворечивый словесный образ «Я». Последнее же зачастую может противоречить самопониманию собственного «Я». Во французском языке однозначно раскрывающего значения слову «самость» нет как такового, приблизительно соответствующими здесь являются местоимения *moi* – «я, мне, меня» или *soi* – «сам, себя, себе», в зависимости от грамматического построения текста. В немецком языке существительное **das Selbs** появилось под влиянием английского **the self**, но не получило широкого распространения, и чаще всего в немецком литературном языке употреблялось слово **das Ich** – «я» или близкое ему **Ichheit** – «яйность». Именно данный термин мы встречаем в работах Фихте, Гегеля, Хайдеггера, хотя здесь немаловажную роль играет не просто точ-

ный перевод текста, а то, какое слово переводчику представляется наиболее адекватным и аутентично передающим мысль философа. Так, в переводе работ Фихте под редакцией В. Вайдека часто используется слово «яйность». Г. Шпет, сделавший блистательный перевод на русский язык «Феноменологии духа» Гегеля, предпочитал использовать термин «самость» (что, с нашей точки зрения, не является случайным, Шпет как глубокий мыслитель в своем переводе пытался наиболее точно следовать гегелевскому дискурсу). В примечаниях к тексту Хайдеггера «Бытие и время» В. Биbihин (в его переводе многосложность «я» наряду с другими терминами также отражается в понятие «самость») пишет о том, что «русское слово открывает исканию свои просторы», поэтому для верности перевода необходимо следовать правилам, заложенным еще Кириллом и Мефодием, согласно которым в таких словах, как «свой», «собственный», «самостный» надо слышать сущностно русское, укорененное. Поэтому переводчик центральной работы Хайдеггера предложил рассматривать слова «свое», «собственное», «самостное», имеющими отношение к «самой сути человека», к тому, что позволяет человеку узнавать себя, созерцать себя, понимать причины самой себя.

Итак, из этого небольшого этимологического анализа слова «самость», можно увидеть всю неоднозначность и расплывчатость его использования в языке, что говорит об отсутствии непротиворечивого понимания и требует каждый раз, в том числе, грамматического прояснения. Расхождения различных грамматических особенностей, свойственные каждому языку важны в том плане, что позволяют освятить определенный смысл самости, связанный не только с ее философскими ин-

терпретациями, но и отражающийся в грамматике языка, оказывая тем самым определенное воздействие и на философские концепции.

Прояснение понятия самости позволяет нам затронуть один из аспектов многогранного и сложного вопроса, касающегося сущности человека. Во многом данная проблема предполагает решение ряда основополагающих вопросов неразрывно с нею связанных: это и осмысление самости как идентичности (остается ли всегда самость идентичной самой себе или же она претерпевает изменения, обновления, различного рода трансформации). Также немаловажными аспектами данной проблемы становятся вопросы гносеологического и практического планов: в какой степени данные преобразования осознаются и принимаются человеком и каковы для него практические последствия подобного осознания. Решения этих проблем в философских концепциях далеко не однозначны, что свидетельствует о невозможности прийти к единому, разделяемому большинством мыслителей представлению о «картине человека» в силу неисчерпаемости и противоречивости самого этого образа. Как замечал Хабермас, сегодняшние представления об истине (в том числе и истины о человеке) определяются многими контекстами и дискурсами и их трудно иерархизировать, но, тем не менее, каждый из этих дискурсов содержит важное знание, которое создает целостную, убедительную картину.

Сложность философского определения самости заключается в том, что оно не может быть объективировано до конца. Как известно, любое определение задает определенные границы, пределы того, что оно пытается описать или зафиксировать. И, конечно,

ни одно определение не может быть удовлетворяющим до конца, тем более, когда речь заходит о человеке и его сущностных характеристиках. Всегда будет оставаться впечатление о незавершенности и недосказанности, и это вполне логично, так как такое сложное и полифоничное явление, как человек не может иметь однозначной и простой оценки. Особенность философии, как известно, заключается в том, что она пытается дать предельные универсальные понятия бытия и человека. Как говорил М. Мамардашвили, философские проблемы становятся философскими, если они рассматриваются «под углом конечной цели истории и мироздания» [6]. Отсюда осмысление и понимание конечного смысла мироздания, как и конечного смысла истории, выступает одним из важных моментов жизненного предназначения человека. А вследствие этого высшее предназначение любого человека заключается в том, чтобы исполниться в качестве самости в самом истинном и глубинном смысле этого понятия. Поэтому попытки определить сущность самости, предстают необходимой и актуальной философской проблемой.

В понятии самости не может быть жестко заданной категориальной закреплённости, поэтому мы обращаемся к описательным характеристикам, отражающим ее различные, многозначные стороны. Прежде всего, понятие самости обозначает некоторую индивидуальность, имманентную идентичность, которая сохраняет себя при различного рода изменениях, поддерживая и воспроизводя собственную структуру. Подобная идентичность существует уже на уровне психосоматического состояния индивида. Но также «самость» предстает и в качестве непосредственно данной человеку це-

лостности его индивидуальной жизненной истории, т. е. того, что лежит в основе подлинных потребностей его развития и соответственно предполагает изменения, вне которых она не может окончательно достичь осознания своего зрелого состояния. В этом контексте она оказывается понятием, которое может использоваться в процессе понимания механизма достижения нарушенной целостности «я» или способа формирования этой целостности. Нам хотелось бы отметить, что постановка проблемы понимания самости – это не просто проблема понимания сущности человека, а проблема осмысления его интегральной целостности, которая выражает себя в параметрах когерентности, интегрированности, самодостаточности, автономности и является обобщенной, качественно неповторимой характеристикой человека, в которой наличествует сложная внутренняя структура.

Применительно к пониманию самости мы будем исходить из того, что она является квинтэссенцией человека (в сущностном смысле, квинтэссенция обозначает соединение всех основополагающих черт, своеобразную «выжимку» из базовых характеристик), которая вбирает в себя черты индивида, личности, индивидуальности. Все это в конечном итоге позволяет рассматривать человека во всеобъемлющем представлении: с одной стороны, обладающим сущностно неизменными, «ядерными» чертами, с другой – открытого для различного рода преобразований и внутренних изменений. Вследствие этого самость может рассматриваться не только в качестве онтологической характеристики человека, выражающей его интегрированную идентичность, но и в качестве сущности, обладающей экзистенциальной направленностью

своего бытия. Данная экзистенциальная устремленность проявляется как в состоянии аутентичного, гармоничного, самоудовлетворенного видения самостью самой себя, так и в состояниях обеспокоенности, заботы, неудовлетворенности миром, собой и поисками гармонии между внутренним миром и внешним его проявлением. Последнее неизбежно приводит к своеобразному кризису, носящему не экономический или социологический характер, а характер сложной метафизической проблемы.

В существующих философских представлениях о самости даются разные мировоззренческие позиции ее характеризующие. В одних подходах преобладает точка зрения, исходящая из рассмотрения самости в качестве глубинной, априорной сущности человека, которая не может коренным образом измениться под воздействием внешнего мира. Другая точка зрения придерживается идеи, что становление самости обусловлено внешними объективациями и представляет собой практически полностью сделанный, смоделированный феномен.

Как нам представляется, каждая в отдельности из этих позиций не может выразить аутентичное понимание самости человека, не дает возможность всесторонне понять ее феномен. Если мы признаем, что априори самость отсутствует, то тогда любое общество и культура будут выступать только лишь определенным инструментом, техникой по отношению к человеку и исходить из идеи, что любая личность может быть создана по определенному замыслу некоего режиссера. Бессмысленно было бы тогда говорить о том, что культура представляет собой некое возвращение, воспитание, возделывание, уход, заботу о человеке. Также

если бы мы были убеждены в том, что самость совершенно неизменна, то это бы, во-первых, делало бы любое социокультурное воздействие абсолютно бессмысленным, ненужным, а во-вторых, противоречило бы самой социальной практике бытия, в которой существует человек, демонстрирующий нам серьезную свою беззащитность перед миром социальных явлений. Мы будем придерживаться той идеи, что в человеке самость присутствует априори. Именно она позволяет ему быть исключительным и неповторимым субъектом. Но то, насколько данная самость будет всегда присутствовать в неизменном, изначальном виде, или с ней будут происходить определенные необратимые трансформации, зависеть будет уже от самого человека и от той социокультурной реальности, в которой он бытийствует.

При анализе сущности самости необходимо помнить о том, что ее формирование связано с процессом самотворения и самообретения, но при этом, безусловно, важную и зачастую решающую роль играет социокультурная реальность. В этом контексте, исходя из признания субстанциальной самости, подлинное воспитание и образование будет выражаться не во внешней доминирующей социализации по отношению к ней, а из оказания только помощи в осознании человеком своей сущности. Здесь большое значение будет иметь помощь в сократовском духе, позволяющая самости раскрыть себя. Ведь, с точки зрения Сократа, человек, ставящий перед собой цель добиться настоящей, жизненной реализации и стремящийся занять определенное социальное положение, должен учитывать свою сокровенную сущность, свою душу. Именно этот древнегреческий философ привнес в античное

мышление, а соответственно и в последующую европейскую культуру, осознание того центрального места, которое принадлежит душе. Здесь впервые прозвучала мысль о том, что именно душа является сосредоточением пробуждающегося личностного сознания и именно благодаря ей происходит развитие нравственности человека и его разума. Следуя дельфийскому принципу «познай самого себя», Сократ верил, что лишь путем самопознания, путем постижения собственной самости и присущих ей качеств человек достигнет гармонии и счастья с самим собой и внешним миром. Отсюда глубинное познание культуры предполагает личное и свободное усвоение, пропущенное через собственное осознание, что в конечном счете приведет самость к самотворению, самопознанию и самообретению. В этом смысле идея о том, что истину нельзя знать, а в ней только можно быть, наполняется соответствующим личностно-контекстуальным содержанием. Только пропуская через себя мир культуры, ценностей, различных видов знания, человек определяет себя и мир. Мир знаний и культуры каждый раз заново воссоздается в человеке в новом контексте, порождая новые идеи и представления.

Мы уже обращали внимание, анализируя феномен самости, что она не «растворяется» в своих взаимоотношениях с социальностью, и в этом заключается ее особое свойство. Мир, над которым трудится человек, не может его полностью удовлетворить, поскольку он не достаточен для его (человека) сокровенности. И хотя социальная реальность не удовлетворяет до конца самость человека, он осознает, что обязан неустанно работать над ее изменением, следуя совету Вольтера: «Возделывать свой сад», ибо труд, как справедливо

написано в «Кандиде», «гонит от нас три несчастья: скуку, порок и нужду». Занимаясь творчески тем, в чем человек видит свое предназначение и смысл, самость во многом понимает и сам этот мир, и саму себя, то есть свою сокровенную сущность.

В процессе осмысления того, что в данной работе обозначено как «самость», мы сталкиваемся с определенным парадоксом, смысл которого заключается в следующем: человек обретет эту самость только в том случае, если он включит и воспримет себя в мире объективности. Человек практически всегда испытывает состояние неудовлетворенности этим миром, но он не может не считаться с тем, что именно в нем и происходит открытие и переосмысление его самости. Если мы будем полагать, что самость обретает значение и смысл бытия, исходя только из самой себя, то тогда мы вынуждены будем признать, что буквально вся реальность человеком соизмеряется только сквозь призму его личностного «я». Если это так, то самости практически не удастся преодолеть «эгоцентрическое затруднение», то есть вывести за скобки, редуцировать свое субъективное сознание и понять, что мир это не только то, что воспринимает и оценивает его индивидуальное я, но и вне его существует как объективная реальность. Поэтому осознание своей самости возможно для человека только в объективном мире, когда на практике реализуется в действии диалектический закон отрицания. Отрицая и даже растворяя свою самость в объективности, человек ее не уничтожает без остатка в мире объектов, а заново обретает, наполняя новыми качественными и сущностными смыслами. Благодаря объективной реальности, самость выстраивает динамику разви-

тия собственного «я» и осуществляет саморефлексию. Подобная критика (в кантовском смысле) собственной самости возможна только в соприкосновении с внешним, то есть социальным, а «удача» личности – в обретении своей самости, то есть того, что называется умением человека понять свое собственное предназначение, свое истинное место в этом мире.

В раскрытии самости необходимо учитывать и другой важный для нас аспект: сущность человека (то есть его самость) предшествует его существованию, и в то же время ее (самости) существование корректирует и наполняет ее разнообразными смыслами. Как известно, данный тезис по-разному оценивался и интерпретировался самыми разными мыслителями в развитии философской мысли, от его полного и безоговорочного приятия до критического переоценивания в сторону преобладания существования над сущностью. Если мы обратимся к известной экзистенциальной позиции Ж.-П. Сартра, то узнаем, что человек является режиссером своего «я». По его мнению, человек делает самого себя, в результате чего происходит постепенное обретение своей сущности. Для данного французского мыслителя нет заданной человеческой природы, никакие внешние обстоятельства, никакие силы, кроме самого индивида, не сделают его человеком, личностью. Поэтому любое движение человека в сторону его творческого развития или, наоборот, личностной деградации напрямую зависит только от него самого. В подобной мировоззренческой установке мыслителя было серьезное разногласие с другим французским философом А. Камю, который полагал, что изначальная априорная человеческая природа многое детерминирует в жизни и поведении индивида.

Мы будем исходить из того, что при анализе самости необходимо учитывать существование множественных, полифоничных образов самостей в рамках одной-единственной. Единая, целостная самость человека включает в себя разнообразные я-самости, каждая из которых является носителем зачастую прямо противоположных интенций, и это особенно важно для понимания самости, существующей в ситуации постмодернистского релятивизма. При этом отношение самости с социокультурной реальностью предполагает ее умение в столкновении с разнопорядковыми, противоречивыми феноменами социального опыта не разрывать свое я на взаимонесоответственные, «файловые» самости, а учитывать существование данной множественности как объективно неизбежной. Наличие многоплановых самостей показывает не только утрату целостности человека, но и то, что связано с поисками по ее обретению. В этом контексте самость предстает как одновременно изменчивое и устойчивое образование, стремящееся увязывать разные самости друг с другом и в конечном итоге обрести полновесную целостность.

Выделение множества самостей в рамках одной единственной в качестве актуальной ставит проблему рассмотрения ее структурных параметров, т. е. совокупности таких ее устойчивых связей, позволяющих обеспечивать сохранение основных свойств при различного рода внутренних и внешних изменений. Здесь необходимо учитывать, что по отношению к самости каждый из компонентов структуры обладает, с одной стороны, определенной самостоятельностью и самодостаточностью, с другой – взаимозависимостью и стремлением к объединению в единую целостность. Именно подобная

амбивалентность и позволяет человеку воспринимать себя в качестве непосредственно данной целостности своего личностного бытия.

К наиболее важным структурным составляющим самости можно отнести следующие: трансцендентный, социально-феноменальный и герменевтически-дискурсивный. Как нам представляется, именно в данных аспектах отражаются ключевые, жизненные смыслы самости, способствующие ее развитию и самореализации. Так, трансцендентный уровень выражает духовно-нравственное развитие человека, способность к самотрансцендированию, преодоление границ собственного «я»; социально-феноменальный связан с характером социального бытия самости, на который существенный отпечаток накладывает смыслообразующая концепция жизни, выбор ценностных ориентаций, а также социальных установок; герменевтически-дискурсивный отражает понимание человеком самого себя через «Другого», что способствует самораскрытию и конструированию своей самости. Как мы видим, данные аспекты, раскрывающие сущность самости, внутренне взаимосвязаны и предполагают гармоничное единство. Уход в сторону одного из представленных параметров в ущерб другим зачастую приводит к искажению сущности самости, требующего определенного преодоления.

Безусловно, указанные аспекты условны и вполне могут быть предложены иные принципы анализа, но нас в данном случае интересует то, насколько именно в них отражается сущность самости, что позволяет говорить об унитарной, единой личности, хотя и представления о подобной целостности являются идеализацией. Чем более динамично меняется социальный мир и чем более рефлексивной становится культура, тем большей проблемой для самого себя становится человек и его бытие, тем драматичней осознается, что тождество «Я=Я», о котором в свое время говорил Фихте, совершенно не очевидно. Осознание человеком самого себя, своей сущности в современной социокультурной реальности сопровождается утратой целостности и самоидентичности. Это не означает, что целостная самость не существует. Речь здесь идет о том, что самость не имеет раз и навсегда обоснованных гарантий своей целостности и в силу своей проблематичности нуждается в очень серьезной духовной и интеллектуальной работе по самоосознанию и самообоснованию. Отсюда именно в той степени, в какой человеку удастся гармонично сообразовать множественные параметры своего бытия, в той степени он получает возможность обрести свою целостную самость.

Примечания

1. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 198.
2. Хоружий, С. С. Род или недород? // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 65.
3. Рикер, П. Я – сам как другой. – М., 2008. – С. 151.
4. Там же.
5. Там же. – С. 153.
6. Мамардашвили, М. Философия – это сознание вслух // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990. – С. 58.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИНДИВИДА
В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

О. А. Григорьева

Безусловно, современный интерес к проблемам глобальной коммуникации определен стремительным внедрением коммуникативных технологий и средств в различные общественные сферы. Эти технологии, с одной стороны, связаны с совершенствованием информационно-коммуникативных процессов в обществе, а с другой – ставят перед обществом новые проблемы, требующие обсуждения и дальнейшего их решения. Новые информационные технологии стремительно превратились в повседневную реальность современного человека и стремительно стали изменять эту реальность. Процессы технологизации и автоматизации деятельности позволили перенести акцент в общественных системах с процессов производства на процессы управления, в которых основная нагрузка падает именно на организацию коммуникации. В то же время эти процессы освобождают человека от деятельности, расширяя область свободного времени, которое человек проводит в структурах свободного общения, где основным процессом также является коммуникация.

Анализируя процессы коммуникации, необходимо различать ее следующие виды:

- коммуникация как одна из основ человеческой жизнедеятельности и многообразные формы рече-языковой деятельности;

- мыслекоммуникация как интеллектуальный процесс, имеющий вы-

держанный идеально-содержательный план и связанный с определенными ситуациями социального действия;

- экзистенциальная коммуникация как акт обнаружения «Я» в «Другом»;

- и, наконец, коммуникация как информационный обмен в технологически организованных системах [1].

На сегодняшний день наиболее популярной технологически организованной системой, которая служит для информационного обмена (коммуникации) является Интернет. Появившись сравнительно недавно, он стал одним из наиболее динамично развивающихся явлений современного общества. С активным ростом аудитории Интернет становится средством не просто массовой, а глобальной коммуникации, перешагивающей через национальные границы и объединяющей мировые информационные ресурсы в единую систему.

Американский социолог Г. Лассуэл считал, что любые социальные коммуникации наряду с тем, что они позволяют транслировать культуру (знания, ценности, нормы, традиции) во времени и служат контролем над окружающей действительностью, являются средством корреляции различных социальных субъектов и действительности [2]. Интернет как средство глобальной коммуникации, выполняя вышеперечисленные функции, создает особое пространство, особую среду, которую принято называть виртуальной.

Таким образом, возможно существование двух реальностей: объективной и виртуальной. Под объективной подразумевается предметная, вещная, фактическая реальность, которая не является только мыслимой. Объективная реальность не зависит и абстрагируется от субъекта, от субъективного мышления, от природы и интересов субъекта.

Виртуальная реальность – это мир, созданный компьютерными средствами. Он специфичен и может воздействовать на зрительные, слуховые и другие органы чувств человека, вызывая у него иллюзию погружения в этот мир. Кроме того, человек может влиять на события, происходящие в этом мире, что усиливает ощущение реальности. В связи с этим интересно провести сравнительный анализ презентации человека в объективной и виртуальной реальности, поскольку проявление его личности через деятельность в этих средах представляется различным.

Итак, рассмотрим то, как человек идентифицирует себя в объективном и виртуальном пространстве, опираясь на представление о себе самом как совокупности трех модусов: души, духа, тела, описанной подробно в статье [3].

Идентичность реальная – осознание себя человеком в объективно существующем, вещном мире. В объективной реальности человек старается презентовать модусы, составляющее его, но реальная идентичность в этом случае, скорее, оценка его окружающими, что является более объективной идентичностью, чем презентация человека в виртуальном пространстве. Рассматривая реальную идентичность более подробно, необходимо отметить, что тело человека представляет реально существующий материальный предмет,

который доступен для объективного анализа по определенным параметрам, скрыть которые трудно или практически невозможно. Например, такие метрические данные, как рост, вес, объем. Конечно, презентуя себя в объективной реальности, человек может изменить эти параметры: визуально увеличив рост при помощи каблуков, уменьшив или увеличив объем своей фигуры при помощи одежды. Такие параметры, как возраст и пол также можно скрыть или исказить. Это делает не так много людей, обычно занимающихся определенным родом деятельности или с определенным уровнем состояния психики. Например, пытаются изменить возраст – выглядеть моложе для окружающих – стараются обычно женщины, а также актеры в силу своей профессиональной деятельности. Изменение пола возможно как на визуальном уровне, т. е. ношение одежды и принятие манеры поведения противоположного пола, так и корректировка соответствующих частей тела с помощью операций. Однако эти трансформации визуальные, и существуют объективные подтверждения истинных параметров: документы, следы пластических операций и т. п.

Подразумевая под душой совокупность побуждения сознания человека, носительницу бессознательного, чувства, эмоции, нравственные установки, идентичность ее в объективной реальности исходит также из оценок окружающих. Презентуя себя, человек может скрыть свои чувства, эмоции, показать другие чувства. Такие действия присуще не всем индивидам, в основном, людям определенных профессий, определенного склада характера или попавшим в какие-либо жизненные ситуации, требующие скрыть истинные чувства и показать другую

гамму чувств для окружающих. Так, например, профессионально этим занимаются актеры, примеряя на себя жизнь своих героев, показывая эмоции, характерные для той или иной роли. Обязательным условием работы разведчика, например, или врача-хирурга является отсутствие эмоционального фона во время выполнения ими профессиональных обязанностей. При работе с детьми, например, необходимо проявлять как можно больше положительных эмоций. В обыденной жизни существует определенный тип людей, которые в силу своего характера пытаются не показывать настоящие чувства. В некоторых случаях такое поведение формируется при навязывании определенных стереотипов поведения, сложившихся в социуме. Например, воспитывая мальчика, многие родители, пытаясь развить мужественность и выдержанность у своего ребенка, формируют привычку скрывать свои эмоции: например, постоянно говоря ему: «Не плачь, ты – мальчик, плачут только девчонки». Мужчины, возможно, воспитанные в детстве на подобных стереотипах, вырастая, пытаются скрывать в дальнейшем эмоции и чувства. Например, полюбив, не показать это окружающим, мотивируя это тем, что «не пристало взрослому мужчине, как мальчишке, подобными пустяками заниматься»; и даже пытаются скрыть свои чувства от той, которая является «предметом», вызвавшим эти чувства. Скрыть эмоции или выразить другие чувства заставляет человека те или иные жизненные ситуации, например, такие: безнадежно больной – близкий родственник; начальник – подчиненный; жена – любовница и т. п.

Существуя в объективной реальности, человеку трудно скрыть духов-

ную составляющую своей личности. Накопленный жизненный опыт, интеллект человека, система ценностей, принятая им за основу своего существования, оцениваются окружающими. Презентуя себя в объективной реальности, можно попытаться исказить и этот модус человеческого существования. Не всегда это возможно. Гораздо проще интеллектуальному человеку показать себя безграмотным и ограниченным человеком, нежели наоборот: глупому и ограниченному прослыть умным и образованным.

Таким образом, надо признать, что идентичность человека в объективной реальности наиболее «объективна», если можно так назвать совокупность субъективных оценок окружающих индивидуума людей.

Анализируя самопрезентацию человека в виртуальной реальности, можно отметить то, что она менее адекватна действительности, чем реальная идентичность человека. Презентуя себя в виртуальном пространстве, человек может представить себя как виртуальный прообраз реального себя, так и придумать свой образ, отличный от реального, моделируя его параметры. Учитывая особенности виртуальной среды, презентуя себя, человек может моделировать свой образ в соответствии с теми параметрами, которые для него кажутся идеальными. Можно представить себя окружающим как высокого, спортивного телосложения (популярные физические характеристики для мужчин) или как блондинку с параметрами 90 x 60 x 90 – для женщин. Презентуя себя подобным образом, можно представить фотографию другого человека, более близкого к идеалу красоты, нежели автор создаваемого виртуального образа. Таким образом,

в виртуальной реальности больше, чем в объективной реальности, возможностей для моделирования такого модуса человека, как тело. Возможна также презентация себя как лицо противоположного пола. Известны случаи, когда в Интернете на сайте знакомств мужчина представлялся красивой девушкой и, зная мужскую психологию что называется «изнутри», обманывал доверчивых мужчин на крупные суммы денег и т. п.

Создавая виртуальный образ, можно изменить не только параметры тела, но и показать эмоции, присущие создаваемому (моделируемому) образу. При презентации и дальнейшем общении в виртуальной реальности чувства и эмоции выражаются при помощи слов, а также при помощи «смайлов» – маленьких картинок, выражающих всю гамму чувств: от «рыдаю» до «сейчас лопну от смеха». Неважно, в каком состоянии находится сейчас человек, презентующий себя в виртуальной реальности, при помощи «смайлов» он может моделировать любой эмоциональный образ, как свой настоящий (реально переживаемые чувства в данный момент времени), так и придуманный им.

Говоря о презентации такого модуса человека, как «дух», отметим, что в виртуальной реальности (как и в реальности объективной) – это самый трудный для моделирования аспект человеческого существования. При общении в виртуальной среде практически невозможно показать высокий интеллектуальный уровень человеку необразованному и безграмотному. Написанные в блогах, дневниках, на форумах и других подобных виртуальных средствах общения мысли, принявшие словесную оболочку и зафиксирован-

ные в предложениях, выдают уровень грамотности человека. Конечно, человек образованный может намеренно делать в словах ошибки, не соблюдать правила пунктуации и другие правила русского языка. Существует язык, изобретенный любителями виртуальной реальности, который настолько далек от норм современного языка, зачастую необходим перевод с «олбанского» языка на нормальный русский [интер.] Словарь этого языка включает в себя и такие достаточно узнаваемые слова, как «превед» и «какдила?», что обозначает – «привет» и «как дела?»; так и такие как «испацтала», что обозначает смех, сильный до такой степени, что тот, кто его испытывает, упал и там смеется («из-под стола»); «фтыкать» – читать и, соответственно, «фтыкатель» – читатель. Изучив и начав применять этот язык, можно сойти за своего «падонка» (так называют себя представители этой субкультуры). И это становится проблемой образования современной молодежи, так как зачастую, общаясь в Интернете с помощью этого языка, начинают забывать нормальный русский. В виртуальной реальности больше пространства для различных типов поведения. Однако еще одной проблемой становится то, что этот «аццкий» язык не остается только в виртуальных рамках, а употребляется и в объективной реальности, например, на телевидении можно услышать «респект и уважуха» и т. п.

Таким образом, следствием сетевой самопрезентации может быть создание как образа реального человека в виртуальном пространстве, так и создание (нового) другого «я» – как гармонично развитой личности, как некоего идеала, конечно, по мнению субъекта самопрезентации. Та-

ким образом, происходит моделирование человека более совершенного, чем реально существующий индивид. То есть происходит замещение реальной индивидуальности на вымышленную, вследствие чего происходит «имитирование реально существующей системы путем специального конструирования аналога (модели), в которых воспроизводятся принцип организации и функционирования этой системы» [4].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что человек, презентующий себя в виртуальной ре-

альности, моделируя свой образ, изменяет или оставляет существующие в объективной реальности модусы: тело, душу, дух. Моделируя свой образ (зачастую более идеальный), человек создает новый вид человека, существующий в виртуальной реальности, отличный от существующего в объективной реальности; возможно, более совершенный, чем *homo sapiens*. И такой вид получил название: *e-homo* [5]. Возможно, *e-homo* – человек будущего. У нас есть возможность наблюдать его становление и развитие и даже участвовать самим в этом процессе.

Примечания

1. Всемирная энциклопедия. Философия. – М., 2001. – С. 495.
2. См.: Lasswell, H. *Function of Mass Communication in Society* // *Mass Communications*. Ed. by W. Schramm. Urbana, 1960
3. Григорьева, О. А. *Homo sapiens et homo perfectus* // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. – Кемерово, 2007. – Т. 2 (4). – С. 96–101.
4. Фролов, И. Т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.erudition.ru/referat/printref/id.36660_1.html.
5. Нариньяни, А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // *Вопросы философии*. – 2008. – № 4. – С. 3–17.

ЕДИНЫЙ ЭТОС ПЛАНЕТЫ: АКСИОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н. В. Кузнецова

Аксиолого-этические проблемы всегда формируются на основе базового отношения человека к Природе и к себе самому как творческому началу этой природы. Человек есть активный субъект природы, включенный органично в нее, и одновременно – некая относительно автономная, уникальная часть этой природы, выстраивающая свою сложную систему «самости» и различного рода коммуникаций. Сложность XX–XXI веков в том, что меняется характер отношения человека к природе, что вызвано особенностями научно-технической революции, космизацией планетарного производства и формированием таких новых отраслей производства, как космонавтика и космическое производство и т. п. «К середине XX века космизация производственной и преобразовательной деятельности человека достигла уже довольно высокого уровня» [1].

Изменение уровня и характера взаимодействия человека с природой и в производстве неизбежно влияет на ход социального развития, на формирование новых ценностных ориентаций как общественного субъекта в целом, так и конкретного индивида – носителя этих ценностей.

Вышеуказанное неизбежно ведет к тому, что постепенно все происходящее в XXI веке преобразования начинают приобретать глобальный характер. Соответственно под влиянием НТР возрастают интеграционные процессы, что находит отражение и в сознании людей: в изменении характера идеалов и ценностей. Расширяется процесс формирования «космического» сознания, именно поэтому и в тео-

ретических (фундаментальных) исследованиях учитываются как принцип космизма, так и законы глобального развития. Общество все основательнее обретает силу планетарного «размаха», а последствия деятельности отдельных личностей, этносов и цивилизаций обретают общепланетарный характер.

Система ценностей определяет приоритеты и отношение к миру. Планетарная этика становится императивом XXI века. У каждого есть своя личная мораль, она варьируется в зависимости от личности и исторических обстоятельств, от общественной морали этноса, нации, политики государства, но она еще и руководствуется принципами общечеловеческой нравственности (например, 10 заповедей). Последняя и явится основой универсальной морали – системы планетарной этики, т. е. этики человечества как единого целого, что мы и определяем как ценностно-этическую основу формирования Единого Этоса Планеты. «Новая этика необходима», – говорилось в Заявлении, подписанном в 1993 году 1670 учеными из 70 стран, в том числе 102 нобелевскими лауреатами. В эту этику включаются обязательства человека перед природой; в ней учитываются также основы либерализма, обеспечивающие мир, справедливость и свободное, но ответственное развитие каждого Человека; постепенно происходит снятие всех форм отчуждения и самоотчуждения в ходе развития гражданского общества.

Соответственно в науке и философии формируется направление, изучающее трансдисциплинарные знания и опыт.

Трансдисциплинарной называется такая форма рационального знания и опыта, в которой научно-философский разум совершает поиск целостности и обоснованности этой целостности, где осуществляется трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным опытом. Это позволяет сохранить целостность восприятия еще не очень четко проявленных тенденций развития и возможных противоречий данного развития. Осуществляется попытка отследить и прогнозировать преобразования фундаментальных структурных составляющих научного знания в контексте классической и постнеклассической науки (космизированно-глобального характера). В данном конкретном исследовании речь пойдет, прежде всего, о планетарном этосе, что должно иметь огромное значение как в когнитивных, так и в коммуникативных стратегиях. В данном контексте звучат традиционные кантовские вопросы – «что я могу знать?», «на что могу надеяться?», «что я должен делать?», а следовательно, ставится обобщающий единый вопрос – «что такое «современный человек эпохи XXI века?»

Стоит задача снять возникающее противоречие между ценностями общечеловеческого характера и спецификой их проявления у разных этнических и национальных социальных групп. Необходимо добиться отказа от вульгарно-социологизаторского подхода к пониманию роли общества в развитии личности, примата его социальных структур над индивидом, так как последнее оправдывает и утверждает идеологически «поглощение современного человека обществом, когда общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает как готовый товар убеждения – национальные, политические, религиозные или атеистические, – которыми затем

живет». А. Швейцер в работе «Благоговение перед жизнью» подчеркивает: «ясно одно: когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умалется решающая величина – духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа» [2]. В настоящий период это вновь обретает свою остроту.

Современная историческая ситуация созрела для того, чтобы основные идейные установки, ценности, идеалы – как высшие регуляторы общественной жизни – были переориентированы на конкретного человека, на поиск оптимальных условий и путей его индивидуации и становления как личности. Благо, Истина и Красота обретают актуализированное звучание, помогая становлению и самовыражению индивида, его внутренней свободы.

Эта методологическая истина чрезвычайно важна при взгляде на человека, процесс его индивидуализации. Глубинный смысл предназначения человека заложен в нем самом, в его уникальной индивидуальности – носителя и творца универсальной культуры. Человек как воплощение бесконечно-всеобщего в единичном, «как целостность, несущая в себе бесконечность в форме разворачивающегося Особенного», должен, чтобы «существовать» и «бесконечно развиваться», постоянно «возделывать» внутренний мир своей души, расширять и обогащать его. «Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя», и это возможно, ибо он «эквивалентен (единице, причастен) всему бытию» [3]. Эти особенности и позволяют ему (при

развитых самосознании и структуре духовных потребностей) непрерывно самосовершенствоваться и развивать «внешние собственно-личностные отношения – нравственное, эстетическое, отношение любви, рациональное и т. д., начиная с самого первичного, глубокого и общего – синкретического «отношения-переживания», родства и причастности к безмерной Тайне себя самого и Мира (это и есть первоначальное религиозное отношение)» [4]. В творческой субъективности мировосприятия, прежде всего, и проявляется различие – уникальность самоотождествления, что в итоге и обеспечивает многогранную бытийность Мира.

Фундаментом для формирования и развертывания духовного мира человека служит мировоззрение, которое претерпевает изменения как в ходе эволюции общественного субъекта, так и в процессе социализации индивида. Уровень и характер развития личности зависят, конечно, не только от субъективных факторов и особенностей, но и от объективных условий.

В том же случае, если личность обрела свой духовный «статус» («духовное статус-кво»), она должна иметь право на определенную автономию. Если этого нет, возникает бунт души против социальных запретов и соответствующих институтов; против косности, за утверждение своего права на развертывание своей духовной сути, своего мировосприятия и самоутверждения. Традиция «запретов» на самостоятельность особенно велика в сфере развития самосознания личности, выбора веры, системы миропонимания. Процесс обучения миропониманию (в ходе воспитания) часто не предусматривает раскрытия творческих потенций индивида. Однако является совершенно очевидным, что, прежде чем стать творцом в какой-либо области,

человек творит себя, свой духовный мир, остоном которого и является его мировоззрение. К сожалению, идеология (как светская, так и религиозная) пытается навязывать человеку законченные формы – штампы миропонимания; иногда очень наивные и примитивные, причем, лишает порой человека права выхода за рамки этих догм в сферу всеобщей культуры мира, в сферу многогранного бытия самого Всеобщего Духа. Подобная ситуация является тормозом в развитии духовных сил человека и, следовательно, духовных сил самой Вселенной. Даже в религии по сути человек стремится реализовать свое субъективное чувство Бесконечности, осуществить устремление своей души к трансцендентному началу; он стремится жить постоянно в контакте с ним, в возможности выхода за пределы своего ограниченного существования путем приобщения к нетленному бытию всеобщего духа [5].

Более того, консерватизм идеологов позволяет невежественным и корыстным лидерам войн и конфликтов использовать религию в социальных братоубийственных столкновениях, нарушая эту глубинную суть гуманистических функций религии. Древняя мудрость гласит, что истинная просвещенность в решении проблем делает акцент не на «противоположностях, возбуждающих страсти», а на диалектике «неразделенного тождества», позволяющего найти компромисс и обосновать необходимость его (Лао-Цзы; Чжан – 81; IV век до н. э.). Но идеологам проще управлять послушными, где «устремленность души» уходит только в послушание и рабское смирение, и «тот факт, что мы превращаем в жесткие догмы отдельные религиозные истины и символы, свидетельствует лишь о том, что в области духовного знания мы не вышли из младенчес-

кого возраста и далеки от познания бесконечности» [6].

Развертывание индивидуальных особенностей, характеристик души – в свободе выбора и общения человека с различными пластами духовной культуры человечества (в том числе сакральной), стимулирует развитие бесконечных духовных потенциалов человека и обеспечивает утверждение единых гуманистических начал в общественной жизни. Проявляется не только творческая уникальность, красота личности, но и развивается способность к универсализму, снимающему нетерпимость в отношениях, помехи в достижении всеобщей гармонии. Эти прогрессивные черты и явятся фундаментом объединения человечества как в практической, так и социальной деятельности. Чтобы усилить противостояние «унифицирующим воздействиям, необходимо «выделение и повышение ценности индивида». Требуется перемена образа мыслей, то есть реальное признание целостного человека. Это может быть делом как общества в целом, так и отдельного человека, но, чтобы стать реальным, должно начинаться с индивида.

Проявляется любопытная закономерность: для исследователя как носителя культуры развитие совершается не только через снятие и восхождение, но и «в схематизме одновременности, взаиморазвития, уплотнения»... где «обратимость «корней и кроны», «до» и «после» означает особый тип целостности, «системности»... как полифонического драматического феномена». Как говорил Ньютон: «Я карлик, стоящий на плечах гиганта – предшествующих поколений». Поэтому здесь нельзя сказать, что «Софокл «снят» Шекспиром, что подлинник Пикассо сделал ненужным впервые открывать подлинник Рембрандта»... Одновре-

менно «здесь не только Шекспир невозможен без Софокла или Брехт – без Шекспира, без внутренней переключки, отталкивания, переосмысления, но – обязательно – обратно: Софокл невозможен без Шекспира; Софокл иначе (и более уникально) понимается и иначе формулируется в сопряжении с Шекспиром» [7]. Для исследователя они предшествуют друг другу, и одновременно они есть корни друг друга. Каждая ветвь уникальна и не заменяет другой, каждая форма развертывания истинного духа есть выражение необходимой его бытийности; и это не только в нашем понимании, но именно так обстоит и в самой многогранной бытийности, «уплотненности», всеобщности собственного, особенного, неповторимого бытия» [8]. Каждое направление не исключает другое, они взаимно дополняют друг друга, раскрываясь с учетом специфики бытия этнического духа. Диалектика этого бытия духа-единства в многообразии и находит яркое подтверждение в символизме и полисемии культуры Единого этоса. В них сознание мыслителя как бы отражает изначальный синкретизм духа, оно соединяет расчлененное в исторической бытийности (не отменяя и не подменяя). Формулируется и действует новый этап мировоззрения, лишенного узких этнических рамок культуры; оно выступает как внеконфессиональное, синкретически-интегральное, одновременно сохраняющее всю красоту и уникальность проявления различных пластов светской и сакральной культуры. Это явление отражает наличие глубокой общности всех культур и их самой тесной связи с различными сферами духовности. На общности различного духа основан и диалог религии (особенно христианства) с наукой, философией, отдельными видами искусства. Следует продолжать «открывать

в формах существующей автономно от нее культуры самые глубокие измерения – ее конечный смысл, отношение к безусловному. Интеграция знания происходит только в субъектно-бытийном сознании, где тайны единого глубинного символического знания подтверждают диалектическое тождество различных форм развертывания этого знания.

Эта творческая деятельность сознания субъекта и утверждает право на преодоление «избранности духа отдельных», право на равенство в сфере обретения духовности. Однако иллюзорная духовная подготовка, или неоправданно завышенные амбиции могут привести, как предостерегал Александр Мень, к пустой «всеядности», «эклектике», «аморфной каше» в сознании. Подобное сознание он сравнивает с храмом, у которого колокольня была бы готической, колонны были бы античными, окна были бы сделаны в китайском духе и так далее. Это был бы архитектурный «монстр» [9]. Эклектика, как и вообще «много знание», вне системы уму не научают, в творческой душе разума «каждая крупинка знания» должна давать «прозрение» и мудрость в единой системе.

Каждый мыслитель уникален, поэтому идет к мудрости своим путем, но этот путь всегда проходит сквозь универсальные, классические системы культуры при соблюдении «диалектики идентичности» и «универсализма». Наступает историческое время терпимости и взаимопонимания (несмотря на хор воинствующих фанатиков, ригористов и анархистов).

Свободное от идеологической замкнутости сознание творческой личности устремлено к сближению различных культур Запада и Востока, Азии и Африки и т. п. Более того, этот процесс «приобретает решающее экзистенциальное значение» и в «повсед-

невном сознании и бытии» [10]. Причем смысл бытия различных пластов и форм культуры субъект не сводит к «представлениям «низшие», «предыдущие» ступени»... он рассматривает их как самостоятельное, «иные смыслы», которые врываются в повседневное бытие, «претендуют на единственность и всеобщность», влияя на формирование его нового бытия. Все эти факты еще раз подтверждают, что в XXI веке все более массово проявляется интерес исследователей к постижению различных (в т. ч. предшествующих) пластов культуры: «разума эйдетического» (античного), «разума причащающего» (средние века), «разума познающего» (Новое время). И это не эклектика, не хаос мыслей, но овладение культурой мира. Конечно, уровень проникновения зависит от глубины духовного мира субъекта, ценностных ориентаций. Требуется прикосновение к логике культуры, раскрытие идем «произведения», это неизбежно вызывает «актуализацию философской культуры, философской логики как диалогии» [11]. И это – естественный путь к индивидуации и творчеству, где «мысль понимается накануне мысли, бытие – накануне бытия» [12].

Крупнейшие ученые европейских стран, участники Римского клуба считают, что в основе глобального кризиса лежит «кризис сознания»; они подчеркивают, что мы в длительной перспективе своей социально-противоречивой деятельностью, низкой культурной организацией планетарной деятельности, угрожаем собственному выживанию и «выживанию многих других видов». Вызовы XXI века требуют радикальной перестройки внутреннего мира субъекта планеты. Так, например, они выдвигают следующие новые императивы:

1) необходимо осознавать, уважать и посредством выигрышных стратегий

использовать разнообразие культур, наций и народов для достижения прочного мира и солидарности в мире;

2) необходимо овладеть планетарной этикой – жить так, чтобы давать другим жить так же хорошо;

3) необходимо создание такой планетарной этики, которая учитывала бы не только видовые правовые традиции, но и другие необходимые «компоненты земного сообщества» всех видов и форм жизни. Для этого необходимо согласовывать «наши технологии с технологиями природного мира», ибо «функциональные модули нашей планеты экосистемы – это развивающиеся, саморегулирующиеся, самовосстанавливающиеся сообщества». При этом необходимо учитывать историю Вселенной, космогенез. Как хорошо подчеркивает Томас Берри в статье «Об исторической миссии нашего вре-

мени», необходим опыт «восхождения человеческого сознания к пониманию величия и сакральности процесса, происходящего на земле. Такое пробуждение сознания – наше человеческое предвкушение образа Земли, целостный образ, запечатленный не в какой-либо культуре, а в глубине нашего генетического кода. В этом проявляются функции Земли, лежащие в глубинах нашего подсознания. В такого рода мечтаниях о Земле мы, вероятно, не принимали участия с древних шаманских времен, но именно в этом лежит наша надежда на будущее и для себя, и для всего живого, населяющего Землю» [13].

Как призыв к формированию духа планетарного сознания в 1996 году был принят Манифест Будапештского клуба: каждый должен начинать с себя, культивировать в себе Этику Единого Этоса Планеты,

Примечания

1. Фаддеев, Е. Т. Космонавтика и общество. – М., 1970. – Ч. 1. – С. 25.
2. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.
3. Юнг, К. Г. Один современный миф. – М., 1993.
4. Арсентьев, А. С. Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5.
5. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976.
6. Юнг, К. Г. Указ. соч.
7. Библер, В. С. *От наукоучения к логике культуры (два философских введения в XXI век)*. – М., 1991.
8. Библер, В. С. *Указ. соч.*
9. Мень, А. Между фанатизмом и всеядностью (проповедь) // Мир новостей. – 1996. – № 11. – С. 67.
10. Эрвин, Ласло. Макродвиж. К устойчивости мира курсом перемен. – М., 2004. – С. 74, 79, 80, 90, 172–173, 202.
11. Библер, В. С. *Указ. соч.*
12. Там же.
13. Мень, А. Указ. соч.

КАТЕГОРИИ ЭТНОСА И НАЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ
И ГУМАНИТАРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Е. С. Кузнецова

На рубеже XX–XXI веков россияне оказались в той культурно-исторической ситуации, о которой П. Сорокин сказал: «наши национальные вопросы» составляют одну из «глав общего учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства». «Национальный вопрос» трактуется им как «социальный», то есть возникающий в результате каких-либо сдвигов или деформаций в социальной, политической, экономической жизни, влекущий за собой дискомфорт или ущемление прав по «национальному признаку» [1]. Поскольку сфера национального развития вплетена в ткань социальных процессов, в современных условиях любой общественно значимый вопрос в многонациональном государстве может приобрести национальную окраску и рассматриваться с точки зрения национальных интересов и потребностей, то есть национальный вопрос в равной мере является и социальным, и политическим, и, наконец, культурным.

В этом плане в отношении понятия «российская нация» закономерно определение «полиэтноса» как типа социокультурной общности, основой которой является национальное самосознание – это самосознание общности, определяющее историческую активность последней, свою позицию в определенный период по отношению к иным общностям, осознание ее субъектами единства, которое выражается в формировании единых ценностей, взглядов, перспектив.

Национальное самосознание характеризуется осознанием субъектами нации своей национально-культурной общности (языка, территории, государ-

ства), национальной идеи, национальных интересов, а также осознанием общности в национально-освободительной борьбе и «готовностью признать и нести ответственность за человеческие, природные и культурные потери» [2]. Осознание причастности к своей Истории и Судьбе, крушение советской идеологии и упадок православно-христианской религиозности, превратившейся во многом в «этикетку», с точки зрения С. Экшута, являются свидетельствами неокончательной сформированности и оформленности национального самосознания «имперского субъекта» [3]. Следовательно, в определении специфики национального развития россиян конца XX – начала XXI вв. необходимо попытаться сочетать в самосознании субъекта российской культуры собственно этническую специфику традиционного (премодернистского) типа культуры с принципами и ценностями, характерными для становящегося современного гражданского общества, основой которого все более зримо становится государственно-державное начало.

Общество – необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной степени зависит от того, как люди видят его, представляют будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы. Зависимость человека от неподвластных ему сил не является универсальной, а претерпевает изменения и становится взаимосвязью. Социальные структуры раскрывают себя социальным субъектам, которые мобилизуют собственные ресурсы, видоизменяют их, выстраива-

ют эти структуры так, чтобы «войти в интерфейс» с ними, получая возможность активно действовать. Таким образом, трудно не согласиться с Г. Зиммелем, по мнению которого, общество представляет собой «процесс взаимодействия индивидов» [4].

Подобный тип взаимоотношений выражает характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, отличающихся по социальным позициям, статусам и ролям. Объективная сторона взаимодействия – это связи, не зависящие от отдельных личностей, но контролируемые содержанием и характером этих (в том числе и этнокультурных) взаимодействий. К ним относится тип взаимоотношений на этнокультурном уровне. Субъективная же сторона взаимодействия – сознательное отношение друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения, – может быть представлена контактами на национальном уровне. Так, П. Сорокин отмечал, что «взаимодействие двух или большего числа индивидов есть родовое понятие социального явления: оно может служить моделью последних». В связи с вышесказанным можно предположить, что, изучая строение этой модели, становится возможным познать строение всех общественных явлений, поскольку, «разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления» [5].

На каждом из своих уровней социокультурное поле непрерывно подвергается изменениям. «Реальную сложность социальной жизни, происходящей в культурном поле, можно понять, если уяснить два момента. Во-первых, на всех... уровнях процессы идут не независимо друг от друга, а, наоборот, нахо-

дятся в многочисленных и многомерных взаимосвязях. Во-вторых, проявление социокультурного поля имеет разные уровни сложности: макро-, мезо- и микро-. Кристаллизация и отклонение социокультурного поля, «встроенные» в социальные события глобального, регионального, локального и даже личностного характера в значительной степени взаимопределяют друг друга» [6].

Таким образом, «этническая группа», «этническая общность», «нация» и «национальное государство» могут быть определениями, обозначающими социальную систему, существующими постольку и до тех пор, пока внутри нее что-то происходит, предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется. Вся социальная реальность при этом представляет собой поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа – и не случайно же мы часто говорим о «социальной жизни» [7]. Данный социодинамический, точнее, *процессуальный подход* (курсив мой. – Е. К.) к проблеме становления национального типа общества нашел свое отражение уже в работе А. Тойнби, который сформулировал данное положение следующим образом: «Исследование человеческих отношений в движении, будучи более реалистичным, несомненно, плодотворнее любой попытки изучать их в воображаемом состоянии покоя» [8].

Следовательно, в рамках современного интердисциплинарного исследования *требуется пересмотр роли сознания, самосознания и идентичности в этнической и национальной истории, в ходе конструирования российской социальной реальности*. Безусловно, понимание динамики процессов социокультурного коммуникационного взаимодействия, детерминирующих групповых и межгрупповых отношений и взаимодействий, напрямую связано с

решением ключевых проблем национальной политики. Однако для эффективного функционирования и развития государственного управления жизненно необходимо отслеживать и учитывать, прежде всего, уровень этнического самосознания, этнокультурную и конфессиональную специфику этнических групп. «Этнокультурные общности имеют куда более глубокие исторические корни, которые восходят к родоплеменным формам общности, по сути к кровнородственным, но обладают исключительной устойчивостью перед натиском исторических преобразований» [9].

Таким образом, для дальнейшего анализа сферы взаимодействия этнического и национального элементов самосознания как важнейшего фактора исторического творчества народа, на наш взгляд, прежде всего, необходимо определиться с содержанием терминов «этнос», «этничность» и сопоставить их с понятиями «народность», «нация» – показателем исторической зрелости общества, показателем уровня его цивилизационного развития, что позволяет вслед за Межуевым ввести понятие о «культуре» и «сверхкультуре» [10]. Последняя характерна для национального типа общества с развитой книжно-образовательной составляющей, каким и является российское общество.

Следовательно, «нация» – вершина этнокультурного становления «народности». В рамках данного (собственно культурологического) подхода переход от этнической к национальной стадии развития общества и культуры требует формирования собственно социальных, а не этнографических, демографических и тому подобных механизмов. Попытаемся проследить становление этого и других подходов к проблеме.

Существующая ныне в науке этническая терминология представляет производные от древнегреческого слова,

перевод которых имеет достаточно широкий диапазон значений: «племя», «народ», «толпа», «группа людей», «род» как «. всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства (обычай, повадки, внешний вид и т. д.)» (от лат. «*natio*», **которым** римляне пользовались для обозначения различных племен того времени).

На начальных этапах существования слово «этнос» неоднократно конвергировало в своем значении по сути от биологической констатации идентичности ряда живых существ, обладающих схожими повадками стаи, роя, через в достаточной мере индифферентную «группу» в «племя» и «народ», и окончательно в «люди». С развитием христианства, сохранив греческую отчужденность («люди, но не греки»), слово приобретает еще и религиозную отчужденность – «люди, но не такие как мы – не такие как нужно, как следует». В результате эта тенденция разноплановости понятия и определяемых им явлений будет проявляться и в более поздних исследованиях.

Так, в XIX веке в рамках *философско-исторического подхода* идея нации служила неявной основой всех подходов социальных наук и в политике, представляясь основным субъектом прогресса. Наряду с классами и индивидами, нации выступали и творцами прогресса, и теми, кто пожинает его плоды и пользуется его благами. Прогресс измерялся силой, свободой, материальным благосостоянием нации, при этом он часто понимался как результат действия определенного агента, определенной воли – субъекта, что нашло отражение в работах Фихте, Гегеля, Маркса. Выдвинутая Фихте идея бесконечной свободы субъекта, делающей его творцом всего эмпирического мира, была развита романтиками для отождествления понятия субъекта культуры в целом

и творческого «Я» художника. Данный подход к проблеме, отрицающий картезианскую модель и сформировавшийся в условиях, сходных с современными российскими (не в экономическом, а в политическом и культурно-историческом плане), является определяющим, с нашей точки зрения, и сегодня.

Важную роль в формировании взглядов на «этнос» сыграло понятие «духа народа» Гегеля. Так, с точки зрения философа, проявляемый в различных формах, это «...есть определенный дух, создающий из себя наличный действительный мир, который существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах» [11]. И поскольку природные формы есть лишь низшая ступень обнаружения и самопознания «абсолютной идеи», свое высшее адекватное воплощение она получает лишь в человеке, в развитии исторического общества, что позволяет определить национальную форму как высшую цель развития этнокультуры того или иного типа общества.

В то же время в XIX веке широкое применение получили традиции сравнительно-исторического подхода, направленного на изучение и анализ обычаев и этнических признаков культуры, а также эволюционный подход. В основе последнего представлена теория единой эволюции культуры, восходящая к И. Г. Гердеру и его последователям, для которых «культура – это продукт деятельности людей и одновременно ее стимул» [12]. Таким образом, понятием «культура» обозначается переход ее субъекта от животного состояния к общественной жизни. Признавая значение внешних факторов, Гердер считал главным стимулом общественного развития «органические силы». Преимуществом

данного подхода являются проводимые исследователем вполне определенные различия между генетическими силами, действующими в природе и обществе. Следовательно, данный метод предполагает изучение развития народов, которое составляет как бы единую цепь, в которой каждое звено связано с предыдущим и последующим. Каждый народ использует достижения своих предшественников и подготавливает почву для преемников. Общество совершает движение к высшему состоянию, которое Гердер называл «гуманностью».

Таким образом, гердеровская идея прогресса позволяет рассматривать историю народов как «школу соревнования в скорейшем достижении гуманности. Никакой деспотизм и никакие традиции не могут задержать его», а сформулированная в «Идеях...» концепция содержит грандиозную для своего времени попытку проследить в общих чертах путь, пройденный человечеством в его культурном развитии.

Проблеме сущности этноса посвящено значительное количество исследований *эволюционистской школы*, основная идея которой – единство человеческого рода, единообразие развития культуры. Так, А. Бастиан считал, что единство человеческой психики, то есть «стихийная (или элементарная) мысль», обуславливает единство человеческой культуры. В связи с вышесказанным, можно заключить, что каждый народ развивает сам из себя определенный круг идей. И пока он живет обособленной жизнью, этот круг идей остается постоянным, но отношения с другими народами вводят в него новые идеи, чем побуждают народ к действию.

Развитие данного подхода нашло свое продолжение в работах Т. Вайнца, также исходившего из идеи единства человечества, который отвергал мнение о прямом влиянии географической среды

на культуру людей, а различия в уровне культурного развития приписывал историческим условиям. В рамках исторического детерминизма рассматривал «этнотыпы» и Дж. Мак-Леннан. Преимуществом данного подхода являлся поиск сущности этноса, основанный на единстве методов естественных и общественных наук, поскольку эволюционизм тесно связывал социологию с этнологией, решая общие для них проблемы генезиса общества и культуры.

Представление о внутренне детерминированной естественной эволюции человеческого общества классически сформулировано в трудах Э. Тайлора: «...в человеческих институтах исторические слои выражены так отчетливо, как и в отложениях пород. Они следуют один за другим в последовательности, принципиально одинаковой на всем земном шаре, независимо от мнимых, относительно поверхностных различий расы и языка, сформированы сходной человеческой природой, продолжающей действовать в сменяющихся условиях дикости, варварства и цивилизованной жизни» [13].

В то же время Г. Спенсер в своей теории утверждал, что общество развивается под влиянием «внешних» и «внутренних» факторов: «внешние» – это влияние географической среды и соседних обществ, а «внутренние» – это физическая природа человека, дифференциация рас.

Таким образом, в рамках философско-исторических концепций XIX века было осознано, что «прогресс осуществляется во имя нации, поскольку его дело совершается дольше, чем жизнь одного поколения. Одновременно понятие нации натурализовалось, то есть утвердилось неявное допущение, некая дополитическая реальность, в которой конституируются социальная и культурная идентичности политичес-

ких агентов» [14]. Нация и представлялась такой первичной дополитической реальностью. Соответственно, она становилась и действующим агентом прогресса. В этой связи можно вспомнить Гегеля, с точки зрения которого именно отдельные нации были носителями стадий мирового духа, а на германскую нацию была возложена совершенно особая миссия в этом развитии, что позволяет нам сегодня проводить аналогии с идентичными процессами в России.

На рубеже XIX–XX веков начинает формироваться новое – историко-экономическое направление общественной мысли, широко распространяясь в интеллектуальной среде Запада сомнения относительно способности сознательно действующих агентов достичь своими целенаправленными действиями поставленной цели. Появляются идеи конца прогресса, типичные для модернистского сознания, а также изменения его направления (Ф. Ницше). В такой ситуации Э. Дюркгейм, М. Вебер, писавшие об «исторических задачах германской нации», и их последователи обращаются к эволюционизму, чтобы иметь возможность рассматривать прогресс уже не как результат сознательного целеполагания. Такова основная идея веберовской «протестантской этики»: дух капитализма возникает как побочный, «не преднамеренный продукт этой этики» [15].

Таким образом, отсутствие в философско-исторических и историко-экономических теориях XIX века четких и однозначных критериев в характеристике «этноса» способствовало использованию этого термина в качестве синонима «нации» на протяжении двух столетий. Однако социальная действительность вносила свои коррективы.

Так, в XX веке одним из наиболее распространенных становится подход к проблеме определения *нации как ис-*

тории государств, «этнических государств», что и привело к выработке взгляда на «нацию» как на согражданство (Ф. Майнеке, Х. Ортега-и-Гассет, К. Дейч). В рамках данного подхода «нация» понималась как совокупность граждан, имеющих равные права, независимо от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения, то есть «нация» означала «сообщество живущих по общему закону и представленных одним законодательством» [16]. Такой взгляд уходил корнями еще в идеологию Просвещения и Французской революции.

Основателем же *психологического подхода* к проблеме нации стал французский философ и историк XIX в. Э. Ренан, утверждающий, что «нация – это дума, духовный принцип». Суммируя круг западных либеральных идей XIX века, исследователь отмечал неправомерность отождествления нации с антропологическими, этнографическими или лингвистическими группами. «Человек – не раб ни своей расы, ни своего языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей» [17]. Предложенный Ренаном подход выгодно отличался от своих предшественников, позволяя связать реальность нации с двумя факторами: с общим историческим опытом и волей народа в настоящем сохранить неделимым полученное наследие – то есть с культурой. При этом стоит заметить: если взгляды Милля главным фактором становления нации определяли «национальное чувство», то Э. Ренан приписывал его «воле».

Итак, преимущества данного *психологического подхода* в том, что он позволяет рассматривать «нацию» как категорию гражданского общества, основанного на ценностях более универсальных, чем унаследованные от далекого прошлого ценности языка, религии, древних обычаев. Также его новиз-

на заключается не только в его попытке опровергнуть внутренние границы, но и в стремлении признать презумпцию равенства для всех граждан, независимо от их происхождения, цвета кожи, вероисповедания.

Однако следующее – так называемое «*органическое*» направление – не оставляет его идеологам возможности охарактеризовать «этнос» и «нацию» в качестве надсоциальных явлений. Так, еще Г. Лебон сравнивал этнос (используя термин «раса») с многоклеточным организмом: «...миллиарды клеток имеют очень непродолжительное существование, между тем как продолжительность существования образованного соединения – существа, относительно очень долгая. Точно так же индивидуум какой-либо расы имеет очень короткую индивидуальную и очень долгую коллективную жизнь. Эта последняя – жизнь расы, в которой он родился, продолжению которой он способствует и от которой он всегда зависит» [18].

Позже, в XX веке, этот так называемый «*органический*» подход к определению нации, к сожалению, будет скомпрометирован, поскольку его возьмут на вооружение идеологи фашизма, трактуя нацию как высшую и вечную реальность, основанную на общности «крови» и «почвы», последствия распространения данной версии органической теории нации (расовой) оказались губительны для человечества.

И, наконец, в рамках историко-культурного исследования нельзя не вспомнить еще об одном направлении, обозначившемся уже в конце XIX века, благодаря которому в XX веке распространился взгляд на «нацию» как на культурную (социокультурную) общность, в отличие от этноса – социально слабо детерминированной общности. Один из основоположников этого этнокультурологического подхода Ф. И. Нейман опре-

делял нацию как «значительную группу народонаселения, которая в результате высоких и самобытных культурных достижений обрела высокую самобытную сущность, переходящую в обширных областях от поколения к поколению» [19]. Позднее А. Фиркандт выразил эту мысль так: «Основой общности является... культура» [20]. Разработке данного аспекта проблемы посвящено большое место в работах эволюционистов (А. Бастиан, Ш. Летурно, Л. Морган).

Однако на рубеже XIX–XX веков научная парадигма меняется: эволюционизм вытесняется, с одной стороны, диффузионизмом, а с другой – функционализмом. Преимущество диффузионистского подхода – в постулировании возможностей пространственного перемещения культурных явлений, чему посвящены исследования Ф. Гребнера. В свою очередь, Ф. Ратцель одним из первых поднял вопрос о явлениях культуры как о признаках взаимной связи между народами, «этносами», «расовыми типами», которые смешиваются между собой, поэтому «все современные расы – смешанные». Народы изменяются, гибнут, вновь появляются. Культурные связи между народами приводят к передвижению отдельных явлений культуры, а переселения самих народов имеет результатом «целого взаимосвязанного культурного достояния народа» [21]. В этой связи на протяжении XX века проблема национального самоопределения все больше развивается в русле этносоциологии, антропологии и этнопсихологии.

Так, Э. Дюркгейм в социологии, Б. Малиновский и А. Рэдклифф-Браун в антропологии занимались данной проблемой – выяснением социальных функций таких явлений, как «этнос» и «нация», предлагая за основу их взять самое простое общество – первобытную «орду». Входя же в более сложное

общество, она становится «кланом» (т. е. родом, на основе которого и формируется «этнос». – Е. К.) – единица, уже неразложимая на части). Действительно, Э. Дюркгейм убежден в том, что всякое общество есть лишь определенная комбинация из одного и того же первобытного общества, из чего следует отрицание попыток противопоставить «этнос» «нации». «В действительности, – писал исследователь, – прогресса человечества не существует, что единственно дано для наблюдения – это отдельные общества, которые рождаются, развиваются, умирают независимо одни от других» [22]. Таким образом, каждое общество, по его мнению, состоит из частей, которые есть по сути более простые общества.

В свою очередь, предложенный Ф. Боасом *подход основан на принципе относительности морально-оценочных критериев и несравнимости культурных ценностей различных народов*. Новизна его – в выделении общей задачи в исследовании как «этносов», так и «наций». Таковой является задача «изучения всей совокупности явлений социальной жизни», а именно – «языка, обычаев, миграции, телесных признаков». Цель же подхода – открытие общих законов социального развития. Таким образом, обращаясь к «проблеме расы», Ф. Боас подчеркивает, что в этой области действуют лишь социальные, исторические факторы. Следовательно, как причинами бедствий человечества выступают именно социальные, а не биологические причины, так и не существует принципиальных различий между «этносом» и «нацией», поскольку «никакого биологического расового антагонизма не существует».

Для американского же культуролога второй половины XX века – Л. Уайта – «человек» и «нация» – *совершенно различные системы*. Последняя

состоит из «культурных элементов»: институтов, идеологий, орудий и средств производства. Он одним из первых обнаружил парадокс в национальном развитии: несмотря на то, что «нации хищны» и у них «нет морали», «каждый народ лелеет убеждение о собственном благородстве и справедливости» [23]. «И это одна из существенных черт нации как культурной системы: это способ усиления социальной сплоченности и укрепления системы в целом, средство мобилизации моральных качеств людей в поддержку аморальных войн, которые ведет государство» [24]. В результате исследователь приходит к мысли, что «нации – это системы с низким уровнем сознания. Ее поведение характеризуется лишь простым рефлексом к тропизму... Поэтому нация способна обнаружить опасность... лишь с ее наступлением, поскольку в структуре культурной системы, состоящей из множества автономных частей, отсутствует центральный механизм синтеза информации и выработки адекватной реакции (курсив мой. – Е. К.)» [25]. Последнее высказывание Л. Уайта представляет для нашего дальнейшего исследования особый интерес.

С точки зрения конструктивистского подхода, обозначившегося в середине XX века, нацию определяют как «некие идеальные конструкции в головах людей» (К. Поппер).

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что для описания «этнической» действительности в западноевропейской и американской гуманитарной традиции в XIX–XX вв. использовались, преимущественно, социологические детерминированные термины – «нация», «раса», «племя», «национальность». На данном этапе развития науки они сосуществовали параллельно в дополнении друг к другу, либо попросту являлись сино-

нимами, по-разному выражавшими идентичные явления социальной жизни человека.

При этом большинство мыслителей, признавая значимость объективных характеристик нации, вместе с тем в качестве ведущих, доминирующих определяли субъективные нациеобразующие факторы – «народный дух», «душу народа», общность чувств и проч. Многие рассматривали нацию как культурную общность, а также как «некие идеальные конструкции в головах людей», при этом в качестве важнейшего условия существования нации выделяется государство или стремление к его преобразованию. Таким образом, несмотря на наличие разных подходов в западной исследовательской традиции преобладают представления о нации как преимущественно культурной и духовной общности.

В отечественной теоретической мысли также существовало множество схем и концептуальных подходов к определению «этнической» и «национальной» реальности. При этом следует отметить, что до наших дней используемые понятия недостаточно ясно определены в отечественной философско-исторической мысли, а порой затемнены различными идеологическими спекуляциями, в том числе на почве идеологических и политических спекуляций, распространения многочисленных националистических теорий (чаще – «антирусских»), а также «захлестнувшей» страны бывшего СССР «волны русофобии» [26].

Однако в Россию гораздо раньше, чем в Европу пришло обобщенно-рефлексивное представление о нации – агенте прогресса, его цели и продукте. Характерно было отношение к нации как продукту религиозно-философского мышления, своего рода духовно-идеологической конструкции, оформив-

шейся в «национальную идею» на заре государственной истории. При этом задача интеллектуальной элиты («русской интеллигенции») состояла в том, чтобы оформить ее, наполнить глубоким смыслом, сделать ее символом духовного состояния, уровня взаимоотношений личности и общества в период, предшествующий становлению нации, когда организующим началом жизни народов как в Европе, так и в России была религиозно-государственная идея. И лишь к концу восемнадцатого столетия в связи с падением престижа Церкви и монархической идеи в обстановке растущего значения роли народных масс в государственной и политической жизни религиозно-государственная идея стала трансформироваться в духовный комплекс, в котором сохранились эти традиционные компоненты, но основным стало национальное измерение.

Качественно новым, по сравнению с европейской традицией, было внимание отечественных исследователей XIX–XX вв. к судьбе народа, особенностям его быта и культуры, а также – к отечественной истории как национально значимому фактору.

Так, П. И. Пестель, впервые широко поставивший в русской общественно-политической мысли национальный вопрос, видел право «народности называться нацией», прежде всего, в ее численности и традициях государственности, указывая при этом на единство языка, религии, компактность проживания. По его мнению, стабильность в государстве требует национального единообразия. Для малых народов, писал Пестель в «Русской правде», лучшим является, «когда они соединяются духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующею, составляя с ней один народ и переставая бесполезно мечтать о деле невозможном» [27].

Итак, если в предшествующие эпохи русскую идею можно было охарактеризовать как религиозно-государственную – хотя, конечно, было вполне четкое понятие «русской земли», то с начала XIX века она была дополнена действительно «национальным» (культурным, символическим) смыслом. Именно с этого момента она приобрела твердую опору в понятиях «народа» и «народного духа»; в ней появились представления о «национальном бытии» и «национальной культуре» как продукте народного творчества. Таким образом, «русская идея» впервые усвоила тезис о самобытности России.

Нетрадиционным для своего времени было толкование понятия «нация» Н. Я. Данилевским. Согласно его концепции, «нация» представляла собой культурно-исторический тип, к которому принадлежит народ, и отсюда абсолютно бесплодны всякие попытки нарушить своеобразие этого культурно-исторического типа [28].

В. Г. Белинский считал, что основу нации определить невозможно, поскольку в своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которые «нельзя ни предвидеть, ни предсказать». Но если предполагать, что народы образовались из семейств, отмечал он, то «причиной субстанции» могут быть «кровь и порода»; определенную роль отводил Белинский историческим условиям, климату, географическому положению. Однако в качестве главного в национальности выделялась совокупность всех духовных сил народа [29].

Таким образом, уже с середины XIX века субъект национальной истории и культуры – «народ» – стали рассматривать не только как носителя некоторых качеств, но и как динамичную силу, как активного творческого участника историко-культурного процесса. Однако этот

путь был тернист. Если история России у Н. М. Карамзина – еще в основном история венценосцев (поскольку одним из традиционных для отечественной культуры субъектов был русский царизм), то романтики подготовили новое ее понимание в лице «народа» как субъекта культуры нации. Эти идеи были подхвачены в 1830–1840-е гг.

Однако развитие отечественной историко-философской мысли этого периода происходило не «единым фронтом», а в форме достижений, нередко связанных с одной или несколькими выдающимися личностями то в одной, то в другой области гуманитарного знания. Следовательно, неравномерной была и хронология развития исследовательской мысли. Так, исторические исследования Карамзина достигли зрелости уже в первые годы XIX столетия; философская мысль, искавшая ответы на вопрос – в чем состоит своеобразие России, оформлялась в 1830-е годы; словарь В. И. Даля в этом плане запоздал совсем, выйдя в свет в 1860-е гг.

Эта историко-философская линия сохранилась в русской мысли вплоть до послереволюционного времени. Так, С. Н. Булгаков называет ее «философией реализма», для которой «нация есть не только совокупность феноменологических своих обнаружений, исчисляемых и изучаемых наукой, но, прежде всего, – некое субстанциональное начало, творчески производящее свои обнаружения, однако всецело не вмещающееся ни одним из них и потому не сливающееся с ними» [30]. Следовательно, в философии реализма нация утверждается как объективная реальность, интуитивно опознаваемая в непосредственном переживании. Во всяком случае, она базируется именно на субстанциональном бытии.

Представители русской религиозной философии конца XIX – начала

XX века, среди которых В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и другие мыслители, рассматривали идею национальности с точки зрения христианской морали. ««Нации», из которых состоит большой человеческий организм, – указывал В. Соловьев, – есть «существа моральные», отсюда и «особые функции, которые выполняют они во вселенской жизни» [31]. Таким образом, *смысл существования «наций» В. С. Соловьев видел не в них самих, а в их роли в судьбе человечества.* «Всечеловеческому противостоит не национальное как таковое, а национальный эгоизм, «эпидемическое безумие национализма» [32]. Таким образом, поднимается *вопрос о моральной ответственности наций в связи с ростом националистических настроений на рубеже XX–XXI вв.*

Следовательно, утверждая неизменное существование наций и прав национальности, В. С. Соловьев доказывал, что христианская мораль должна осуждать национализм, представляющий то же, что «эгоизм для индивида – дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм». И когда гармоническое единство социального и национального разрушено, с его тенденцией к обособленности, к созданию сугубо национальных государств, это негативно может отразиться на судьбе нации и принадлежащих к ней индивидах.

Нельзя не отметить, что превознося «национальное» вслед за В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяев тем не менее также весьма резко выступал против национализма. Философ был убежден, что национализм есть прикрытая форма эгоцентризма, самомнения, чванства и бахвальства, об этом он писал в работе «О современном национализме». Поэтому национализм ни в коем случае нельзя отождествлять с патриотизмом,

предупреждал он. Однако Н. А. Бердяев отмечал в национализме и положительные свойства, например, творческое раскрытие потенциала нации, духовный подъем самосознания в сложные для нации исторические периоды. Такой национализм, считал он, часто переплетается с мессианизмом, со стремлением оказать помощь другим. И несмотря на то, что современная политическая ситуация в стране заставляет исследователей (В. Иорданского, Л. Мельникова, Н. П. Поливаеву и др.) принципиально иначе взглянуть на проблему национализма [33], наше дальнейшее исследование будет опираться именно на трактовку «нации» и «национализма», предложенную Н. А. Бердяевым.

Проблема изучения «национализма» как формы идеологии *поднимает вопрос о мифологичности современного национального самосознания россиян*. В свою очередь, мифологичность современного российского национального самосознания свидетельствует об активности этнической компоненты культуры на протяжении всего XX века, позволяя тем самым провести параллель между понятиями «этническое» и «национальное» самосознание [34]. Попытаемся подробнее рассмотреть становление данного подхода к пониманию проблемы.

Действительно, этническое самосознание на протяжении XX века под воздействием идеологии (причем не только советской) становилось все более мифологичным. Таково было необходимое «условие» духовного существования человека, в единстве с научным познанием мира, составляющим его смысловую среду. В своем историческом генезисе «этническое чувство» и миф имели точки соприкосновения: этническая идентификация в России постепенно обретала образную выразительность и эмоциональную поддержку

в этноцентрически окрашенных мифах и преданиях (наглядный пример этих процессов – специфика художественных образов в текстах советских песен: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и т. п.).

Становление же собственно исторического сознания и идеи русской самобытности нашло свое отражение в трудах русских историков, лингвистов, фольклористов, этнографов, которые внесли свой вклад в формирование «образа России» в сознании образованной части общества в XIX–XX веках, способствуя тем самым становлению национального самосознания и укреплению законной гордости русских своей страной и культурой. Именно поэтому до наших дней в характеристике «этнической» реальности в отечественном общественном сознании используются понятия «национального самосознания» и «национальной идеи» как научно-осмысленной части этого самосознания, исторической памяти и мифа [35].

Этими процессами объясняется тот факт, что в феномене «национального» российская религиозно-философская и общественно-политическая мысль традиционно четко усматривала двойственность: с одной стороны, положительный заряд, раскрывающий потенциал нации, с другой – отрицательный (стремление нации утвердить себя за счет других народов). Национальное самоутверждение, по мысли Соловьева, имело различный смысл и представляло различную ценность в разные исторические периоды.

Наиболее ярко эта мысль выражена в высказывании С. Н. Булгакова: «Национальность двойственна, – писал он, – в национальном чувстве есть черты, способные изменить всечеловечности. Национальность есть, хотя и органическая, но не высшая, форма человеческого единения, ибо она не

только соединяет, но и разъединяет. Национальный мессионизм может легко переходить в национальную исключительность, национализм. Национальное чувство поэтому надо всегда держать в узде...» [36]. Любовь к своей стране, стремление видеть «национально-государственное тело» благополучным и сильным формирует, по С. Н. Булгакову, государственно-экономическую программу здорового «национального эгоизма», который сам по себе естественен. Но важно не перейти границу, предупреждал он, нельзя дать национальному эгоизму развиваться, потому что тогда политика становится просто международным «разбоем», а сама нация вырождается «в хищника». В этой связи философ подчеркивает *необходимость национального самоограничения, своеобразного национального аскетизма.*

В то же время С. Н. Булгаков считает нормальным соперничество наций в «здоровом национальном организме», в рамках единого государства. И хотя в этой борьбе «напрягается чувство национальности» и возникает опасность его перехода в национализм, мыслитель делает, казалось бы, парадоксальный вывод: при всей борьбе и соревновательности национальностей в пределах одного государства оно является их общим домом, и *сознание этой общности тем выше, чем больше политическая самостоятельность национальностей.*

Итак, в отечественной традиции в рамках *философско-исторического подхода* после первой мировой войны идея нация возобладали над идеей класса и стала базисной категорией российской коллективной идентичности. Нация стала пониматься как «супериндивид», действующий органический субъект прогресса, пожинатель его плодов и, одновременно, как мерило всех ценностей и благ (прежде всего – христианских). Подобные дискурсы придавали опреде-

ленность идее российского общества, пытавшегося превратить империю в современную нацию. Образ нации стал до такой степени общепризнанным, что допущение некоей естественной национальной определенности как своеобразного зондажа, задающего нормы, принималось даже тогда, когда критиковался национализм, только за XX век дважды разрушивший страну.

«Национализмом» же считали не подобное допущение, а нечто другое, отличное от модерна и характерное для традиционных обществ явление. Таким образом, проекты нации в этот период обязаны своим происхождением интеллектуальным ответам современников на изменения, происходившие внутри страны.

На этом этапе отечественной истории ключевым вопросом, также как и для западных исследователей, является вопрос о субъекте – агенте исторического развития, прогресса. Национальные же идеи в России XIX – *начала XX веков* таковым субъектом признавали «супериндивида» – класс или нацию, которые объявлялись носителями некоей единой определенности в пространстве истории. Если рабочий класс представлялся спасителем нации и движущей силой ее прогресса, то оба подхода (и национальный, и классовый) сливались. Такой круг представлений присутствовал даже у индивидуалистов. В свою очередь, социал-дарвинисты, говоря о «приспособленности» индивидов, интересовались ее следствиями именно для нации.

Для нашего исследования не последнюю роль играет анализ подхода, многие десятилетия безраздельно господствовавшего в советской научной литературе. Речь идет об историко-экономической теории «нации», основателем которой считается теоретик марксизма К. Каутский. Важно также заметить, что

в нашей стране официальным вплоть до начала 1960-х годов было традиционно-марксистское, но достаточно утрированное И. В. Сталиным понимание нации как «исторически сложившейся общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [37].

В результате данной установки «этнос» как категория исторического общественного знания был объявлен «классово чуждым термином, псевдонаучной категорией». Тем самым был обусловлен и исторически оправдан перевод уникального полиэтнического многообразия населения страны в моноэтническое образование – «советский народ». Результаты этой политики сегодня тяжело переживают большинство народов бывшего Советского Союза.

В рамках *формационного подхода* «нация» чаще всего понималась как тип этноса, характерный для развитого классового общества. «Этнические процессы» при этом зависели от стадии развития способа производства, поэтому *в качестве основных характеристик того или иного историко-культурного типа общества выступали не этнические, а стадийные социальные критерии*. Однако возможности данного подхода слишком ограничены, чтобы ответить на вопрос о границах понятий «этнос» и «нация». Поисками ответа на этот вопрос продиктован наш интерес к современным концепциям национального развития, особенно в России.

Во второй половине XX века в результате усиления внимания к этнической проблематике и ее теоретическим аспектам в отечественной науке оформилось еще два подхода в понимании сущности этнических процессов. Они отличаются, прежде всего, отношением к природному фактору этногенетических изменений, сущ-

ностная разница которых выявляется уже на уровне дефиниций.

Теория, близкая к социал-дарвинизму, в том числе и теория Л. Н. Гумилева, рассматривала «этнос» с позиции природного (биологического) и географического подходов и одновременно видела в нем носителя определенной культуры. Новизна данного подхода состоит в оценке истории человечества как цепи многочисленных «этногенезов». Можно вспомнить немало исторических фактов расцвета и заката многих народов, которые свидетельствуют в пользу данной теории, но ее недостатком, по мнению многочисленных критиков, является недооценка роли социального воздействия на этнические процессы, а также попытка свести их лишь к закономерностям природных объектов. «Этнос» понимается как преимущественно природный феномен, то есть явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях. «Этничность» (она же – «этническая идентичность») – условие самой себя. Она мыслится как нечто само собой разумеющееся и самодостаточное. Одновременно ее обусловленность социальными, экономическими, политическими обстоятельствами не берется в расчет, а рассматривается как вторичный фактор, как «внешняя детерминанта» процесса этногенеза, подчиняющегося глубинным «внутренним» закономерностям. История, по Н. Гумилеву, складывается из этногенезов – процессов, имеющих ярко выраженную циклическую природу, так что каждый этнос с естественно-научной непреложностью проходит последовательно стадии зарождения, развития, надлома и гибели. Таким образом, в данной концепции этногенеза на макроисторическом, по сути дела, уровне мы вновь возвращаемся к историософии типа К. Н. Леонтьева и О. Шпенглера.

Изучая фундаментальные основы этногенеза, современный российский исследователь А. И. Бочкарев, определяя нацию как «социально-этническую общность людей, отличающуюся от народности сложившимися устойчивыми социально-культурными и хозяйственными связями и развитием национального самосознания, сформировавшимися на основе единого национального языка, культуры, этнической психологии» [38], осуществляет математическое моделирование этнических процессов. Эти шаги позволяют выделить в качестве «одной из основных характеристик этноса» «пассионарную энергию (пассионарность), определяемую как избыток биохимической энергии живого вещества, подавляющий инстинкт самосохранения и определяющий способность к целенаправленным сверхнапряжениям... Результатом моделирования являются кривые, описывающие изменение “запаса” пассионарного гена в этносе и позволяющие проследить динамику этнической системы. А это, в свою очередь, дает возможность прогнозировать развитие мирового сообщества» [39]. В частности автор убежден, что «русский суперэтнос... действительно имеет огро́мый потенциал для своего развития в случае сохранения своей самобытности и пассионарности, потерять которые можно очень легко в современной ситуации активного распространения социальных и информационных технологий, часто “грязного” манипулирования» [40].

Среди подходов, позволивших развести понятия «этнос» и «нация», широко распространена теория, в рамках которой «нация» – это «сложносоставное социальное тело, вызванное к жизни совокупным действием всех социальных элементов общества» [41]. Эта теория (ее еще условно называют «дуалистической») соединяет два базовых момен-

та – собственно этнические свойства, характеристики (язык, самосознание, культура и т. п.) и условия формирования, этих бытия собственно этнических элементов.

Данная теория наиболее полно изложена в трудах Ю. В. Бромлея, с точки зрения которого, «этнос – это особый исторический тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей. Такая общность складывается как бы естественно-историческими путями: она не зависит непосредственно от воли входящих в нее людей, способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства» [42]. Следовательно, в узком значении «этнос» может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием. – Е. К.), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [43]. Отличительная особенность нации, с точки зрения исследователя, – это «относительная развитость средств массовой культурной информации, а также общелитературного языка» [44].

Трудно не согласиться и с точкой зрения Н. Г. Козина, убежденного, что «этнос» и «нацию» следует различать как понятия, отражающие этнокультурную реальность, но в разных аспектах. «Этнос – это предельно объективное, от воли и сознания человека не зависимое явление, прежде всего, вся совокупность его биологических особенностей, которые кодируются в генах и с помощью половых клеток передаются родителями от поколения к поколению. Человек уже рождается членом определенного

этноса, менее или более типичным его представителем, но таким, который абсолютно зависим от своих генов. Нация связана с этническими особенностями, но до конца не определяется ими, более того, человек вообще может быть абсолютно этнически, к примеру, не русским, но национально принадлежать именно к русским. И это не должно удивлять, так как этнос отражает собственно, этническую реальность, в то время как нация – культурную. Человек не рождается членом нации, он становится им прижизненно по мере того, как концентрирует в себе, в своем сознании национальную культуру и духовность. Последние выступают главным основанием и средством перехода этнического в национальное. И в этом процессе воля и сознание человека играют определяющую роль» [45].

Этот культурологический подход нашел свое развитие в теории нации А. В. Валькова. Следуя в основном в русле немарксистской русской социально-философской мысли, он отождествляет «народное» и «национальное» с позиции субстанционального единства. В этом ключе «нация» осмысливается «как исторический и цивилизационный продукт рационализации сущности народа (Н. А. Бердяев), как имя и обладающая своей качественной определенностью историческая форма – степень его родового существования, как принцип и правящая идея, господствующая над людьми на определенном этапе развития... общества» [46]. При этом автор исходит из того, что *единственный суций субъект нации – человек как носитель народного самосознания*. Однако не среднестатистический гражданин, не весь народ, не вся нация, а лишь ее наиболее активная, творческая часть, способная сознательно стать «прослойкой», буферной зоной, только благодаря которой возможен

диалог между слоями общества, между Востоком и Западом, личностью и государством и т. д.

И в силу этого культурологического подхода «нация, национальная форма – ступень существовавших народов, производна от духовных качествований составляющих ее людей». «Национальность», «этничность» в конкретном смысле (например, русский) – понятия, которые отражают лишь основное духовное своеобразие, качественную родовую определенность народов (так, «русский» сегодня – всякий, разделяющий идею Великой России). Сама же национальная форма предстает как наиболее целостная из интегративных социальных характеристик, социальных форм многостороннего человеческого общения, человеческой жизнедеятельности на определенном этапе саморазвития историко-культурного типа общества. Нация, таким образом, трактуется А. В. Вальковым как «многостороннее в своей целостности, достаточно автономное, связанное общностью духа и жизнедеятельности, равно масштабное обществу социальное образование (народ), находящееся на определенной (постэтнической) ступени своего развития» [47]. Следовательно, сегодня представители российской нации – это не этнокультурные носители – русские (как, допустим, японцы), поскольку мы постоянно догоняем Запад, но вряд ли когда-нибудь догоним в цивилизационном развитии, хотя порой оказываемся способными даже на опережение, но, прежде всего, в культурном и социальном развитии. Мы склонны выбрасывать тем самым себя из Истории, находя возможности сцепки с западной цивилизацией в развитии, например, техники и технологий.

Следуя логике автора, можно предположить, что в рамках предложенного этнолого-культурологического подхода,

для того, чтобы сформулировать ту или иную национальную идею, необходимо сначала уяснить, что есть идея нации вообще, то есть понять роль, место и смысл явления нации в целостности человеческого развития. В этом случае «национальность» характеризует основное родовое этнокультурное своеобразие «духа народа» (культурную отличительность), «национализм» же – «его доминирующую нравственную направленность, которая, как уже отмечалось, может быть либо истинной, либо ложной» [48]. Для дальнейшего нашего исследования эта мысль принципиальна.

Значительный интерес, с точки зрения объяснения взаимосвязи понятий «этнос» и «нация», в рамках данного подхода представляет концепция Ю. М. Бородая. По его мнению, «этнос» – «это только и исключительно естественная общность». Этническое единство основывается на самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах» [49].

Национальный же субстрат представляет собой не что иное, как просто развернутый культурный принцип, для которого главным является замена регуляции отношений между людьми посредством обычаев и традиций регуляцией посредством государственно-правовых норм. Следовательно, может быть государство без нации (цивилизации древности), но не может быть нации без государства. Именно в смысле понятия «нации» и «государства» близки. Поэтому, по мнению исследователя, «нация», в отличие от локальных, замкнутых этносов, «по природе полиэтнична, или точнее надэтнична», в этой связи она и нуждается в государственном и правовом оформлении.

Нация складывается не стихийно и не без элементов насилия, строясь по моделям и формам естественной этно-

культурной («соборной») общности. *Еще одним признаком нации, по мнению Ю. М. Бородая, является «наличие многослойной полифонической культуры, претендующей на мировую значимость»* (курсив мой. – Е. К.) [50].

Проблема интерпретации русской истории как истории русского национального *полиэтнического государства* (курсив – Е. К.) также нашла свое отражение в работе А. Каппелера «Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад». Так, по мнению автора, необходимо откорректировать русоцентристскую «оптику» и показать, что полиэтничность является неизменной константой, так что ни история России в целом, ни история российских регионов и народов не может быть исчерпывающе исследована и представлена без учета и понимания всего полиэтничного комплекса и взаимоотношения частей и целого» [51]. Исследователь также убежден, что «именно в то время, когда модель этнически единого и однородного национального государства переживает, можно сказать, свой ренессанс, необходимо напомнить о том, что в истории существование полиэтничных, многонациональных государств было всегда своего рода правилом, и положение сохраняет свою силу – во всяком случае за пределами Европы еще и ныне» [52]. Таким образом, в дальнейшем исследовании мы будем ссылаться на предложенный Каппелером подход, отличный от подхода, отстаивающего идеал этнически единого государства. Исследователь настаивает также на необходимости расширить представление об истории российского государства, которая «сплошь и рядом неправильно воспринимается и трактуется исключительно как русская национальная история». Об этом свидетельствует, например, отношение Запада в XX веке ко всем жителям

СССР как к «русским», и лишь распад «сверхдержавы» открыл международной общественности глаза на то, что Советский Союз был многонациональной державой. Еще П. А. Сорокин определял нацию «как солидарную, организованную, полузакрытую социально-культурную группу с многосторонними (многофункциональными) связями, которая, по крайней мере отчасти, сознает свое единство и существование... Нация – это социальная система, отличная от государства, а также от какого-либо этнического образования и от простых территориальных групп. Нация – это социальная организация с многосторонними связями, объединенная сращением государственных, этнических и территориальных связей» [53].

Таким образом, независимо от того, озабочены ли сторонники культурологического подхода обнаружением этнического субстрата нации, они представляют феномен национального самосознания не иначе как результат осознания нацией своей изначальной субъективности. Национальное самосознание рассматривается как приход всегда уже наличного субъекта к своему самосознанию. В свою очередь, «национальное государство», осмысливаемое в терминах «завершения» национального бытия, выступает как результат эволюции неких исконных (в том числе этнокультурных) связей.

Следовательно, можно предположить, что национальное единство как бы вырастает из этнических целостностей. При этом нам меньше всего хотелось бы выглядеть сторонниками «фикционализма», популярного в западной исследовательской традиции после публикации серии работ Э. Геллнера. Несмотря на то, что геллнеровский тезис о фиктивности «наций» неоднократно критиковался [54], положение его теории о том, что «не нации порождают национализмы, наоборот, национализмы –

нации» [53], на наш взгляд, заслуживает особого внимания в дальнейшем исследовании. Вопрос об онтологическом статусе такого сложного феномена как нация нельзя снять простым указанием на его «имагинативный» (точнее, символический) характер. Обсуждение этого вопроса, однако, слишком далеко увело бы за рамки настоящей работы. Ее же цель – показать связь риторики национального самосознания и современного российского субъекта, то есть связь определенного научного и политического дискурса, с конкретной социально-культурной практикой.

Наиболее известный сторонник понимания «нации» как «территориальной и гражданской общности» В. А. Тишков утверждает, что «национальная общность – это, прежде всего, общность национального самосознания ее членов, а не сама по себе групповая отличительность» [56]. Близка этой точке зрения и позиция Б. Г. Капустина, отмечающего, что «нация не может быть уподоблена организму», так как представляет собой явление «мира культурных символов, знаков, кодов, определенный и сложный их кластер» [57].

Формой концептуализации национального самосознания является национальная идея. В отдельную группу, как нам кажется, следует выделять труды, представляющие собой исследования «русской идеи» и составляющие подавляющую в количественном отношении часть публикаций по рассматриваемой проблеме. Определенный вклад в развитие представлений о природе национальной идеи вносят исследования, связанные с теоретической разработкой положений российской общенациональной идеи и опирающиеся на анализ национального самосознания и национальной идеи [58].

Однако наиболее важным для характеристики специфики, самобытнос-

ти «славянского суперэтноса», по мнению О. Савченко, является понятие «национальная идея» – это «...лишь часть национального самосознания народа, напоминающая поверхность айсберга, возвышающегося над океаном, в то время как его огромный массив скрыт под водой. Этот массив и есть вся совокупность национального самосознания. В него входят; «национальное чувство», привязанность к родной земле, верность «заветам предков». Всем народам на любой стадии развития свойственно чувство непринадлежности к другому этносу, своего рода «отталкивание» от него. Это этнографы называют «этническим самосознанием» [59]. Они справедливо указывают, что это чувство нередко у русских окрашено «этноцентризмом», который варьируется в своей интенсивности и, к тому же, меняется в ходе исторического развития. Однако у современных бесписьменных народов это чувство принадлежности к определенному этносу («этническая идентификация») обросло множеством мифов, сказаний, устных исторических преданий. Этническая идентификация приобрела сложный образно-художественный компонент. Позже в отечественной истории к нему прибавятся и книжно-понятийные представления, то есть собственно культурные составляющие.

Таким образом, и для западной, и для отечественной гуманитарной мысли характерно понимание «нации» преимущественно как собственно культурного духовного показателя уровня развития общества. Преимущество данного – собственно культурологического – подхода в том, что в его рамках характерный для премодерна конфликт сознания и культуры, наконец, может быть снят, поскольку главной задачей современной «российской национальной культуры» «станет не обеспечение жизни, не выполнение нормативных

функций и не забота о социальных гарантиях» (например, о праве собственности – принципиальной категории для проекта *modernity*), а «стимулирование роста сознания, включая те его уровни, в которых биологическая жизнь не заинтересована» [60].

В этой связи для современной «российской нации» как следующей за этнической и / или развивающейся параллельно с ней ступени исторической зрелости, как специфической самобытной культуры, объемлющей собой все многообразие духовных и социальных проявлений человеческой жизнедеятельности в масштабах полиэтнического гражданского общества, необходимо в качестве приоритетных решать наряду с политико-экономическими и антропологическими, духовные проблемы общества. В то же время «российской национальной культуре» необходимо стремиться войти в «сверхкультуру» современной цивилизации («информационной», «постиндустриальной»), не утратить достигнутых вершин Культуры с большой буквы.

И тем не менее в поисках перспектив национального развития новому субъекту культуры следует помнить: речь идет об объективной исторической ситуации, которая не определяется только волей «малых сознаний», в то время как ситуацию сознания в условиях нации определяет национальная власть в лице «национального государства», которая во многом задана старыми традиционными элементами культуры.

Также субъекту культуры необходимо предполагать технологическое освоение новых форм организации культурной жизни (точнее – «обновленных»), благодаря чему на основе единой «национальной идеи» национальное самосознание россиян конца XX – начала XXI вв. впервые получает возможность перейти от теоре-

тико-описательной фазы к обоснованной стратегии национально-культурного строительства и социально-гуманитарного проектирования.

Обобщая вышесказанное, в дальнейшем исследовании под «*национальным самосознанием россиян*» мы предлагаем понимать феномен, более активизированный, по-другому ориентированный во времени и пространстве, вид общественного сознания, в условиях которого впервые становится возможно появление нового «индивидуального, активно действующего, творческого субъекта культуры». Последний должен быть суверенной, самостоятельно мыслящей и самоосознающей личностью, благодаря которой национальное самосознание способно будет воспроизводиться не только в коллективной, но и в индивидуальной формах, органично друг с другом взаимосвязанных, утверждая законодательно в качестве эталонов потребности, интересы, стереотипы, обязательные для вхождения в элиту и определяющие политику государственного развития.

Так как постмодерн – это «мир культуры и духа, людей, причастных к вере и воображению, а не только к программированию, воспринимающих художественное искусство, а не только игровые технологии, признающих различие между добром и злом, который все больше устаревает, но, отступая, борется за выживание, стремится «устоять» [61], то именно этим задачам «миссианского», «цивилизационного» национализма, с точки зрения автора данного исследования, наиболее адекватно соответствует проект возрождения национального самосознания, предложенный С. В. Городниковым, во многом созвучный «принципу сохранения исторической судьбы в любых, предлагаемых историей обстоятельствах» [62]. В этой связи, на наш взгляд,

стоит отметить также, что за последние годы на интеллектуальную арену вновь вышли идеи «русского национализма», проблемам которого посвятили свои труды Дрейлинга А., Межуева В. М. и др. [63].

В современных российских условиях особую значимость приобретает мысль автора о том, что «*нация возникает как явление городской жизни, когда земледельческий государствообразующий народ в результате промышленного и торгового экономического развития массово отрывается от культуры деревни, урбанизируется, переживает революционную буржуазную реформацию сознания и политических отношений и для своего выживания и дальнейшего прогресса политически соорганизуется в городское сообщество с единым пониманием государственных интересов на базе рыночных отношений, собственности и политического самоуправления и начинает создавать соответствующую городскую культуру. Нация возникает, когда переходящий к городскому образу жизни государствообразующий этнос для своего общественного развития революционно порождает нормы и правила, законодательные права и обязанности, культуру социального поведения политической самоорганизации, оптимальный для организации экономического интереса, который обеспечивает основные материальные продукты для осуществления этого общественного развития в условиях становления рыночных отношений и форм собственности*» [64].

Данная концепция представляет особый интерес, поскольку предусматривает на путях выхода России из современного кризиса *необходимость осуществления последовательных шагов в следующий исторический этап в становлении социальной самоорганизации общества*. Поэтому «становле-

ние русского городского сообщества, политически возглавить и направлять который призван русский национализм, потребует от националистов изучения не только политических, но и культурно-исторических средств, которыми осуществлялось формирование общественного сознания самых дисциплинированных, самых организованных народов и наций... Вопрос стал о спасении России, ее государственности, то есть о переходе не просто в принципиально новое историческое качество государства и русского общества, а в особо организованное качество, и никакой иной подход не может разрешить связанные с этим проблемы» [65].

Особенно важно отметить, что при всей радикальности своих идей русский «цивилизационный национализм» готов включить в формирующуюся «русскую нацию» все те народы и народности, которые признают в качестве ценности основополагающее для своего будущего значение интересов вызревающей русской цивилизованности и ее основных духовных источников: византийской цивилизации, европейской буржуазно-промышленной цивилизации, готовы отстаивать эти ценности, бороться за их утверждение как принципов своей жизни и деятельности» [66]. Историко-культурная задача национального самосознания в этих условиях – выработка безжалостного отношения к варварству, презрение к нему в любых его проявлениях. Только так, по мнению С. В. Горюхиной, «мы сможем действительно встроиться в эволюционное цивилизационное развитие, то есть выжить, выбраться из глубочайшего мировоззренческого и социально-политического, экономического кризиса, в котором оказались из-за исторической по масштабу перестройки нашего мировосприятия, культурного, социально-психологического, морально-нравственного индиви-

дуального и общественного поведения. Только тогда создадим нацию, действительно способную решать любые доступные человечеству проблемы, создадим городскую общественную самоорганизацию действительно динамичную, действительно способную к высоким целям...» [67].

Одна из последних – разработка стратегического плана-проекта, позволяющего решать проблемы самоактуализации и самореализации субъекта национальной культуры. В условиях современной России реализация данного проекта представляется нам возможной, если воплощающим его в *жизнь субъектом национальной культуры станет представитель, динамичный в своем саморазвитии и побуждающий к самоорганизации массы*, не позволяя им становиться инертной неуправляемой силой. Ему должны быть свойственны такие жизненные интересы, которые побуждали бы его к динамичному саморазвитию и были нацелены на то, чтобы Россия стала сильной и независимой.

В этой связи *беспрецедентная задача современного этапа русского «культурного» (по Дж. Х. Биллингтону) национализма – освоение менее политизированного пути к возрождению национальной гордости*, заключающейся в устранении малейших возможностей политического насилия. Сегодня «*настоятельно требуется поиск качественно более надежных средств сублимиции*» национальных субъектов, связанных «с повышением удельного веса субъектной реальности в комплексе причинно-следственных зависимостей (курсив мой. – Е. К.)» [68].

Нельзя не отметить вклад в исследование заявленной проблематики на протяжении последних десятилетий представителей *семиотико-конструктивистского подхода*, для которых принципиальным фактором идентифика-

ции выделяет «потенциальное стремление индивидов к признанию *значимыми* Своими и *значимыми* Чужими. Именно от представителей референтных групп зависит формирование и поддержание соответствующей конвенциональной маркировки внутреннего поля сообществ и их границ... Нужно также учитывать, что потенциальные участники процесса идентификации опираются на различающиеся системы маркеров, классификационные схемы, информационные коды, что на практике приводит к конфликтам» [69].

В заключение важно подчеркнуть, что такие сложные социально-культурные организмы, как нации не могут быть сформированы исключительно под влиянием естественных сил и процессов, они не столько продукт стихийного развития, сколько результат идейных и культурных процессов, в том числе и процесса оформления национального самосознания как их субъекта. Поэтому вполне обоснованно на первый план в современных концепциях наций выдвигается «темп экзистенциально-исторического выбора народа», акцент делается на необходимость «систематического учета диалектического отношения между структурными ментальностями и человеческим делом конструирования реальности в истории» [70].

Также необходимо «всемерное восстановление былых достижений русской культуры, подразумевающей русско-тюркскую самобытность, основу которой составляет происхождение язычников дохристианской поры. Полное усвоение и прославление разнообразных творений русской культуры, созданных во втором тысячелетии за время существования писанной истории России, позволило бы так обогатить и расширить диапазон «русскости», что она стала бы крепким фундаментом открытой и плюралистической демократии» [71]. Так, благодаря

анализу возможных перспектив развития страны и субъектов национальной культуры в рамках «здорового» националистического проекта, становится очевидной необходимость рассмотрения специфики современной философско-исторической и социокультурной ситуации в российской культуре конца XX – начала XXI вв. в поисках объективных условий для его реализации.

Первостепенная задача культуры в этой ситуации – создание условий для развития этих интересов и для формирования типа-представителя широкого, открытого для самых дельных людей класса общественной элиты субъекта национальной культуры, сформированного и организованного этими интересами. Следовательно, становится необходимым разобраться в генезисе и даже противоборстве интересов нынешнего поколения россиян в условиях культурной ситуации постмодерна, что необходимо для дальнейшей их защиты и контроля над ними.

Итак, дальнейший историко-культурный анализ постмодернистских процессов, влияющих на формирование национального самосознания россиян, должен включать изучение как общего, так и его локально-специфического аспектов. При этом необходимо рассмотрение российской национальной культуры как сложного социального пространства, со своей своеобразной системой мировидения, в которой особым образом преломляются политические, социальные, экономические и общекультурные реалии окружающего мира. Также необходим анализ механизма межпоколенной трансмиссии, преемственности этнокультурной традиции, так как именно этнокультура занимает ведущее место в ряду национальных доминант, оказывающих влияние на оформление интересов и потребностей субъекта нации.

Примечания

1. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 249–250.
2. Миненко, Г. Н. Национальное возрождение: о субъекте и объекте исторического процесса // Исторические судьбы России: социокультурный подход. Тезисы докладов и выступлений. Региональный научный семинар. – Кемерово, 1991. – С. 52.
3. См. Эшпут, С. На службе российскому Левиафану. Исторические опыты. – М., 2000.
4. Зиммель, Г. Общение: пример чистой в формальной социологии // Социологические исследования. 1984. – № 2. – С. 12.
5. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика. – М., 2000. – С. 82.
6. Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 27–30.
7. Тойнби, А. Постижение истории // Антология исследований культуры: в 2 т. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 428.
8. Там же. – С. 429.
9. Козин, Н. Г. Бегство от России. – Саратов, 1996. – С. 11.
10. Межуев В. М. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 3–14.
11. Гегель Пропедевтика // Работы разных лет: в 3 т. – М., 1971. – Т. 2. – С. 75.
12. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 631.
13. Цит. по: История буржуазной социологии XIX–XX века. – М., 1979. – С. 25.
14. Цит. по: Колхаун, К. Национализм и противоречия модерна // Социология. РЖ. – 1999. – № 2. – С. 66.
15. Цит. по: Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1971. – Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII – первых двух третей XIX вв. – М., 1971. – С. 79.
16. Цит. по: Абдулатипов, Р. Человек. Нация. Общество. – М., 1991. – С. 101.
17. Ренан, Э. Собр. соч.: в 12 т. – Киев, 1992. – Т. 2. – С. 105.
18. Лебон, Г. Психологические законы и психология народов и масс. – СПб., 1995. – С. 13.
19. Цит. по: Козинг, А. Нации в истории и современности. – М., 1978. – С. 318.
20. Цит. по: Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1998. – С. 168.
21. Цит. по: Козинг, А. Указ. соч. – С. 318.
22. Цит. по: Токарев С. А. История зарубежной этнографии. – М., 1978. – С. 135–136.
23. См. работы: Л. Уайта по культурологии (сборник переводов). – М., 1996. – С. 92.
24. Там же. – С. 93.
25. Там же. – С. 107.
26. Быков А. А. О русофобии в постсоветском пространстве // Социологические исследования. – 2000. – № 4. – С. 128–130.
27. Пестель, П. И. Русская правда. – М., 1991. – С. 16.
28. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 111–112.
29. Там же. – С. 78.
30. Булгаков, С. Н. Размышления о национальности // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 436.
31. Соловьев, В. С. Россия глазами русского. – СПб., 1991. – С. 123.
32. Там же. – С. 45.
33. См.: Иорданский, В. Русские, какие мы? // Свободная мысль. – 1998. – № 2. – С. 51–56; Мельников, Л. Чудо «русского века»: Размышления о минувшем столетии // Свет (Природа и человек), 2000. – № 12. – С. 66–69; Поливаева, Н. П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: Состояние и некоторые тенденции развития // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 1997. – № 5. – С. 38–53.
34. Тадевосян, Э. Этнонация: миф или реальность? // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 61–63.
35. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – Минск, 1997.
36. Булгаков, С. Н. Споры о судьбах России. – Новосибирск, 1991. – С. 83.
37. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1953. – С. 7.
38. Бочкарев, А. И. Фундаментальные основы этногенеза. – М., 2008. – С. 423.

39. Там же. – С. 392–393.
40. Там же. – С. 393–394.
41. Бромлей Ю. В. Указ. соч. – С. 24.
42. Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987. – С. 11.
43. Там же. – С. 11.
44. Там же.
45. Козин, Н. Г. Бегство от России. – Саратов, 1996. – С. 20–21.
46. Вальков, А. В. Идея нации: социально-философское понимание: автореф. докт. дис. – Уфа, 2000. – С. 20.
47. Там же. – С. 26.
48. Там же. – С. 31.
49. Бородай, Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М., 1996. – С. 117.
50. Бородай Ю. М. Этнос – нация – государство // Политические исследования. 1992. – № 5.
51. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. – М., 2000. – С. 8.
52. Там же. – С. 9.
53. Сорокин, П. А. О русской нации: Россия и Америка. Теория национального вопроса. – Саранск, 1994. – С. 21–22.
54. Боговлянский, Д. Д. Этнический состав населения России // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 88–93.
55. Геллнер, Э. Нации и национализм. – М., 1991.
56. Тишков, В. А. Что есть Россия? // Вопросы философии. 1995. – № 3. – С. 10–11.
57. Капустин, Б. Г. Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 10–11.
58. См.: Баграмов, Э. А. Национальная идея и интернационализм. – Киев, 1991; Вдовин, А. И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. – М., 1995; Сагатовский, В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб., 1994 и др.
59. Савченко, С. Проблема национального самосознания в культурологических концепциях XIX века // Вопросы национальной политики. – Омск, 1989. – С. 9.
60. Штуден, Л. Л. Кризис сознания как феномен культуры: автореф. докт. дис. – Кемерово, 2002. – С. 26–28.
61. Кутырев, В. А. Культура и технология: борьба миров. – М., 2001. – С. 8–9.
62. Генисаретский, О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М., 2002. – С. 9.
63. См.: Дрейлинг, А. Политическая мифология радикального русского национализма // Международный институт гуманитарно-политологических исследований. Политический мониторинг. – № 11 (58). – С. 3–11; Межуев, В. М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. – № 12. – С. 3–4.
64. Генисаретский, О. И. Указ. соч. – С. 120.
65. Там же. – С. 121.
66. Там же. – С. 121.
67. Там же. – С. 122.
68. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М., 2001. – С. 202–203.
69. Тимофеев, М. Ю. Семiotико-конструктивистский анализ нации: Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып. 3 (23). – С. 296–307.
70. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С. 39.
71. Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Очерки истолкования истории русской культуры. – М., 2001. – С. 17.

ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИИ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Н. А. Дорошенко

Проблема общения стала привлекать внимание философов еще со времен Сократа, который считал жизнь вне диалогов, обсуждений и исследований бессмысленной и высоко ставил роль живого, непосредственного общения, его уникальность.

Создателем первой общей схемы процессов общения был Аристотель. В «Риторике» он писал, что для любого акта общения необходимы по крайней мере три элемента: а) лицо, которое говорит; б) речь, которую это лицо произносит; в) лицо, которое эту речь слушает. Потребность и необходимость в общении выводятся Аристотелем из факта обособленности индивидов.

Следующий этап в разработке проблемы общения связан с Т. Гоббсом, дополнившим представления Аристотеля о роли языка и «словесных» понятий как инструментов общения. У Т. Гоббса «реальностью» познания оказывается речь, составляющая, по его мнению, специфическую особенность человека.

Б. Спиноза, а затем французские материалисты XVIII века рассматривали общение как свойство человеческой природы. Спинозе принадлежит указание на специфичность общения у людей, в отличие от других живых существ

Развивая рационалистическую традицию Спинозы, французские материалисты подчеркивают главенствующую роль разума в согласовании вступающих во взаимное общение индивидов. К. Гельвеций и особенно П. Гольбах делают шаг вперед в объяснении общения как свойства человеческой природы, подчеркивая, что основой поведения человека выступает его интерес, поль-

за. Таким образом, французские материалисты и просветители XVIII века, несмотря на интересную разработку отдельных аспектов проблемы общения, сводили последнее к обмену мыслями и эмоциональными переживаниями, а само общение трактовали только лишь как личные взаимоотношения индивидов.

Немецкие философы рассматривали человеческое общение в категориях субъект-объектной связи (И. Г. Фихте). Общение они определяли как односторонний процесс (принцип монологичности). Ряд новых важных аспектов в решении вопроса о сущности общения внес Г. Гегель. Он впервые ставит вопрос о роли трудовой деятельности в процессе формирования у человека потребности в общении с другими людьми. Особое место в исследовании общения принадлежит философии Л. Фейербаха. Он отмечает, что самосознание индивидов, которое не существует вне общества, возникает в процессе общения этих индивидов с другими людьми. Основой феербаховского антропологизма не является ни общество как целостность, ни изолированное «Я». Первичная ячейка его человековедения – это «Я» и «Ты», индивидуальная связь между ними. У Л. Фейербаха общение является отношением между отдельными индивидами.

В XX столетии подверглись пересмотру концепции ученых XVIII–XIX веков. Философская традиция изучения общения становится еще более многообразной. В ней нашли применение идеи семиотики и герменевтики; кроме того, большое внимание проблеме человеческого общения было уделено

в рамках таких философских направлений, как экзистенциализм (А. Камю, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс), персонализм (Э. Мунье, Ф. Шлейермахер), диалогическая философия (М. Бубер, А. Гарнак, Ф. Гогартен, Э. Левинас, Г. Марсель, Ф. Розенцвейг) и другие.

В центре внимания экзистенциализма (А. Камю, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс) – внутренний мир человека; социальная жизнь представляется в виде продолжения и расширения этого внутреннего мира, и кризис личности понимается как кризис человеческого бытия вообще. Всякое понятие огрубляет действительность: оно не способно до конца выразить человека («не хватает слов»). В этом и состоит проблема человеческого одиночества: человек не может быть до конца понят другим человеком. Непосредственность существования человеком переживается, но поделиться с другим своим переживанием он не в состоянии. Люди принципиально одиноки, они обречены на взаимное непонимание, считает А. Камю. Общение людей скользит лишь по поверхности и не затрагивает глубины души.

Человек, считает К. Ясперс, не может быть самим собой, не вступая в общение, и не может вступать в общение, не будучи уединенным, не будучи «самостью». Таким образом, общение по К. Ясперсу, является универсальным условием человеческого бытия.

Диалогическая философия (М. Бубер, А. Гарнак, Ф. Гогартен, Э. Левинас, Г. Марсель, Ф. Розенцвейг) рассматривает понятие диалога. Представители диалогической философии утверждают, что первичным характером отношений является отношение Я – Ты. Они настаивают на том, что вне этого отношения человеческий индивид вообще не может сложиться в качестве «самости».

Онтологическое направление в герменевтике развивает М. Хайдеггер. Язык у него выступает как сущностное свойство человеческого бытия. Понимание возможно только в языке и при помощи языка. В нем отражается весь мир человеческого существования, и через него герменевтика у Хайдеггера выходит на уровень анализа человеческого бытия.

Второй этап связан с борьбой двух основополагающих тенденций: рационалистической и иррационалистической. Первая представлена различными концепциями технологического детерминизма (Г. М. Маклюэн, К. Шеннон), в особенности, теория «информационного общества» (Д. Белла, З. Бжезинского), а вторая – так называемой «понимающей социологией» (А. Шютц).

Усилиями Д. Белла, З. Бжезинского и других американских социологов к 1970-м годам сложилась концепция так называемого «информационного общества». Согласно этой концепции, интерпретация социальных явлений зависит от поставленных познавательных задач, в конечном счете, от технологии и знания. Стимулом и источником социального развития выступают средства информации, понимаемые в широком смысле как культура. Согласно теории «третьей волны» А. Тоффлера, информация становится одной из главных ценностей общества. Для коммуникации это означает качественно новый уровень переработки и распространения информации, создание коммуникативных систем, способных обеспечить обмен информацией.

До начала XX века термин «коммуникация» в философской науке не употреблялся, речь шла лишь об общении. Это объясняется тем, что коммуникация и общение близки по содержанию. Возникает проблема соотношения понятий «коммуникация» и «общение».

Общение – понятие, которое давно и прочно утвердилось в науке. И возникает вопрос, не обозначает ли термин «коммуникация» тот же круг явлений, что и понятие «общение». В результате определились следующие подходы к разрешению этой проблемы.

Первый подход состоит в отождествлении этих понятий. Его придерживаются многие отечественные психологи и философы – Л. С. Выготский, В. Н. Курбатов, А. А. Леонтьев и другие. Ю. Д. Прилюк на основании историко-лингвистических исследований исконных и современных значений этих терминов приходит к выводу, что этимологически и семантически термины «общение» и «коммуникация» тождественны. Аналогичных взглядов придерживаются Т. Парсонс и К. Черри. По мнению Т. Парсонса, коммуникацию можно рассматривать как общение, взаимодействие между людьми.

К. Черри отмечает, что коммуникация – «это, в сущности, социальное явление», «социальное общение» с использованием многочисленных систем связи, выработанных людьми, среди которых главными, «несомненно, являются человеческая речь и язык» [1].

Второй подход связан с разделением понятий «коммуникация» и «общение». Именно такую точку зрения высказывает М. С. Каган. Он считает, что коммуникация и общение различаются в двух главных отношениях. Во-первых, «общение имеет и практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер, тогда как коммуникация... является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений». Во-вторых, они различаются по характеру самой связи вступающих во взаимодействие систем. Коммуникация есть субъект-объектная связь, где субъект передает некую информацию (знания, идеи, деловые сооб-

щения, фактические сведения, указания и т. д.), а объект выступает в качестве пассивного получателя (приемника) информации, который должен всего-навсего ее принять, понять (правильно декодировать), хорошо усвоить и в соответствии с этим поступать. Коммуникация, таким образом, по мнению М. С. Кагана, является процессом однонаправленным: информация передается только в одну сторону, поэтому в принципе не имеет большого значения, является приемником человек, животное или техническое устройство (если можно заменить первого последним).

Общение, напротив, представляет собой субъект-субъектную связь, при которой «нет отправителя и получателя сообщений – есть собеседники, соучастники общего дела». В общении информация циркулирует между партнерами, поскольку они равно активны, следовательно, процесс общения, в отличие от коммуникации, носит двунаправленный характер. Коммуникация монологична, общение диалогично.

В рамках второго подхода А. В. Соколов утверждает, что общение – одна из форм коммуникационной деятельности. В основе выделения этих форм лежат целевые установки партнеров по коммуникации. Таким образом, возникают три варианта отношений участников коммуникации:

1) субъект-субъектное отношение в виде диалога равноправных партнеров. Такая форма коммуникации и есть общение;

2) субъект-объектное отношение, свойственное коммуникационной деятельности в форме управления, когда коммуникатор рассматривает реципиента как объект коммуникативного воздействия, средство достижения своих целей;

3) объект-субъектное отношение, свойственное коммуникационной деятельности в форме подражания, когда

реципиент целенаправленно выбирает коммуникатора в качестве образца для подражания, а последний при этом может даже не осознавать своего участия в коммуникационном акте.

Коммуникация выступает и источником информации, и средством ее передачи – это особый вид человеческой деятельности. Проблема коммуникации стала особенно актуальной в наши дни, когда рост количества и уровень качества связи динамично меняет веками действовавшую систему социальных отношений в обществе. Возникновение электронных средств информации и связи внесло изменения в отношения между людьми, между человеком и техникой.

Возникновение и широкое распространение электронных средств коммуникации в XX в. стимулировали исследовательский интерес к проблемам массовой коммуникации. Несмотря на многообразие подходов к изучению коммуникации, в науке так и не выработалось единого взгляда на коммуникативные процессы, посредством которых существует любой индивид, группа, общество, культура.

Коммуникация в самом общем смысле определяется и как система, в которой осуществляется взаимодействие, и как сам процесс взаимодействия, и как совокупность способов общения, позволяющих создавать и принимать разнообразную информацию. Важнейшим видом коммуникации является социальная коммуникация.

Назначение социальной коммуникации заключается в следующих ее функциях:

- информативной (передача, обмен социальной информацией, обмен и упорядочение информационных потоков в обществе);

- интегративной (обеспечение соединения различных видов человеческой деятельности в единый процесс, организация обмена деятельностью между людьми и их коллективами, реализация системы общественных отношений);

- социального наследования (обеспечение преемственности в развитии культуры, общественного производства, форм общественного сознания – включая передачу социального опыта);

- регулятивной (обеспечение процессов социализации и социального контроля, внедрение и поддержка социальных норм).

Тот факт, что социальная коммуникация представляет собой социальное взаимодействие, в основе которого лежит направленная передача информации, позволяет рассматривать ее в качестве информационного взаимодействия.

В отечественной социальной философии оригинальная концепция информационного взаимодействия была разработана В. З. Коганом, который не только описал место и роль информационного взаимодействия в социальных системах, но и дал подробный анализ его структуры на основе состояния информации и характера реализации субъектно-объектных отношений участников информационного процесса. Согласно этой концепции, информационное взаимодействие представляет собой специфический вид социального взаимодействия, возникающий в связи и по поводу производства, передачи и потребления информации субъектом и объектом коммуникации.

Таким образом, можно резюмировать, что в феноменах общения и коммуникации присутствуют как элементы общего, так и различного.

Примечания

1. Черри, К. Человек и информация. – М., 1972. – С. 23–24.

РЕКЛАМНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ
РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА К КИБЕРПРОСТРАНСТВУ

В. А. Куклина

Актуальность избранной темы исследования определяется увеличением роли рекламы и информационных процессов в жизни общества, центральным из которых является широкое внедрение и использование гипертекстовых систем и технологий в информационном пространстве современного общества. В эпоху информационно-коммуникационных технологий проблема существования текста становится актуальной. Возникает гипертекст как способ адаптации текста к киберпространству.

Идея гипертекста не является новой, однако широкое распространение гипертекстовые структуры приобрели с появлением компьютерных сетей. В настоящее время электронный гипертекст является преобладающей формой проявления гипертекстуальности.

Гипертекст – это текстовое образование, организованное по-особому. М. Визель выделяет следующие свойства гипертекста:

- дисперсность структуры (информация представлена в виде отдельных блоков, небольших фрагментов-гнезд, связанных между собой и «войти» в эту структуру можно с любого звена);

- нелинейность гипертекста (читатель сам выбирает путь чтения, комбинирует фрагменты информации, создавая при этом свой собственный текст);

- разнородность и мультимедийность (применение всех средств воздействия на потребителя-читателя, какие только возможны технически в данной системе: звука, анимации и т. д.) [1].

Несмотря на широкое применение гипертекстовых технологий, в настоя-

щее время отсутствует целостная концепция гипертекста. Одной из форм проявления гипертекста, на наш взгляд, является рекламный гипертекст.

Рекламные тексты, которые прочно заняли свое место в традиционных средствах массовой информации, адаптируются к киберпространству и получают новые характеристики, а потребители – новые возможности.

Крупные торговые фирмы ищут новые рынки сбыта своей продукции, попытки и способы завоевания клиента реализуются в сети Интернет с помощью создания рекламных сайтов. Реклама в сети Интернет является доступной, удобной, простой и эффективной. Она имеет огромную зону охвата аудитории. Это особенно эффективно для компаний и фирм, предприятий и организаций, не заинтересованных в ограничении зоны реализации своей продукции или услуг определенным населенным пунктом.

Как известно, Интернет практически не имеет границ ни в пространстве, ни во времени. Информация доступна 24 часа в сутки, одновременно сотням и тысячам заинтересованных в ней людей, независимо от того, находятся ли они в соседнем доме или в отдаленном регионе, в России или зарубежом. Потенциальный клиент, обнаруживший рекламу, отправляет запрос по заинтересовавшей его информации и может получить ответ в следующую минуту по электронной почте.

Оформление рекламных текстов в Интернете обусловлено особенностями компьютерных технологий и отличается высокой степенью организации материала, тщательно выстроенными межтексто-

выми связями. Компьютерные технологии информационного поиска позволяют двигаться в разных направлениях, когда, взяв за отправную точку интересующий предмет, пользователь может определить диапазон текстов, в которых представлена информация о товаре.

Само понятие «рекламный гипертекст» четко не определено, и собственно рекламный гипертекст в лингвистическом и культурологическом аспектах описан недостаточно подробно.

Материалом для настоящей статьи послужил сайт фирмы «Тефаль» в двух версиях: на русском и французском языках. Теоретическая гипотеза исследования сводится к тому, что рекламный сайт является частным случаем проявления гипертекста, обладает характеристиками и свойствами гипертекста, гомогенного вербального текста и рекламной коммуникации. Соответственно цель работы заключается в исследовании рекламного сайта как репрезентативной структуры рекламного гипертекста.

Фирма «Тефаль» разработала собственный всеобъемлющий стиль, и в рекламном гипертексте он четко прослеживается. Фирменный стиль включает в себя использование логотипа, слогана в качестве опознавательного средства на всех рекламных текстах, цветной фотографии товара, цвета и шрифта.

Полагая частным случаем рекламного гипертекста рекламный сайт, мы сделали попытку сформулировать определение рекламного гипертекста. Рекламный гипертекст – это нелинейный текст, оснащенный гипертекстовыми ссылками, допускающий множественность путей чтения, «растворяющий» жесткую фиксированность текста, имеющий следующие основные характеристики: 1) дисперсность структуры, 2) нелинейность, 3) разнородность и мультимедийность, 4) анонимность, 5) направленность на массовую ано-

нимную аудиторию, 6) предназначение – презентация товаров, услуг, идей.

Рекламный гипертекст обладает такими категориями текстуальности, как связность, целостность и интертекстуальность. Для гипертекста характерен особый вид их реализации – аппарат электронных гиперссылок. Целостность рекламного гипертекста задается установкой адресанта, единой тематической направленностью, раскрываемой вербальными, иконическими, мультимедийными и другими паралингвистическими средствами. Рекламный гипертекст состоит из множества рекламных текстов, представляющих информацию для потребителей: коммерческую, познавательную и игровую. Рекламная коммуникация предстает сложным гипертекстовым образованием, в котором вербальные, иконические, мультимедийные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата. Роль вербальных, иконических, мультимедийных средств в реализации замысла является однозначной. В рекламном гипертексте используется равноценная иллюстрация, определенная часть информации передается иконическими и мультимедийными средствами. Иллюстрация не доминирует над текстом, но вместе с ним играет ведущую роль в раскрытии темы. Мультимедийные средства позволяют передать видеоряд, продемонстрировать товар.

Связность рекламного гипертекста проявляется в согласовании, тесном взаимодействии вербального, иконического, мультимедийного компонентов. Она обнаруживается на разных уровнях: содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном. Связность вербального, иконического, мультимедийного компонентов обна-

руживает себя в семантических связях, существующих между ними. Они представлены двумя основными типами.

1. Между вербальными, иконическими и мультимедийными знаками существует прямая денотативная соотношенность: знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы.

2. Между вербальными, иконическими, мультимедийными знаками существует опосредованная денотативная соотношенность, при которой вербальный код обладает повышенной коннотативностью.

Использование рекламных видеороликов или флеш-анимации рассматривается нами как проявление *разнородности и мультимедийности*. Первая страница сайта представлена демонстрационной панелью, логотипом и слоганом фирмы: «Тефаль», без твоих идей не обойтись». Демонстрируется рекламный видеоролик или флеш-анимация.

Видеоролик состоит из следующих элементов:

- название товара;
- товар, окружение товара;
- подпись к каждому кадру.

Демонстрация длится несколько секунд (2–3). За этот короткий промежуток времени товар можно хорошо рассмотреть, увидеть с разных ракурсов. Демонстрация сопровождается короткими подписями. Приведем в качестве примера описание ролика, рекламирующего гриль FIT’N CLEAN.

Вербальная часть представлена короткими подписями и слоганом, несущим рекламную идею о товаре.

Кадр 1 /Здоровая пища/

Кадр 2 /33 способа приготовления различных блюд/

Кадр 4 /Сверхлегкая чистка/

Кадр 5 /Первый гриль для приготовления мяса, который легко разбирается и моется/

Иконический комплекс представлен серией изображений. Основным фоном является гриль, а рядом на блюде аппетитное жареное мясо. Меняющееся изображение появляется в круге, как в объективе камеры.

Кадр 1 /Представлен гриль, в центр которого поместили сладкие перцы желтого, красного, зеленого цветов. Рядом стоит готовое блюдо – кусочки аппетитного жареного мяса/

Кадр 2 /Изображение практически повторяется за исключением того, что вместо сладких перцев мы видим раскрытый гриль, на котором лежат готовые пирожки/

Кадр 3 /Изображение повторяется, только теперь мы видим гриль, раскрытый иным способом, представляющий двухъярусную решетку, жаровню с мясом/

Кадр 4 /На фоне гриля появляется разобранный чистый гриль в деталях/

Кадр 5 /Гриль отлично виден. На фоне блюда с вкусно приготовленным мясом появляется слоган для гриля FIT’N CLEAN. Числительное 1 заключено в круг белого цвета/.

В семантике изображения Р. Барт по аналогии со словом выделяет денотативные и коннотативные значения. Иконический комплекс, по мнению автора, содержит два рода означающих: означающие, означаемыми которых являются реальные предметы, и означающие, означаемыми которых являются идеи, образы, эвфористические ценности и т. д. [2].

Таким образом, иконический комплекс представлен серией кадров, рекламирующих гриль FIT’N CLEAN фирмы «Тефаль» с подписью под каждым кадром: /изображение/ + /вербальный компонент/. Он содержит означающее, означаемым которого является реальный предмет, а именно гриль. Информация этого типа является денотативной, бук-

вальной, ее понимание не представляет для адресата трудности и основывается на его знаниях.

Между вербальной и изобразительной частями устанавливаются отношения взаимодополнения. Изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Тем не менее, вербальный комментарий описывает изображение, не дублируя его информацию, а, скорее, расширяя его смысл. Вербальный комментарий выполняет наряду с изображением первичную, основную функцию.

Кадры ролика гриль FIT'N CLEAN фирмы «Тефаль» содержит два типа корреляции по таблице корреляций, предложенной Л. Барденом [3].

1. Изобр. д + Словод (кадры 1, 2, 3, 5).

Изображение и вербальный комментарий выражают денотативную информацию. Этот тип корреляции свойственен информационному сообщению.

2. Изобр. д + Словок (кадр 4).

Изображение выражает денотативную информацию, вербальный комментарий передает коннотативную информацию. Этот тип корреляции характерен для иллюстративного сообщения.

В первом и втором типе корреляции изображение доминирует над словом. С. Д. Заурбир описывает корреляции между изображением и вербальной частью в зависимости от их референтной соотнесенности [4].

В первом типе мы отмечаем параллельную корреляцию. Содержание кадров (1, 2, 3, 4, 5) и вербальной части полностью совпадают.

Комбинации цветов, используемые создателями сайта, гармоничны. Они способствуют объединению всех компонентов каждого кадра ролика в одно визуальное целое, четкости его композиции, придают положительную экспрессию информации, создают оптимистич-

ный фон. Использование естественных цветов продуктов и посуды (жареных кусочков мяса, сладкого перца, тарелок высококачественного фарфора) делает ролик заметным для читателя. Красный цвет в качестве фона для подписи облегчает ее оптическое восприятие. Рекламный видеоролик оказывает воздействие на эстетические чувства адресата.

Свойство *дисперсности рекламного гипертекста* реализуется через аппарат электронных гиперссылок. Рекламные гипертексты оснащены ссылками, которые позволяют потребителю «выбирать» информацию, спускаясь на уровень ниже или поднимаясь на один уровень выше. Потребитель имеет возможность получить полные сведения о товаре, заказать его, получить покупку, не выходя из дома.

Основным средством реализации связей, т. е. соединением компонентов гипертекста друг с другом в рекламном гипертексте, является, с нашей точки зрения, *референция*. В рекламном гипертексте референция приобретает иные качества. Меняются средства ее выражения, ее направленность и ее объект. Референция реализуется в виде гиперссылок, выражая связь со смежным узлом текста. Гиперссылки в исходном тексте выполняют функцию проспекции, называя виртуальный объект – информацию, содержащуюся в смежном узле. Таким образом, ссылка в исходном тексте выражает связь со смежным текстом. Если построить график зависимости смежных рекламных текстов от базового текста, то эти смежные тексты могут оказаться как справа, так и слева от него, что в традиционном смысле будет соответствовать как после-, так и предтексту.

Дополнительным средством реализации референции является ее экспликация с помощью графики – подчеркивания и цветового выделения.

Референтивная ссылка представляет собой заголовок рекламного текста в смежном узле. Заголовок рекламного текста, к которому направляет указанная ссылка, полностью повторяет ее. Использование проспективного ссылочного аппарата обеспечивает высокий уровень связности поверхностной структуры рекламного гипертекста.

Колонки ссылок находятся слева, справа, внизу, в центре, сопровождая любую страницу сайта. Левая колонка гиперссылок состоит из 10 ссылок. При нажатии любой ссылки открываются дополнительные ссылки. Ссылка раскладывается на составляющие как матрешка. Количество дополнительных ссылок варьируется. Дополнительные ссылки оформлены с помощью стрелок и подписей к ним. Под демонстрационной панелью находятся 6 гиперссылок. Информация представлена в виде небольших фрагментов-гнезд. «Войти»/«попасть» на любой раздел можно с любого звена, т. е. читатель сам выбирает свой путь чтения или поиска информации. Речь идет о *дисперсности*, что является одним из основных свойств рекламного гипертекста и отличает его от гомогенного вербального текста. Продукция, рекламируемая на сайте, имеет свой зрительный образ, т. е. читатель может ее видеть на фотографии и видеороликах. Иконические и мультимедийные компоненты реалистично представляют товар, его форму, мельчайшие детали, передают краски и оттенки товара, подчеркивая его привлекательность. Создатели сайта дают возможность получить полную информацию по любой категории продукции одним нажатием клавиши мыши.

Рекламный гипертекст обладает нелинейной разветвленной структурой, цельность и связность которой обеспечивается развитым аппаратом внутритекстовых ссылок. Ведущая роль в этом аппарате принадлежит проспективной референции.

Рекламный гипертекст имеет узлы, обладающие апеллятивной функцией (предложения купить, отправить другу, напечатать и т. п.), эти узлы мы рассматриваем как автосемантические части, входящие в состав одной системы. Ссылки, предполагающие смену коммуникативной функции гипертекста, имеют императивный характер. Можно говорить о полифункциональности рекламного гипертекста, где преобладает информативная функция в сочетании с апеллятивной и контактной.

Таким образом, центральную роль в реализации категории связности и интертекстуальности играют гиперссылки. Под интертекстуальностью мы понимаем соотнесенность текста с другими текстами. Для гипертекстовых сетей именно такое понимание интертекстуальности является важным системообразующим критерием, поскольку таким образом реализуется главный замысел создателей рекламных гипертекстов – соединить множество рекламных текстов, предложений, объявлений в одну гигантскую сеть.

Прослеживаются определенные закономерности в оформлении страниц, которые представим в виде модели размещения вербальных, иконических, мультимедийных и других паралингвистических средств на примере рекламного гипертекста «Посуда» с минимальным вербальным наполнением.

1-я строка: Гиперссылки: /«Горячие новости», «Продукция», «Где купить», «Журнал Tefal», «O Tefal», «Сервис»/.

2-я строка: Гиперссылка-указатель Вашего местонахождения: /«TEFAL/ Полный ассортимент /Посуда»/

3-я строка: Заголовок рекламного гипертекста «Посуда»: /Tefal предложит подходящую посуду настоящим гурманам, заботливым мамам или просто начинающим/

1-я позиция по центру: /Иконический компонент + вербальный компонент + мультимедийный компонент/

- фотография товара + подпись;
- фотография товара + слоган товара;
- фотография товара + заголовок + подпись.

/Скороварки/ Формы для выпечки /Кухонные аксессуары/ Посуда с антипригарным покрытием + слоган «Термоспот – определение оптимальной температуры для готовки!» /Sesame – посуда для быстрого приготовления пищи/

2-я позиция, справа: /мультимедийный компонент + вербальный компонент + паралингвистические средства/

Мультимедийный компонент: колонка ссылок с быстрым поиском:

/Как выбрать; Сравнить; Обратит внимание; Вопросы-Ответы; Советы; Словарь; Рецепты; Советы и рецепты от Tefal/

3-я позиция, слева: /Иконический компонент + вербальный компонент/

Иконический компонент представлен фотографией семьи, занимающейся приготовлением пищи. Иллюстрация выполняет функцию красной строки. Имеется вербальное наполнение: размещены логотип фирмы «Тефаль» и эхофраза «К вашим услугам».

4-я позиция: /мультимедийный компонент/

Внизу страницы располагаются гиперссылки: /«Наши координаты», «Подпишитесь», «Правовая информация», «Карта сайта», «Tefal International»/.

Расположение вербальных, иконических и мультимедийных компонентов строго фиксировано и характерно для других страниц, рекламирующих один или несколько товаров. Необходимо отметить использование паралингвистических средств: цвета, шрифта, отчеркивающих линий, обрамлений в форме геометрических фигур. Рекламный

гипертекст «Посуда» с минимальным вербальным наполнением содержит два иконических комплекса [5].

Иконический комплекс № 1 представлен серией фотографий, рекламирующих посуду «Тефаль». Он содержит означающие, означаемыми которых являются реальные предметы, а именно посуда (скороварки, формы для выпечки, кухонные аксессуары). Информация этого типа является денотативной, буквальной.

Между вербальным и иконическим компонентами устанавливаются отношения взаимодополнения. Изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Вербальный комментарий описывает изображение, дублируя информацию, то есть ему отводится вторичная, дополнительная функция.

Иконический комплекс № 2 содержит фотографию счастливой молодой пары, занимающейся приготовлением пищи. Фотография усечена с обеих сторон, тем не менее, сюжет более чем понятен – это молодая семья. Можно видеть только половину лица женщины и часть лица мужчины. Информация второго иконического комплекса коннотативна, основывается на ассоциативной связи, содержит концепт «семья» в самом положительном смысле. Ее понимание предполагает наличие у адресата знания социальных связей, национальной специфики. Второй иконический комплекс содержит означающее, означаемым которого является идея, образ. Смысл идеи, образа состоит в том, что приготовление обеда с посудой «Тефаль» является удовольствием, приносит радость. Фирма «Тефаль» создает свою продукцию для семьи. Информация, посылаемая вторым иконическим комплексом коннотативна. Адресат проведет связь между иконическим комплексом № 1 и 2 и собственными потребностями.

Страница «Посуда» содержит два типа корреляции по таблице корреляций, предложенной Л. Барденом [6].

1. Изобр. д + Словод

Изображение и вербальный комментарий выражают денотативную информацию. Этот тип корреляции свойственен информационному сообщению.

2. Изобр. к + Словод

Изображение выражает коннотативную информацию, вербальный комментарий – денотативную информацию. Этот тип корреляции характерен для комментирующего сообщения.

В первом типе корреляции изображение доминирует над словом. Во втором типе ведущая роль принадлежит слову. С. Д. Зауэрбир описывает корреляции между изображением и вербальной частью в зависимости от их референтной соотнесенности [7].

В первом типе мы отмечаем параллельную корреляцию. Содержание фотографии и вербальной части полностью совпадают. Во втором типе существует интерпретативная корреляция. Между содержанием вербальной и иконической частей нет прямых точек соприкосновения, и эта связь устанавливается на ассоциативной основе. Визуальный образ фирмы «Tefal» выражается в основных концептуальных константах: семья, слоган, логотип, цвет и шрифт.

Рекламный гипертекст с минимальным вербальным наполнением является поликодовым сообщением. Модель включает вербальные, иконические, мультимедийные компоненты и другие паралингвистические сред-

ства. Не допускается многовариантность толкования. Расположение вербальных, иконических и мультимедийных компонентов строго фиксировано. Используются паралингвистические средства: правильно подобранные цвет и шрифт, правильно используемые пробелы, маркеры, подчеркивающие линии. Вербальный текст минимален, присутствует в виде подписей, слоганов и заголовков. Наличие колонки ссылок, гиперссылок дает возможность получить дополнительную информацию о товаре или перейти на другой уровень, т. е. к другому рекламному гипертексту. Наличие фотографии и видеоролика придает информации денотативный характер.

Итак, в рекламном гипертексте категории связности, целостности и интертекстуальности реализуются с помощью ссылочного аппарата. Специфика рекламного гипертекста проявляется в особенностях функционирования указанных средств. В рекламном гипертексте используется референция, которая отсылает к виртуальным объектам. Смысловая связность, как и целостность, обеспечивается единой тематической направленностью всего гипертекста.

Рекламный гипертекст является семиотически осложненным, нелинейным образованием, в котором вербальные, иконические, мультимедийные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое, функциональное и концептуальное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата.

Примечания

1. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litera.ru/slova/viesel/viesel.htm>
2. Barthes, R. *Rhetorique de l'image* // *Communications*. – Paris. 1964. – № 4.
3. Bardin, L. *Le texte et l'image* // *Communication et langages*. – Paris, 1975. – № 26.
4. Sauerbier, S. D. *Wörter bildlich/Bilder wörtlich. Schrift und Bild als Text: Probleme der Wort/Bild – Korrelation* // *Die Einheit der semiotischen Dimensionen*. – Tübingen, 1978.
5. Barthes, R. **Указ. соч.**
6. Bardin, L. **Указ. соч.**
7. Sauerbier, S. D. **Указ. соч.**

**МЕХАНИЗМЫ КРИЗИСА РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

А. Г. Кошкарлов

Вместе со сменой политических, социальных и экономических предпочтений меняется культура. Подвергаются изменению модели человеческого общения. Язык, жесты, увлечения и весь спектр ментальной среды социальной коммуникации меняется. Не обходят стороной подобные трансформации и религиозную сферу общественной жизнедеятельности.

Для нас особый интерес в этом плане представляет картина и динамика ментальных изменений духовенства и мирян на Юге Западной Сибири во второй половине XX века, так как этот регион, индустриально «прорастая», стал фактически ядром индустриальной Сибири.

Условием сохранения целостности веры для православных христиан является консерватизм, и на этом основании во многих церковных сообществах живет заблуждение о том, что от начала существования церкви в ней ничего не меняется. Такого рода постановка вопроса была бы вполне уместна, если бы разговор шел об основных догматах православной церкви, которые имеют свое отражение в православном Символе веры (обязательным исповеданием для любого православного христианина). Но помимо догматов в церкви существуют теологумены (частные богословские мнения), каноны, социальная жизнь и общественная, такие реалии,

как богослужебный язык, календарь и т. д. Отсюда следует, что в церкви есть области изменяемые и неизменяемые. Неизменяемые – это те, что связаны с догматами, которые находят свое выражение, прежде всего, в экзезеологическом, сотереологическом, эсхатологическом и иерархическом измерениях. Изменяемые – те, что связаны с каноническими, экономическими, социальными и общественными сторонами церковной жизни.

Естественно, практическим изменениям подверглись и продолжают подвергаться отдельные канонические правила церкви. Знаменитый алтайский проповедник Лапкин И. Т. подсчитывал, что в современной церкви из 719 канонических определений не исполняется 413 [1]. В церковной среде такие замечания чаще всего объясняются с позиций «теории и практики». «Анахронические» канонические определения не убираются из церковного обихода, а тихо игнорируются представителями почти всех слоев церковной общественности. Делается это так: находятся более ранние относительно что-либо запрещающего канона или более удобные, «размытые» определения авторитетных церковных авторов и выдаются в качестве непререкаемой истины. Такое действие с церковно-канонической стороны приемлемо, но не безусловно, а имеет место быть как временная мера.

Но мы знаем, что «построенное на время – оставляют стоять веками». За примерами далеко ходить не надо: «обливательное» крещение вместо полного погружения. Для того чтобы обосновать каноническую приемлемость «обливательного» крещения можно обратиться к древнейшим текстам «Дидахе». «Что же касается крещения, крестите так: наперед провозгласив все это, крестите в живой воде во имя Отца и Сына и Святого Духа. Если же нет живой воды, крестите в другой воде; если не можешь в холодной, то в теплой. А если нет ни той, ни другой, возлей воду на голову трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа. А перед крещением крестящийся и крещаемый должны поститься, также и некоторые, если могут. Крещаемому же вели поститься за день или за два» [2].

По канонам в дьякона можно рукополагать не раньше 25-летнего возраста соискателя духовного сана, а в иерея – в 30 лет. После смены политического режима в XX веке в России архиереи Русской православной церкви начали производить рукоположения, с канонической точки зрения, нелегитимные. 16–18-тилетние юноши рукополагаемы были в дьяконы и иереи. Примеров и свидетельств тому много. С церковной точки зрения, для основ веры эти нарушения не разрушительны, а созидательны, так как, по объяснениям религиозных деятелей, любая пустота (естественно, и духовная) стремится к заполнению. Многие помнят стремительную атаку на российское общество перестроечного времени разнообразных деноминаций и сект, многие из которых имели тоталитарно-деструктивный характер.

Увеличение количества приходов, возглавляемых священниками, создавали своего рода «буфер-накопитель», где народ не прямолинейно летел под колеса к «неопознанными» религиозным движениям и течениями, а имел возможность прийти в себя от неожиданного духовного аффекта. К тому же, хоть и нельзя говорить об идеальной духовно и интеллектуально качественной церковной конъюнктуре того времени, но общины были, и при них создавались библиотеки, и находились воцерковленные прихожане, способные обосновать свою веру и научить ей других. В условиях духовного голода находилось место, где, взяв time out, можно было переждать и оценить свое место и место духовной среды в быстро изменяющемся мире.

Осознавая всю сложность ситуации, подобные канонические нарушения не рассматривались доминирующей церковной общественностью как что-то нецелесообразное, а, скорее, воспринимались как полезное и необходимое действие. Поэтому вопрос о канонической легитимности таких действий не ставился. Принимая во внимание вышесказанное, необходимо отметить, что, во-первых, есть в церкви области исключительного и крайнего консерватизма – это вопросы, связанные с представлениями о Боге и месте человека. И, во-вторых, есть территория «умеренного либерализма» – это аспекты, касающиеся представлений о человеке в церкви и обществе и трансляции христианского мировоззрения участникам этого общества и обратного движения, от светского к церковному. Необходимо также отметить особенность того, как входящие в ограду церкви традиции,

рожденные в индустриальных институтах или, точнее, мирской среде, приживаются и бытийствуют в церковных общинах. Как положительные, так и отрицательные проявления индустриальных и традиционных (доиндустриальных) обычаев и практик, войдя в церковную жизнь, обратно «выйти» не стремятся, а потому остаются в церкви и стараются адаптироваться в ней, при этом вытесняя традиционные христианские обычаи и практики. Секуляризация становится доминантой в приходской жизни, определяющей ритм и уклад существования прихода. Эти тенденции хорошо проглядываются в отчетах и протоколах церковных собраний и многочисленных государственных архивных документах. Благодаря этим документам становится очевидным, что на уровне трудового устава, трудовой дисциплины и т. д. произошел мировоззренческий надлом в сторону государственных трудовых производственных моделей. Или церковно-административный аппарат встал на мирские рельсы.

Те же собрания, выговоры, лишение премиальных и дополнительных зарплат нарушителям трудовой дисциплины и многое другое. В такой системе нет места пастырству как наиглавнейшему составляющему элементу церковно-общинной жизни. «Самое название священника – пастырь, отец духовный, заимствованы из области житейской практики: пастырь-пастух, отец духовный – отец семейства» [3]. Отличительные «черты дара священства: пастырю дается благодатная, сострадательная любовь к пастве, обуславливающая собой способность переживать в себе скорбь борьбы и радость о нравственном

совершенствовании своих пасомых, способность чревоболеть о них, как ап. Павел или Иоанн. Такое свойство пастырского духа и выражает самую сущность пастырского служения» [4]. В представлении члена церковной общины пастырство это – «не ремесло, не техника, не руководство, не властвование, а именно ласковое, жертвенное служение» [5]. Действительно, трудно представить апостолов Петра или Павла, лишаящих своих «соратников во Христе» премии или берущих «объяснительную» за опоздание на богослужение, или, еще лучше, объявляющих какому-нибудь ученику «строгий выговор» с «занесением в личное дело». Проблема такого подхода заключается в том, что сами церковные люди со времен ее евангельского основания обозначили общину как «народ святой», людей, «взятых в удел». Сначала курс был взят на социальную инаковость или обобщенность. Церковный человек не может даже спорные вопросы, возникшие в его общине с его имуществом, разбирать в «мирском» суде, разве что с благословения священноначалия. Потому, что он «не от мира сего».

Важным представляется содержание трудовой ментальности представителей сибирского индустриализма, так как выходцы именно этой среды становятся и являются прихожанами и работниками разнообразных храмов и деноминаций. От такой трансляции культуры индустриального общества в церковную культуру церковь, конечно, не выигрывает. Этот процесс можно назвать еще как церковное обмирщение. Однако нам могут возразить, что для церкви свойственным является адаптация в чужеродной сре-

де. Например, на «зарю» христианства даже языческие обычаи, связанные с празднованием тех или иных языческих праздников находили свое новое осмысление в христианском обществе (Масленица, Иван купала и т. д.). Или проповедь православия, например, святителя Николая Касаткина в Японии. Там он изучил японский язык, фольклор, выраженный в религиозно-философских доминантах этой культуры, после чего «отправлялся на проповедь, используя для них «родные» и привычные стереотипы и терминологию. И ничего дурного для церкви здесь не было, наоборот, церковная палитра духовных переживаний становилась ярче и богаче.

В индустриальном обществе все заметнее становится поступательное движение в обратную сторону – не христианство адаптируется под индустриальное общество, а индустриальное общество с «индустриальным размахом» подминает под себя ментальную составляющую церковных общин. Понимая определенную угрозу со стороны индустриального общества, может, даже не отдавая себе определенного отчета – откуда происходит эта угроза, некоторые церковные люди предпочли создание своего рода гетто.

Такой курс, например, взяла община процитированного выше И. Т. Лапкина, который героическими усилиями восстановил в Алтайском крае в Мамонтовском районе деревню своих предков – Потеряевку (в ней действовал отредактированный им лично церковный устав) и провозгласил, что его община полностью соответствует нормам внутренней жизни и церковной дисциплины – церковным кано-

нам. На территории деревни нельзя курить, сквернословить, вести аморальный образ жизни. Существование прихода или деревни проходит по принципам христианской коммуны. На территории деревни-заповедника господствует традиционный уклад жизни. Благодаря этому отчасти решается проблема трансляции индустриальных ценностей в христианскую среду, но и появляется масса проблем, связанных, прежде всего, с адаптацией следующих поколений в быстро изменяющемся мире.

Есть и другие примеры. Например, бывший клирик Самарской епархии – благочинный Похвистневского округа *архимандрит Константин (Воробьев)*, организовавший отъезд почти всего прихода в Красноярскую тайгу и там обосновавшийся в ожидании «конца света». Или печально известные «Пензенские сидельцы». Для перечисленных групп гетто – это выход из религиозного кризиса в рамках индустриальной культуры.

Относительно оценки приведенных групп следует отметить, что, пытаясь таким образом «выйти из мира», они неизбежно отделяются и от церковной общности, что не может не тревожить представителей этих христианских общин. Но, на наш взгляд, очевидным является и тот факт, что в условиях динамично развивающегося общества, телекоммуникаций и вообще плодов постиндустриальной культуры, такие гетто в конечном счете будут раздавлены развивающимся миром. Ведь, вполне возможно, что индустриальное или постиндустриальное общество, рассматривающие себя как система будет пытаться намеренно уничтожить такого рода приход, так

как «гетто» может являться и воспринимается системой как антисистема.

В заключение следует отметить, что, рассматривая механизмы кризиса религиозной культуры в контексте индустриального общества, необходимо обратить внимание на то, что в церкви есть области изменяемые и неизменяемые, места крайнего консерватизма и умеренного «либерализма». Можно заметить, что эти факторы способствует процессу трансляции христианского мировоззрения к учас-

тникам индустриального общества и в обратную сторону – от светского к религиозному. А это в церковной жизни ведет к обмирщению или секуляризации. И основная проблема этой тенденции заключается в том, что как положительные, так и отрицательные проявления индустриальных практик, войдя в «церковную ограду», адаптируются в ней, вытесняя традиционные христианские обычаи и практики, способствуя дегуманизации общества.

Примечания

1. Балашов, Николай, священник, Судников Нафанаил, иеромонах. Для слова Божия нет уз. Православный христианин в тюрьме и на свободе. – Барнаул, 2002. – С. 250.
2. Антология. Ранние отцы церкви. – Брюссель, 1988. – С. 20.
3. Храповицкий, Антоний, митрополит. Пастырское богословие. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. – М., 1994. – С. 13.
4. Храповицкий, Антоний, митрополит. Пастырское богословие. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. – М., 1994. – С. 18.
5. Блум, Антоний, митрополит. Пастырство. – Таганрог, 2005. – С. 16.

Образование, культура, история

СИТУАЦИЯ НА РЫНКАХ ТРУДА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУЗБАССА

Ю. В. Клецов

Согласно Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу, одобренной на заседании Минрегионразвития России 19.12.2006 и на заседании Коллегии Администрации Кемеровской области 15.03.2007 (далее – Стратегия), главной целью политики, проводимой областными властями, является повышение конкурентоспособности региона и рост на этой основе благосостояния его жителей. Для достижения указанной цели, подчеркивается в документе, необходимо обеспечить ускоренную диверсификацию отраслей региональной экономики, прежде всего, ее базового сектора (как в направлении глубины переработки добываемого сырья, так и путем включения в него новых направлений и видов экономической деятельности). В связи с этим Стратегия ориентирует на реализацию комплекса масштабных программ и проектов, в том числе направленных на:

- развитие сырьевой базы;
- повышение глубины переработки добываемого сырья, его комплексное и эффективное использование;
- наращивание потребления производимой в области продукции на традиционных рынках и поддержку выхода ее производителей на новые рынки;

– снятие инфраструктурных ограничений для развития базового сектора экономики;

– обеспечение технологического подъема в некорпоративном секторе экономики (включая развитие специализированного машиностроения);

– совершенствование системы подготовки кадров, устранение диспропорций в развитии областных рынков труда и образовательных услуг;

– развитие инновационных центров и городской среды в «ядрах» агломеративных систем региона – Кемерово и Новокузнецке.

В Стратегии отмечается, что в ходе ее реализации могут возрасти существующие и возникнуть новые риски.

Риски, связанные с освоением ранее привлеченных инвестиций и реализацией уже анонсированных проектов, генерализируются в период до 2010 г., что обусловлено дальнейшей консолидацией активов в угольной отрасли, металлургии и химической промышленности, а также началом основного этапа реформирования энергетической и транспортной систем. Примерно в это же время развернутся процессы технологической модернизации в базовом секторе региональной экономики, что приведет к незначительному в целом сокращению численности промышленно-производственного персонала, кото-

рое будет сопровождаться высвобождением работников со старыми квалификациями и ростом потребности в кадрах с новыми квалификациями.

В более отдаленной перспективе (начиная с 2010–2011 гг.) будет динамично расти объем неудовлетворенного спроса на рабочую силу вследствие устойчивого сокращения ее предложения, обусловленного крайне неблагоприятной динамикой демографических процессов. Кроме того, в этот период генерализуются следующие риски, повышающие вероятность затяжного структурного кризиса на областном рынке труда:

– риск резкого сокращения количества рабочих мест в базовом секторе региональной экономики вследствие общего циклического ухудшения рыночной конъюнктуры или обострения конкурентной борьбы между крупнейшими мировыми экспортёрами угля и стали;

– риск утраты эффективности региональной системой профессионального образования, до сих пор ориентированной не столько на запросы рынка труда, требования работодателей и приоритеты развития области, сколько на собственные (ведомственные) интересы, возможности бюджета, личные потребности граждан и уровень платежеспособности населения.

Таким образом, согласно Стратегии, основные риски для устойчивого функционирования и развития экономики Кузбасса связаны с влиянием изменений в экономике и демографического фактора на занятость, а также с растущим влиянием ситуации на рынке труда и состоянии региональной системы профессионального образования на экономику. Нейтрализация или, по меньшей мере, снижение указанных рисков – необходимое условие достижения стратегических ориентиров развития региона.

В Кемеровской области (как и в стране в целом) сложилась непростая ситуация на рынке труда и в сфере занятости. Исходная проблемная ситуация определяется противоречием между ростом потребностей развивающейся экономики в квалифицированной рабочей силе и сокращением трудовых ресурсов, вызванным масштабным «демографическим сжатием» региона и изменением возрастной структуры его населения. Данное противоречие оборачивается усилением несбалансированности спроса и предложения на областном рынке труда, ростом дефицита рабочей силы, расширением масштабов неформальной, неполной и неэффективной занятости, снижением кадрового потенциала экономики Кузбасса.

Реструктуризация экономики, ускоренная модернизация материальных активов, рост инвестиций и повышение потребительского спроса способствуют дальнейшему увеличению объемов производства и, как следствие, – росту потребности работодателей в рабочей силе. Указанные процессы будут сопровождаться развитием инновационных направлений и видов экономической деятельности, расширением и углублением производственной специализации региона, сокращением неэффективных рабочих мест, возникновением новых профессий и специальностей, высвобождением работников со старыми квалификациями и ростом потребности в работниках с новыми квалификациями. В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает задача обеспечения модернизируемых и вновь создаваемых рабочих мест квалифицированными кадрами.

Одним из основных факторов, существенно затрудняющих решение указанной выше задачи, является крайне неблагоприятная динамика демографических процессов. Специалисты органа

Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области прогнозируют дальнейшее устойчивое сокращение численности постоянного населения Кузбасса. Согласно подготовленному ими прогнозу, к концу 2015 г. на уменьшится почти на 170 тыс. человек, а к концу 2025 г. – еще на 130 тыс. человек. При этом численность лиц трудоспособного возраста уже в ближайшие годы начнет сокращаться быстрее, чем общая численность населения (в результате его естественной убыли). Как следствие, будет (и в прошлом году уже начала) уменьшаться численность экономически активного населения.

Таким образом, три отмеченные выше основные негативные тенденции, налагаясь друг на друга, образуют единый, динамичный демографический процесс, что неизбежно влечет за собой устойчивое сокращение трудовых ресурсов и практически исключает возможность дальнейшего роста среднегодовой численности занятых в экономике, который отмечается с 2000 г. При этом особое беспокойство вызывает устойчивая тенденция к уменьшению разницы между долями экономически активного населения и занятых в экономике в общей численности населения – с 5 % в 2000–2001 гг. до 3 % в прошлом году, что свидетельствует о практическом исчерпании возможностей экстенсивного роста рынка труда и неизбежном значительном сокращении предложения рабочей силы.

Главным индикатором конъюнктуры на рынке труда является уровень экономической активности населения, занятости и безработицы. За последнее десятилетие численность экономически активного населения существенно не изменилась, тогда как его доля в общей численности населения области возросла с 48 до 51 %. За тот же период численность занятых в экономике увеличи-

лась более чем на 7 %, а численность безработных сократилась почти вдвое, что способствовало существенному улучшению соотношения занятых и безработных – с 6:1 до 12:1.

В силу высокого уровня урбанизации региона основная часть регистрируемого рынка труда формируется городским населением. Наиболее высокий (7–10 % от общей численности трудоспособного населения) уровень безработицы, носящей застойный характер, сохраняется в 5 муниципальных районах из 19. В остальных районах и области в целом отмечается устойчивая тенденция к уменьшению объема нереализованного предложения рабочей силы лицами, зарегистрированными в органах государственной службы занятости в качестве безработных.

Средняя продолжительность поиска работы лицами, зарегистрированными в органах государственной службы занятости в качестве безработных, за последние пять лет сократилась в 1,5 раза. Однако уровень трудоустройства указанных лиц остается невысоким (не более 40 %).

Заметно изменился состав зарегистрированных безработных. За последние пять лет доля в их общей численности высвобожденных работников сократилась с 19,5 до 14,7 %; доля лиц в возрасте от 18 до 29 лет возросла с 28 до 34 %, а доля выпускников учреждений общего и профессионального образования – с 6,2 до 7,9 %. В связи с этим заслуживает внимания, что сегодня более 60 % безработных – лица в возрасте до 40 лет, средний возраст которых на 4 года ниже среднего возраста занятых в экономике.

Весьма неустойчивым остается соотношение спроса на рабочую силу и ее предложения: так, в последние годы нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию колеба-

лась в пределах от 1,6 до 3,9 человек. Это, как и сказанное выше, свидетельствует о сложности и противоречивости общей ситуации, сложившейся на областном рынке труда.

Среднегодовая численность занятых в экономике за период с 2001 г. существенно не изменилась и составляет около 1320 тыс. человек. Наибольшая часть работников занята в промышленности (до 30 %), торговле и сфере непромышленного обслуживания населения (19,5 %), а также на предприятиях транспорта и связи (9,1 %). Почти 68 % занятых в экономике работают на крупных и средних предприятиях.

В регионе на сегодня сложилось следующее распределение общей среднесписочной численности работников (без учета работников сельского и лесного хозяйства, а также работников сферы коммунальных, социальных и персональных услуг): руководители – 8,8 %; специалисты – 24,1 %; другие служащие – 3,7 %; рабочие – 63,4 %.

В базовом (корпоративном) секторе экономики Кузбасса трудятся около 257 тыс. человек, что составляет почти 20 % от общей численности занятого населения. В секторе сложилось следующее распределение численности работников по видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых – 48,5 %; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий – 21,5 %; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 21,1 %; химическое производство – 6,9 %; производство кокса и нефтепродуктов – 2,0 %. Среднесписочная численность работников распределяется по категориям персонала следующим образом: руководители – 10,4 %; специалисты – 9,7 %; другие служащие – 1,1 %; рабочие – 78,8 %.

В некорпоративном секторе заняты около 180 тыс. человек, что составля-

ет почти 14 % от общей численности занятого населения. Здесь сложилось следующее распределение численности работников по видам экономической деятельности: сельское и лесное хозяйство – 32,5 %; производство пищевых продуктов – 19,1 %; производство машин и оборудования – 15,5 %; текстильное и швейное производство – 5,7 %; обработка древесины и производство изделий из дерева – 4,5 %; другие виды – 22,7 %. Среднесписочная численность работников (без учета работников сельского и лесного хозяйства) распределяется по категориям персонала следующим образом: руководители – 8,4 %; специалисты – 10,7 %; другие служащие – 4,1 %; рабочие – 76,8 %.

В третичном секторе занято работников вдвое больше, чем в обоих указанных выше секторах вместе взятых – около 868 тыс. человек, что составляет почти 66 % от общей численности занятого населения. Здесь сложилось следующее распределение численности работников по видам экономической деятельности: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 23,9 %; транспорт и связь – 13,6 %; строительство – 9,1 %; предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг – 5,7 %; другие виды – 47,7 %. Среднесписочная численность работников (без учета работников сферы коммунальных, социальных и персональных услуг) распределяется по категориям персонала следующим образом: руководители – 8,6 %; специалисты – 12,7 %; другие служащие – 2,3 %; рабочие – 76,3 %.

В Кузбассе отмечается позитивная в целом динамика движения работников: если в 2003 г. численность выбывших работников превысила численность принятых на работу почти на 18,5 тыс. человек, то в 2007 г. эта

разница сократилась вдвое. Более чем в 1,5 раза сократилась численность работников, высвобожденных с угледобывающих предприятий, что связано, прежде всего, с завершением реструктуризации и улучшением общей ситуации в угольной отрасли. В то же время указанная динамика остается весьма неустойчивой: в течение последних десяти лет отношение численности принятых на работу к численности выбывших работников колебалось в пределах от 87 до 101 %. Еще более существенно – в некоторых случаях разительно – отличаются значения данного показателя по отраслям (секторам) экономики и видам экономической деятельности.

За период с 2001 г. численность занятых в базовом секторе региональной экономики по пяти основным видам экономической деятельности сократилась почти на 20 тыс. человек, или на 6,2 %. Сокращение отмечено по двум видам: металлургическое производство и производство готовых металлических изделий – на 25,4 тыс. человек (–31,5 %); химическое производство – на 3,8 тыс. человек (–17,8 %). Увеличение численности работников зафиксировано по трем видам: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – на 4,5 тыс. человек (+3,4 %); производство кокса и нефтепродуктов – почти на 3 тыс. человек (в 2,2 раза); производство и распределение электроэнергии, газа и воды – на 2,2 тыс. человек (+2,9 %).

За указанный выше период численность занятых в некорпоративном секторе по пяти основным видам экономической деятельности сократилась почти на 24 тыс. человек, или на 14,7 %. Сокращение отмечено по трем видам: производство машин и оборудования – на 15,1 тыс. человек (–35,0 %); сельское и лесное хозяйство – на 14,2 тыс. чело-

век (–19,6 %); текстильное и швейное производство – почти на 3 тыс. человек (–22,0 %). Увеличение численности работников зафиксировано по двум видам: производство пищевых продуктов – на 5,7 тыс. человек (+20,0 %); обработка древесины и производство изделий из дерева – на 2,6 тыс. человек (+48,1 %).

За тот же период численность занятых в третичном секторе по четырём основным видам экономической деятельности увеличилась почти на 76 тыс. человек, или на 20,0 %. Увеличение отмечено по всем четырём видам: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – более чем на 50 тыс. человек (+31,8 %); предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг – на 14,6 тыс. человек (+41,5 %); транспорт и связь – почти на 9 тыс. человек (+8,0 %); строительство – более чем на 2 тыс. человек (+2,9 %).

Таким образом, небольшой (на 75 тыс. человек, или на 6 %) рост общей численности занятого населения в Кузбассе обеспечивался в последние годы положительной динамикой третичного сектора. Лидерами здесь были и, как уже ясно, останутся в ближайшем будущем торговля, общественное питание и сфера обслуживания. Согласно прогнозу специалистов областного департамента потребительского рынка и предпринимательства, для замещения вакантных и вновь создаваемых здесь рабочих мест в ближайшие два года понадобятся дополнительно не менее 15 тыс. человек, а в последующий период (по 2015 год включительно) – от 5 до 6,5 тыс. человек ежегодно.

Наилучшее отношение численности принятых на работу к численности выбывших работников по основным

видам экономической деятельности отмечается в третичном секторе – 106 %. Гораздо более низкие показатели демонстрируют базовый и некорпоративный секторы – 79 и 74 % соответственно. Лучший показатель в базовом секторе – по металлургическому производству и производству готовых металлических изделий (95 %); «аутсайдеры» здесь – производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство (62 и 65 % соответственно). В некорпоративном секторе лидируют производство пищевых продуктов, сельское и лесное хозяйство (93 и 88 % соответственно); на последнем месте – текстильное и швейное производство (32 %).

Устойчиво растет объем спроса на рабочую силу: потребность в рабочих, заявленная работодателями в органы государственной службы занятости в 2007 году, возросла по сравнению с 2000 годом в 1,7 раза и составила 187,3 тысяч рабочих мест. 81 % от общего количества заявленных работодателями вакансий составляют места рабочих (в 2000 году – 76,2 %). Более половины вакансий заявлено промышленными предприятиями, строительными организациями, организациями торговли и общественного питания (20,4 %, 15 % и 14,5 % соответственно).

В целом динамика занятости в течение последних лет характеризовалась устойчивой тенденцией к увеличению количества вакантных рабочих мест в абсолютном большинстве отраслей и секторов экономики, что свидетельствует о росте неудовлетворенного спроса на рабочую силу, одна из главных причин которого – непривлекательность значительной части рабочих мест для основной массы экономически активного населения (главным образом, из-за низкой оплаты и неблагоприятных условий труда).

Сохраняющаяся в большинстве отраслей некорпоративного сектора экономики система оплаты труда не способствует развитию наиболее перспективных и значимых для региона видов экономической деятельности. Если в отраслевом разрезе соотношение размеров среднемесячной заработной платы работников корпоративного, некорпоративного и третичного секторов описывается соотношением 1,0:0,5:0,6, то в разрезе основных видов экономической деятельности – 1,0:0,4:0,7. Не менее (а в отдельных случаях – даже более) проигрывает уровень оплаты труда в указанных выше отраслях в сопоставлении со средними заработками в сфере неформальной занятости. Показательно, что предприятия и организации этих отраслей испытывают наиболее острый «кадровый голод».

В условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, трудятся более 40 % всех занятых в экономике; около 4 % занятых работают на оборудовании, не отвечающем требованиям промышленной безопасности и охраны труда. Более 20 % работников заняты тяжелым физическим трудом. Очевидно, что без глубокой технико-технологической модернизации производства и улучшения условий труда удерживать персонал на таких рабочих местах будет все труднее, а привлекать новых (тем более, молодых) работников – вряд ли возможно.

Одним из признаков неблагоприятной ситуации в сфере занятости является прогрессирующее старение квалифицированных кадров, прежде всего, промышленно-производственного персонала. Так, «молодежная» (в возрасте до 30 лет) группа рабочих промышленных предприятий Кузбасса сегодня составляет немногим более 26 % от

общей численности их персонала. При этом по своей численности она почти в два раза уступает «предпенсионной» (50–60 лет и старше) группе. С учетом этого обстоятельства можно прогнозировать выбытие по достижению пенсионного возраста уже в ближайшие годы не менее 20 % занятых в промышленности рабочих.

Все более заметное негативное влияние на ситуацию в сфере занятости оказывают диспропорции в развитии региональных рынков труда и образовательных услуг. В условиях острого дефицита рабочих кадров указанные диспропорции оборачиваются практикой необоснованного замещения соответствующих вакансий лицами с высшим и средним профессиональным образованием, которая постепенно приобретает массовый характер. С учетом того, что в структуре среднемесячных затрат организаций на рабочую силу расходы на обучение и переобучение персонала занимают последнее место (от 0,1 до 0,7 %), эта тенденция вызывает серьезное беспокойство.

Растет неформальная занятость: количество рабочих мест здесь составляет более 26 % от общей численности занятых в экономике и в 1,8 раза превышает количество вакансий, заявленных работодателями в органы государственной службы занятости. Так, по группе «обрабатывающие производства» общее количество рабочих мест неформальной занятости составляет около 27 % от общей численности занятых в соответствующих отраслях (в том числе в лесопромышленном комплексе – 65 %, текстильном и швейном производстве – более 62 %). В торговле и непромышленном обслуживании населения этот показатель достигает 55 %; в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг – 32 %; в строительстве – 25 %.

В связи со сказанным выше на первый план выдвигается задача перехода от политики экстенсивной занятости к политике эффективной, или «продуктивной» занятости путем включения в планы работы отраслевых департаментов, планы развития предприятий и территорий комплекса мер по реструктуризации рабочих мест. Для этого необходимо, прежде всего, сформировать систему экономических стимулов и правовых гарантий, обеспечивающих заинтересованное, активное участие работодателей в осуществлении такой политики. При этом следует предусмотреть создание механизма налогообложения, аналогичного установленному во многих странах «налогу на квалификацию», который бы стимулировал работодателей увеличить расходы на работу с персоналом (включая подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров), как минимум, до 1,5–2 % от фонда оплаты труда.

Проведенный анализ показывает, что обеспечить хотя бы простое воспроизводство постоянного населения в обозримом будущем не удастся: численность умерших будет значительно превышать численность родившихся, а достигнутый уровень смертности – снижаться медленнее, чем расти уровень рождаемости и средняя продолжительность жизни. Численность лиц трудоспособного возраста будет сокращаться быстрее, чем общая численность населения вследствие его естественной убыли. Миграционный прирост не сможет компенсировать связанные с этим потери в той мере, в какой это необходимо для решения стоящих перед областью задач. Таким образом, в долгосрочной перспективе человеческие ресурсы региона будут сокращаться, а персонал организаций и население в целом – стареть, что ведет к росту дефи-

цита рабочей силы темпами, опережающими структурные изменения в экономике, а также к увеличению нагрузки на бюджеты всех уровней в части расходов на здравоохранение и социальное обеспечение. Кроме того, возрастает риск опережающего роста стоимости рабочей силы по отношению к росту производительности труда.

В условиях обострения проблемы обеспечения экономики Кузбасса трудовыми ресурсами возникает необходимость поэтапного технологического переоснащения отраслей экономики, планомерного перераспределения трудовых ресурсов и системной трансформации структуры занятости, а также ускоренного роста на этой основе производительности труда. Наиболее перспективными в указанном плане являются отрасли корпоративного сектора, машиностроение, транспорт, строительство, торговля и сфера услуг.

Решение указанной выше проблемы требует принятия комплекса мер по совершенствованию системы подготовки квалифицированных кадров в регионе. В связи с этим следует подчеркнуть, что ситуация на рынке труда и состояние системы профессионального образования становятся одними из основных, решающих факторов конкурентоспособности области в долгосрочной перспективе.

Все более заметное негативное влияние на ситуацию в сфере занятости оказывают диспропорции в развитии региональной системы профессионального образования. Структура подготовки квалифицированных кадров в учреждениях профессионального образования продолжает изменяться в сторону увеличения численности студентов вузов и уменьшения численности учащихся профессиональных училищ и лицеев. Принимая во внимание дан-

ные государственного статистического наблюдения, а также прогнозируемые показатели среднегодовой численности занятых в экономике Кузбасса на период до 2015 г., подготовленные специалистами Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского госуниверситета [1], можно сделать вывод о том, что сохраняющиеся диспропорции на областных рынках труда и образовательных услуг станут в долгосрочной перспективе одним из самых существенных рисков для устойчивости социально-экономического развития региона. В связи с этим, а также с учетом всего сказанного выше следует констатировать, что в ближайшие 15–20 лет основным инструментом регулирования на этих рынках может и должна стать региональная система профессионального образования. Для этого необходимо, прежде всего, привести структуру и качество подготовки квалифицированных кадров в учреждениях профессионального образования Кузбасса в соответствие с актуальными и перспективными потребностями экономики региона.

В Кемеровской области сложилась развитая сеть учреждений профессионального образования, включающая:

– 66 образовательных учреждений начального профессионального образования (далее – ОУ НПО), 11 из которых находятся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний Минюста России;

– 51 образовательное учреждение среднего профессионального образования (далее – ОУ СПО) с 2 филиалами, а также 4 структурных подразделения вузов, реализующих образовательные программы СПО;

– 10 созданных на территории области государственных учреждений высшего профессионального образования и 1 аккредитованный негосударс-

твенный вуз с 16 филиалами, а также 33 филиала, расположенных за пределами области государственных и аккредитованных негосударственных вузов.

За последние десять лет численность обучающихся в учреждениях профессионального образования Кузбасса увеличилась почти в 1,4 раза (со 142,5 до 193,8 тыс. человек), а их доля в численности трудоспособного населения возросла с 8 до 10,7 %. Отмеченный рост был обусловлен более чем двукратным увеличением численности студентов вузов и на 16,5 % – численности студентов ОУ СПО, тогда как численность учащихся ОУ НПО сократилась почти на треть. В общей численности обучающихся в системе профессионального образования доля студентов вузов составляет более 55 %, студентов ОУ СПО – около 28 %, учащихся ОУ НПО – менее 17 %.

За тот же период выпуск учреждениями профессионального образования квалифицированных рабочих и специалистов увеличился с 40,5 до 43,3 тыс. человек (главным образом, за счет выпускников вузов, численность которых возросла вдвое), тогда как прием на обучение сократился с 51,2 до 50,3 тыс. человек (в результате сокращения более чем в два раза приема в ОУ НПО). При этом в общей численности принятых на обучение доля поступивших в вузы увеличилась в 1,8 раза (с 24,8 до 45,5 %), поступивших в ОУ СПО – возросла незначительно (с 31,6 до 33,6 %), поступивших в ОУ НПО – уменьшилась в 2,1 раза (с 43,6 до 20,9 %).

В структуре выпуска доля специалистов с высшим профессиональным образованием (ВПО) составляет 40 %, специалистов с СПО – 34 %, квалифицированных рабочих и служащих с НПО – 26 %. В то же время, в общей численности занятых доля специалис-

тов высшего уровня квалификации составляет 13,5 %, специалистов среднего уровня квалификации – 14,3 %, а квалифицированных рабочих – 36,3 %. Таким образом, структура выпуска кадров с ВПО, СПО и НПО описывается соотношением 1,0:0,8:0,6, тогда как распределение численности занятых в экономике по указанным категориям – соотношением 1,0:1,1:2,7.

Приведенные выше данные свидетельствуют о неравномерном развитии на протяжении последних лет профессиональной школы Кузбасса, которое характеризовалось ускоренной «массовизацией» высшего и «демассовизацией» начального профессионального образования. В связи с этим следует признать, что формирование регионального рынка образовательных услуг происходило стихийно и сопровождалось обострением противоречия между повышенным спросом населения на узкий круг наиболее «престижных» специальностей профессионального образования – прежде всего, высшего – и запросами рынка труда. Как следствие, возникла опасность утраты региональной системой профессионального образования эффективности в результате дальнейшего «сжатия» подсистемы НПО и нарастания дисфункциональных изменений в подсистеме СПО.

За последнее десятилетие региональная подсистема НПО в значительной мере утратила свой былой потенциал. Количество ОУ НПО в Кузбассе сократилось в 1,4 раза (с 92 до 66), а выпуск из них квалифицированных рабочих и служащих – более чем в 2 раза (с 19,3 до 9,3 тыс. человек). Структура подготовки в них квалифицированных рабочих и служащих, в целом, до сих пор не сбалансирована с запросами рынка труда; по-прежнему оставляют желать лучшего качество

подготовки и уровень квалификации большинства выпускников.

За тот же период количество ОУ СПО сократилось на 12 % (с 58 до 51), тогда как выпуск из них специалистов возрос более на 13,3 % (с 12,8 до 14,5 тыс. человек). В то же время, обозначились негативные тенденции, ведущие к превращению СПО в проходную ступень для получения ВПО, а также к его коммерциализации и «гуманитаризации». Так, доля лиц, обучающихся в ОУ СПО Кузбасса за счет собственных средств, уже превысила 45 %. При этом в некоторых индустриальных («технических») ОУ СПО до 1/3 от общего количества открытых в них специальностей, по которым ведется подготовка, сегодня составляют специальности социально-гуманитарного профиля – главным образом, экономические, юридические и «сервисные».

Риск утраты эффективности региональной системой профессионального образования еще более возрастает в условиях неблагоприятной демографической ситуации. Согласно прогнозу, подготовленному специалистами Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского госуниверситета [2], с 2010 г. начнет постепенно, но устойчиво сокращаться выпуск специалистов вузами и ОУ СПО (в подсистеме НПО этот процесс начался в 2000 году). При этом сохранится наметившаяся в 2004–2005 гг. тенденция к сокращению приема в них на обучение (в подсистеме НПО эта тенденция наблюдается с 1999 г.). В результате в 2015 г. прием на обучение в ОУ ВПО, СПО и НПО Кузбасса, как прогнозируется, составит около 30 тыс. человек, а выпуск ими квалифицированных кадров – немногим более 28 тыс. человек (то есть сократятся почти в 1,7 и более чем в 1,5 раза по сравнению с приемом и выпуском

в 2007 г. соответственно). При этом структура выпуска значительно ухудшится: соотношение численности выпускников с ВПО, СПО и НПО составит 1,0:0,6:0,4 против 1,0:0,8:0,6 в 2007 г.

Реализуемые ОУ НПО и ОУ СПО основные профессиональные образовательные программы не обеспечивают надлежащего охвата наиболее востребованных на областном рынке труда профессий (специальностей) и основных, наиболее значимых для региона видов экономической деятельности. Так, охват по профессиям НПО составляет 29,1 % (94 профессии из 323), по группам профессий НПО – 31,3 % (50 групп профессий из 160), по специальностям СПО – 49,2 % (94 специальности из 191).

Соотношение численности обучающихся в ОУ НПО и ОУ СПО (1,0:2,3) не соответствует сложившемуся распределению общей численности занятых в экономике по указанным уровням образования (1,0:0,7). При этом по отдельным отраслям экономики и видам экономической деятельности это соотношение еще хуже: по металлургическому производству – 1,0:9,4; по горнодобывающей отрасли – 1,0:3,5; по железнодорожному транспорту – 1,0:2,7; по химическому производству – 1,0:2,6.

Проведенный анализ не оставляет сомнений в том, что при сохранении сложившихся диспропорций на областных рынках труда и образовательных услуг, несбалансированного развития региональной системы профессионального образования именно квалифицированные рабочие и специалисты среднего уровня квалификации уже в самом скором времени станут одним из самых дефицитных ресурсов экономики Кузбасса. В этих условиях сохранение и укрепление системы довузовского профессионального образования становится

ся важнейшей задачей, требующей безотлагательного решения.

В Кемеровской области принят ряд мер по преодолению указанных выше противоречий, в том числе путем создания условий для участия работодателей в разработке и реализации государственной политики в сфере профессионального образования (прежде всего – начального и среднего). Принятые меры позволили получить следующие результаты:

- заметно увеличился вклад работодателей в организацию производственного обучения и производственной практики учащихся (студентов);

- расширилось участие бизнес-общества в организации и проведении областных конкурсов профессионального мастерства и выставок образовательных достижений, научно-практических конференций и семинаров по вопросам развития профессионального образования;

- средства областного бюджета и работодателей, привлеченные для поддержки инновационных учреждений НПО и СПО в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование», способствовали укреплению учебно-материальной базы учебных заведений в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов, санитарных правил и инструкций;

- увеличилась доля выпускников ОУ НПО с повышенным рабочим разрядом, а также доля выпускников ОУ НПО и ОУ СПО, трудоустроившихся по полученной профессии (специальности) в течение первого года.

В то же время приходится констатировать, что принятых мер недостаточно для оптимизации объемов и структуры подготовки квалифицированных кадров, устранения сложившихся диспро-

порций в развитии областных рынков труда и образовательных услуг. С учетом этого на заседании Коллегии Администрации Кемеровской области, состоявшемся в апреле 2008 г., было принято решение о разработке Долгосрочной региональной межведомственной целевой программы «Подготовка квалифицированных рабочих и специалистов для основных направлений экономической деятельности в Кемеровской области» на 2008–2015 годы (далее – Программа). В состав комплексной рабочей группы по разработке Программы вошли специалисты крупнейших отраслевых департаментов области и ведущих учреждений профессионального образования Кузбасса: известные ученые, представители организаций и общественных объединений – социальных партнеров в сфере подготовки квалифицированных кадров. Рабочей группой, в соответствии с распоряжением Администрации Кемеровской области от 25.04.2008. № 445-р «О мерах по обеспечению рабочими кадрами и специалистами основных направлений экономической деятельности Кемеровской области», приказом областного Департамента образования и науки от 17.06.2008. № 967 были подготовлены концепция Программы и проект Программы, успешно прошедшие независимую научную и общественную экспертизу.

Концептуальную основу Программы образуют ключевые положения Стратегии развития России до 2020 года, Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу, Программы экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 годы, других программных документов федерального и регионального уровней. В подготовленных рабочей группой концепции и проекте

Программы эти положения не только нашли свое отражение, но и получили дальнейшее развитие в контексте основной решаемой проблемы с учетом специфики Кузбасса и опыта реализации аналогичных программ в других российских регионах, а также в Республике Казахстан [3].

Программа направлена на создание в Кемеровской области институциональных условий и механизмов, обеспечивающих планомерное воспроизводство и укрепление кадрового потенциала экономики Кузбасса по наиболее значимым для региона видам экономической деятельности на основе принципов государственно-частного партнерства. Она ориентирует на преодоление диспропорций, сложившихся на областных рынках труда и образовательных услуг, путем оптимизации системы подготовки квалифицированных кадров в регионе с учетом потребностей растущей экономики и стратегических ориентиров развития области. Реализация Программы может и должна способствовать приданию региональной системе профессионального образования новых качественных характеристик, необходимых для ее превращения в основную, эффективный инструмент регулирования в сфере занятости.

Очерченный в Программе круг задач охватывает наиболее проблемные направления изменений на региональных рынках труда и образовательных услуг. Это дает возможность реализовать комплексные меры по оптимизации системы подготовки квалифицированных кадров в регионе, что позволит предотвратить (или, по меньшей мере, снизить) имеющиеся риски и станет одним из важных факторов обеспечения конкурентоспособности области в долгосрочной перспективе.

Мероприятия Программы сгруппированы – в соответствии с характером, содержанием и значимостью основных решаемых задач – по следующим пяти разделам:

1. Изменение структуры и повышение качества подготовки квалифицированных рабочих и линейных руководителей (специалистов) в соответствии с запросами рынка труда.

2. Оптимизация территориальной сети учреждений (организаций) профессионального образования.

3. Повышение образовательной, профессиональной и территориальной мобильности трудовых ресурсов.

4. Формирование экономической основы и нормативно-правовой базы участия работодателей и их объединений в подготовке квалифицированных рабочих и линейных руководителей (специалистов).

5. Меры по усилению профессионально-трудовой мотивации и совершенствованию системы профессиональной ориентации населения.

Как ожидается, реализация Программы позволит, в частности:

– сформировать в создаваемых крупных территориально-отраслевых ресурсных центрах и специализированных учебно-производственных полигонах материально-техническую базу, отвечающую технико-технологическому уровню современного производства;

– создать региональную систему мониторинга и прогнозирования ситуации на рынке труда;

– привести структуру и качество подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего уровня квалификации (линейных руководителей) в соответствие с комплексным прогнозом потребностей экономики и социальной сферы в квалифицированных кадрах, отражающим приоритеты

социально-экономического развития Кузбасса и демографическую ситуацию в регионе;

– увеличить долю выпускников учреждений НПО с повышенным рабочим разрядом, а также удельный вес выпускников учреждений НПО и СПО, трудоустраивающихся по профилю полученной профессии (специальности) в течение первого года;

– повысить уровень экономической активности, образовательной, профессиональной и территориальной мобильности населения;

– расширить охват населения трудоспособного возраста различными формами профессионального обучения как в рамках, так и за рамками установленных государством образовательных цензов и стандартов;

– увеличить вклад работодателей в подготовку и обеспечение эффективной занятости квалифицированных кадров, а также долю расходов на обучение персонала в общем объеме затрат предприятий и организаций Кузбасса на рабочую силу;

– сократить масштабы неформальной занятости и уменьшить долю неэффективных расходов в общей сумме расходов консолидированного бюджета области на образование;

– снизить риски, связанные с неблагоприятной демографической ситуацией, снижением эффективности региональной системы профессионального образования и опережающим ростом стоимости рабочей силы по отношению к росту производительности труда.

Определенные разработчиками концепции и проекта Программы приоритеты согласуются с целями, задачами и основными направлениями государственной политики в области регулирования рынка труда, которые нашли свое отражение и закрепление в Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы, одобренной распоряжением Правительства РФ от 15.08.2008. № 1193-р. Согласно указанному документу, эта политика будет направлена на создание правовых, экономических и институциональных условий для повышения эффективности занятости населения.

Обобщая все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что если уже в самое ближайшее время не принять безотлагательных, действенных мер по устранению диспропорций на областных рынках труда и образовательных услуг, все программы и планы развития региона останутся нереализованными.

Примечания

1. Рынок труда и рынок образовательных услуг в регионах России / Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета: <http://labormarket.ru>
2. Там же.
3. Например: Городская целевая программа развития начального и среднего профессионального образования в г. Москве на 2008–2010 годы «Рабочие кадры»; Комплексная целевая программа реализации Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска «Развитие трудовых ресурсов г. Новосибирска» до 2020 г.; Республиканская программа содействия занятости населения на 2008–2010 годы (республика Татарстан); Концепция инновационного развития профессионального образования Новосибирской области на 2008–2012 годы; Областная целевая межведомственная программа «Подготовка квалифицированных рабочих кадров для различных отраслей экономики Нижегородской области на 2007–2010 годы» и др.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНКУРС КАК РЕЗУЛЬТАТ
КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ**

И. В. Афанасьева

В самом широком смысле воспитание принято понимать как аспект жизнедеятельности человеческого общества в целом, подразумевающий трансляцию от поколения к поколению создаваемой обществом культуры. Складывающиеся в российском обществе социально-экономические, политические и социокультурные условия формируют запрос на личность свободную, инициативную, творческую, с высоким уровнем духовности и интеллекта. Ситуация переходного периода развития общества, обостряющая процессы поиска человеком смысла существования и своего места в мире, приводит к возрастанию ценности эстетического образования. В условиях идеологического вакуума именно через искусство происходит в основном передача духовного опыта человечества, способствующая восстановлению связей между поколениями. Особенно важно подчеркнуть, что искусство, выражающее духовные традиции народа, выступает для подрастающего поколения как своего рода «защитный пояс», охраняющий ребенка от тех средств массовой информации, которые распространяют идеи насилия, жестокости, национализма и могут нанести личностные и психические травмы детям, стать источниками формирования агрессивного поведения.

Учреждения дополнительного образования детей (УДОД) являются составной частью российской системы образования, их деятельность направлена на интеллектуальное, духовное, творческое развитие детей и подрост-

ков, удовлетворение их культурных и образовательных потребностей. Главная цель воспитания в современном, демократичном обществе и результат деятельности учреждений дополнительного образования совпадают – это содействие в развитии и становлении гармонически развитой, социально активной личности.

Дополнительное образование детей представляет собой гармоничное единство познания, творчества, общения детей и взрослых, в основе которого лежит любознательность и увлеченность свободным поиском пути к мастерству и постижению смысла жизни. Его можно рассматривать как своеобразную «стартовую площадку», пролог в становлении культурного, творческого, интеллектуального потенциала личности ребенка.

Чтобы жить и успешно действовать в чрезвычайно мобильном и динамичном обществе, индивид должен обладать двумя противоположно направленными рядами качеств:

- устойчивым, твердым ядром личности, мировоззрением, социальными и нравственными убеждениями;

- высокой психологической лабильностью (изменчивостью), гибкостью, способностью усваивать и перерабатывать новую информацию и создавать нечто новое не только в детстве, юности, но и в зрелом возрасте.

Ведущая идея деятельности учреждений дополнительного образования детей – помощь растущему человеку в образовании, духовном и интеллек-

туальном развитии, содействии социализации и жизненному самоопределению в процессе многообразной творческой деятельности, основанной на общении, изучении истории и культурных ценностей своего Отечества, практическом участии в сохранении народных ремесел, обычаев, традиций.

С позиции гуманистического подхода, личность в качестве ключевой категории понимается как субъект саморазвития, включающий сложную совокупность биологических, природных, психологических, социальных, этнических, культурно-когнитивных и других характеристик. Личность воспитанника в условиях культурно-образовательного процесса в дополнительном образовании находится в зоне взаимодействия трех составляющих: развития, образования, сотворчества. Рассмотрим каждую из них:

- развитие: духовной культуры, культуры общения, эстетической культуры, интеллектуальной культуры, этнической культуры, культуры досуга, экологической культуры, семейной культуры, культуры речи;

- образование: знакомство с основами наук, углубленное изучение выбранной образовательной области, до-профессиональная подготовка;

- сотворчество: создание собственных творений (рисунок, сценарий, стихотворение и т. д.), традиции, программы, праздники, соревнования, выставки, конкурсы, фестивали.

Эстетическое воспитание средствами искусства несет в себе возможность обогащения социального и нравственного опыта, развивает общую культуру личности. Вся система эстетического воспитания обеспечивает целостное, эстетическое развитие личности и связана с решением следующих задач: обогатить личность художественно-

эстетической культурой, пониманием произведений искусства; обучить начальным, самым общим навыкам самостоятельной деятельности в искусстве; развить с помощью занятий искусством природные силы и психические свойства личности: музыкальный слух, художественную зоркость, творческое воображение, оригинальное мышление; воспитать эстетические чувства; сформировать устойчивое эстетическое сознание. Современное состояние традиционной культуры обусловлено усиливающейся глобализацией, урбанизацией, социальным, профессиональным и конфессиональным расслоением российского общества. Необходимо отметить, что в сложившейся ситуации чрезвычайно важно создавать условия для воспитания внутренней и внешней свободы детей.

Современный ребенок должен не только обладать определенными практическими навыками и теоретическими знаниями, но и чувствовать себя уверенно и адекватно реальной жизни. Изучение досуговых интересов современного поколения детей и подростков позволяет сделать выводы о стремлении подростков «быть на виду», к публичности поведения, этим обусловлен их повышенный интерес к неформальным объединениям, шоу и конкурсным программам. Следовательно, возрастает социальная значимость конкурсной деятельности детей и подростков, которая предполагает развитие инициативы, общественной и творческой активности. Потребности детей в самостоятельности, самовыражении и самоутверждении в среде сверстников обусловили актуальность развития детского конкурсного движения как модели социальной среды, положительно влияющей на развитие формирующейся личности.

Художественные конкурсы повышают уровень профессионального и исполнительского мастерства его участников и руководителей творческих объединений, укрепляют творческие связи между коллективами, позволяют изучать потребности детей в художественно-эстетическом образовании. Они способствуют приобщению детей к различным видам художественного творчества, сохраняют лучшие традиции во всем многообразии жанров и форм, способствуют общению участников и руководителей коллективов между собой, позволяют делиться опытом работы, обогащать репертуар, расширять творческие связи и контакты.

Конкурс является интересной, востребованной среди педагогов и детей формой проведения встреч единомышленников, который дает толчок к творческому росту, формирует сценическую и выставочную культуру, предоставляет возможность сотрудничества между учреждениями дополнительного образования. В то же время анализ ситуации, сложившейся сегодня в стране (том числе в Кемеровской области), позволил выявить проблемы, возникающие в реальной практике, среди них:

- в условиях конкурсной деятельности становится очевидным несоответствие между ожидаемыми результатами и фактически сформированными навыками исполнительства и художественного творчества детей;

- отсутствует среда для творческого общения разножанровых творческих коллективов и индивидуальных исполнителей;

- педагоги дополнительного образования испытывают затруднения в подборе современного репертуара соответствующего психолого-возрастным особенностям детей;

- реально функционирующая общественно-организованная система культурной деятельности пока еще не в полной мере отвечает полифункциональному характеру современной культурной практики и, следовательно, не находит соответствующих условий для их реализации.

Необходимым условием для устранения этого дисбаланса является ликвидация имеющихся «ножниц» между растущим культурным потенциалом общества и сравнительно недостаточно высоким уровнем организации художественных конкурсов.

При подготовке обучающихся к художественным конкурсам предполагается, что педагог дополнительного образования выдвигает, как минимум, два вида целей: одни цели содержат его представления о предполагаемых личностных изменениях и проявлениях воспитанников в процессе организуемой культурной деятельности, другие – о способах их практических достижений. Логично предполагать, что этим двум видам целей будут соответствовать и два вида результатов, которые можно обозначать условно как «творческие» и «практические». Ориентируясь на обозначенные цели, педагог стремится сконструировать деятельность таким образом, чтобы достичь их. Иначе говоря, перед ним объективно встает задача так организовать деятельность воспитанников, чтобы в этой деятельности сами воспитанники проявили себя наилучшим образом и достигли максимально возможных творческих и практических результатов.

Для того чтобы стало возможным достижение «цели в субъекте» и «цели в продукте», прежде необходимо поставить и достичь цель в организации культурной деятельности. В данном случае осуществление культурной деятельнос-

ти для педагога и есть первичная цель, без достижения которой невозможно достичь никаких других целей.

Таким образом, в деятельности педагогов дополнительного образования следует различать не только собственно творческие и практические цели, но и, условно говоря, «организационные» цели, которым также будут соответствовать определенные результаты культурной деятельности. Можно утверждать, что смысл деятельности педагога дополнительного образования не в том, чтобы прямо и непосредственно воздействовать на личность ребенка, стремясь «преобразовать» ее, а в том, чтобы организовать такую культурную среду для ребенка, в которой будет проявляться и преобразовываться его личность.

Следовательно, под результативностью культурной деятельности воспитанников УДОД целесообразно понимать достижение такого качества организации творческой деятельности, которое обеспечивает возможность значимых личностных проявлений и обогащение их личного опыта необходимым культурным содержанием. Но поскольку представления педагогов о ценностной значимости личностных проявлений всегда субъективны, то и понятие результативности культурной деятельности также несет в себе субъективную окраску. Иными словами, представления о результативности творческой деятельности у различных субъектов могут не совпадать, так как могут не совпадать их представления о ценности и значимости личностных проявлений воспитанников и желательном содержании их личного опыта. Результаты художественно-эстетического образования, художественного творчества, как правило, представляются в различных конкурсах, выставках, фестивалях.

Художественные конкурсы повышают уровень профессионального и исполнительского мастерства его участников и руководителей творческих объединений, укрепляют творческие связи между коллективами, позволяют изучать потребности детей в художественно-эстетическом образовании. Они способствуют приобщению детей к различным видам художественного творчества, сохраняют лучшие традиции во всем многообразии жанров и форм, способствуют общению участников и руководителей коллективов между собой, позволяют делиться опытом работы, обогащать репертуар, расширять творческие связи и контакты.

Говоря о результатах художественно-эстетического образования, художественного творчества целесообразно различать, во-первых, так называемую «нормативно-объективную» результативность культурной деятельности, т. е. официально признаваемый на данном этапе нормативный образ желательных культурных результатов (репертуар, техника исполнения, соответствие современному культурному уровню и т. д.). Во-вторых – «нормативно-субъективную» – индивидуальные представления педагогов о желательных результатах (воспитательных, творческих, практических, организационных).

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что в понятие «результаты культурной деятельности» следует включать, по меньшей мере, три уровня потенциальных ее результатов, два из которых со всей очевидностью поддаются непосредственному наблюдению и оценке, а выявление третьего предполагает приложение специальных, дополнительных усилий самого педагога или лица, оценивающего эти результаты – эксперта.

Первый уровень результатов культурной деятельности составляют так называемые «организационные результаты», под которыми понимается качество организации педагогом совместной деятельности воспитанников.

Второй уровень составляют практические результаты, а именно: реальные достижения воспитанников в различных, конкретных видах художественно-эстетической деятельности.

Третий уровень, детерминируемый первыми двумя, – это результаты, под которыми наиболее корректно будет понимать соответствие предъявленных результатов уровню развития культуры на современном этапе (положительную или отрицательную динамику проявлений личностных и коллективных результатов воспитанников в специально организуемой конкурсной деятельности).

Итак, результативность культурной деятельности означает достижение руководителем творческого коллектива такого качества организации совмест-

ной культурной деятельности воспитанников, ее разнообразных видов и форм, посредством которых обеспечивается реальная возможность:

- положительной динамики разностороннего личностного проявления значимых качеств личности;
- продуктивности культурной деятельности, выраженной в соответствующих предметно-практических достижениях.

Таким образом, можно сказать, что на данном этапе исследования проблемы результативности культурной деятельности в УДОД сформулирован общий подход к ее пониманию, который может стать в дальнейшем реальной основой для определения конкретных критериев и показателей результативности культурной деятельности для соответствующих типов и видов художественного творчества демонстрируемых в конкурсах достижений. Поиск таких критериев и показателей – одна из актуальнейших задач науки и практики на современном этапе.

II. КОНЦЕПЦИИ. ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КУЗБАССЕ В 2007 ГОДУ

Л. Т. Заурвайн

В культурологии, как известно, существуют разнообразные трактовки культуры. В данной статье отметим направления в деятельности Департамента культурной и национальной политики, результаты которой повышают культурный уровень населения Кузбасса, формируют осознание того, что Кузбасс – не только крупный индустриальный центр России, но и регион, в котором прилагаются значительные усилия по развитию различных видов культурной деятельности – музыкальной, живописи, народного творчества и пр. При этом не упускаются из виду настоящие творцы культуры, разработана и существует эффективная система стимулирования и признания их талантов. В поле зрения Департамента постоянно находится вся кадровая и организационная система, нацеленная на выявление, поддержку как признанных мастеров культуры, так и молодых талантов.

Учитывая статус настоящего издания, его региональный характер, в настоящей статье сделаем акцент на тех проблемах, которые характерны именно для данного журнала: правовая обеспеченность отрасли культуры, ее культурный потенциал, кадровые ресурсы области, процессы модернизации в образовательных учреждениях культуры, работа театрално-зрелищных учреждений и профессиональных творческих

союзов, значение для общества культуры народного творчества. И в качестве итогов следует отметить специфику национальной политики в культурном континууме.

Правовое обеспечение отрасли является одним из важнейших направлений деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Основные региональные законодательные акты, регулирующие различные аспекты культурной деятельности, были приняты в 2005–2006 годах. Это – Закон Кемеровской области от 14.02.2005. № 26-03 «О культуре», новая редакция Закона Кемеровской области от 09.03.2005. № 44-03 «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов», Закон Кемеровской области от 08.02.2006. № 29-03 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Кемеровской области».

В конце 2007 года были приняты Закон Кемеровской области от 27.12.2007. № 200-03 «О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О культуре», Закон Кемеровской области от 27.12.2007. № 210-03 «О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов», Закон Кемеровской области от 27.12.2007. № 209-03 «О внесении изменений

в некоторые законодательные акты Кемеровской области в связи с совершенствованием разграничения полномочий», статьей которого внесены изменения в Закон Кемеровской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Кемеровской области».

Указанными законами уточнена компетенция органов государственной власти Кемеровской области в сфере культуры – Совета народных депутатов и Коллегии Администрации, расширены и конкретизированы полномочия Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области. На департамент возложено осуществление полномочий Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Помимо этого, Законом Кемеровской области от 27.12.2007. № 200-03 «О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О культуре», предусмотрено установление государственного социального пособия членам всероссийских творческих союзов (региональных и местных отделений всероссийских творческих союзов) писателей, художников» театральных деятелей, проживающим в Кемеровской области и внесшим значительный личный вклад в развитие культуры и искусства Кузбасса, находящимся на пенсии или оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Необходимость оказания государственной поддержки данной категории населения связана со спецификой деятельности творческих работников, как правило, не связанных трудовыми отношениями и не имеющих стабильной заработной платы, пенсионного и иного социального обеспечения.

В целях реализации указанных положений Закона принято постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 28.12.2007. № 376 «Об установлении государственных пособий членам всероссийских творческих союзов писателей, художников, театральных деятелей (зарегистрированных на территории Кемеровской области региональных и местных отделений всероссийских творческих союзов), проживающим на территории Кемеровской области и внесшим значительный личный вклад в развитие культуры и искусства Кузбасса, находящимся на пенсии либо оказавшимся в трудной жизненной ситуации».

Кроме того, Закон предусматривает установление единовременного государственного социального пособия в размере десяти тысяч рублей молодым специалистам, окончившим образовательные учреждения среднего и (или) высшего профессионального образования и прибывшим на работу в сельскую местность в государственные и муниципальные учреждения культуры.

В целях реализации Закона Кемеровской области «О культуре» был принят Закон Кемеровской области от 10.12.2007. № 163-03 «О наделении органов местного самоуправления отдельным государственным полномочием Кемеровской области в сфере культуры».

Принятие данного закона обусловлено необходимостью более оптимальной реализации установленного статьей 11 Закона Кемеровской области «О культуре» государственного полномочия Кемеровской области по назначению и выплате ежемесячного социального пособия работникам организаций культуры, имеющим почетные звания «Народный артист Российской Федерации», «Народный художник Российской Федерации», «Заслуженный артист Российской Федерации», «Заслужен-

ный художник Российской Федерации», «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», аналогичные звания в соответствии с законодательством СССР и РСФСР о государственных наградах и почетных званиях, а также почетное звание «Лауреат премии Кузбасса».

Работники культуры, получающие указанные выплаты, проживают на территории различных муниципальных образований Кемеровской области, соответственно, выплату пособий целесообразно осуществлять по месту жительства получателей непосредственно в муниципальных образованиях. Поэтому указанным законом органам местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Кемеровской области было передано вышеназванное отдельное государственное полномочие Кемеровской области.

В целях правового регулирования сферы культуры, помимо законодательных актов, в течение 2007 года был принят ряд подзаконных нормативных правовых актов.

Существующее правовое обеспечение позволяет успешно решать стратегические задачи по наращиванию экономического потенциала культурного сектора и реализации приоритетного регионального национального проекта «Культура» в условиях административных реформ требуется системный подход, важнейшей частью которого является осуществление мер по оптимизации сети государственных и муниципальных учреждений культуры на территории области.

В рамках действия Федерального закона от 06.10.2003. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» продолжается реорганизация сети муниципальных учреждений культуры.

Сеть учреждений сегодня составляет 2352 учреждений, в том числе 750 общедоступных библиотек, 781 клуб, 281 киноустановка, 44 учреждений музейного типа, 17 кинотеатров, 5 парков культуры и отдыха, 7 профессиональных театров, Государственная филармония, 5 учебных заведений среднего профессионального образования, 129 учреждений дополнительного образования детей, в которых заняты свыше 30 тыс. учащихся и студентов.

Реформа межбюджетных отношений может рассматриваться в качестве связующего звена всей системы социально-экономических преобразований, положенных в основу стратегии развития региона. Область входит в первую десятку Российской Федерации по количеству музеев, клубных формирований, парков культуры, учреждений дополнительного образования в сфере культуры и искусства.

Важным фактором качественной работы учреждений культуры области является оптимально подобранный кадровый состав.

Списочная численность работников учреждений культуры в области **21201** человек. Количество творческих работников учреждений культуры по городам и районам области в сравнении с 2006 г. увеличилось с 9210 до **9234 человек**.

Увеличение произошло в городах: Белово – 26, Киселевск – 14, Новокузнецк – 15, Осинники, Юрга – 4; в районах: Новокузнецкий – 95, Прохладненский – 16, Тисульский – 14, Кемеровский, Прокопьевский – 9, Тяжинский – 5, Чебулинский, Юргинский – 4. На других территориях ситуация с кадрами осталась стабильной.

Значительное увеличение работающих произошло в школах (+54), клубах (+43), театрах и концертных учреждениях (+6), библиотеках (+6), музеях (+3), уменьшилось число работающих в ки-

но (-6), образовательных учреждениях (-5). Процент специалистов по культуре в 2007 году – 65,3. По городским учреждениям культуры процент специалистов составляет 68,5, районам – 53,4, областным учреждениям – 73,9.

С высшим образованием работает в учреждениях 4239 человек (-142), со средним специальным – 3974 (-113), всего специалистов – 5983 (-255). В образовательных учреждениях работают 82,1 % специалистов, в библиотеках – 64,0 %, клубах – 51,9 %, кино – 34,6 %, музеях – 27,8 %, парках – 28,6 %, в областных учреждениях культуры работают 1093 (-55) творческих работников, из них имеют высшее и среднее специальное образование по культуре 869 человек (73,9 %).

Текучесть кадров по области за три года составляет 14,2 % (-0,2 %), по городам – 25,6 %, по районам – 17,9 %, по областным учреждениям – 6,7 %.

Низкая текучесть кадров в городах: Киселевск – 10,0 %, Мыски – 10,4 %, Калтан – 10,5 %, районах: Тисульский – 12,4 %, Новокузнецкий – 13,2 %, Ижморский – 14,5 %. Самая высокая текучесть в г. Анжеро-Судженске – 36,6 % и Топкинском районе – 32,9 %.

В области 178 вакансий, из них: в библиотеках – 11, в клубных учреждениях – 84, в образовательных учреждениях – 42, в кино – 18, в музеях – 14, в областных учреждениях – 6.

Много **вакансий** в городах: Кемерово (31), Ленинск-Кузнецкий (12) Белово, Новокузнецк, Полысаево (10); районах: Промышленновский (18), Чебулинский (12).

Обучается **заочно** в учебных заведениях культуры и искусства 844 человека.

За 2007 год в областном учебно-методическом центре работников культуры и искусства **повысили** свою **квалификацию** 1183 специалиста сферы культуры при годовом плане 550 человек

(876 из городов области, 307 – из районов), в 2006 г. было обучено 792 специалиста. Среди обученных за год: преподавателей образовательных учреждений – 552 чел. (514 – 2006 г.), клубных работников – 92 (30), библиотечных – 250 (113), руководителей по программе «Охрана труда» – 80 (80), руководители фольклорных коллективов – 47 (24–2006 г.), по программе «Информационные технологии» обучено – 57 чел. (24–2006 г.), музейных работников – 65.

В сравнении с прошлым годом увеличилось количество обученных специалистов на курсах из городов: Кемерово – 285 (+7), Новокузнецк – 109 (+62), Белово – 72 (+34), Мариинск – 59, Березовский – 34 (+6), районов: Яшкинский – 72, Кемеровский 28 (+7), Новокузнецкий – 26, Тяжинский – 24, Беловский – 21. Необходимо отметить, что в 2007 году все территории направили специалистов на обучение – от 8 до 20 человек.

В 2007 году основная работа была направлена на реализацию приоритетной региональной программы «Культура», в ее рамках ГОУ «Учебно-методический центр работников культуры и искусства» провел 2 областных конкурса: «Лучшая школа искусств Кузбасса» и «Лучший преподаватель художественного образования». Проведена VII областная выставка творческих работ преподавателей образовательных учреждений культуры, посвященная 65-летию образования Кемеровской области. В 2007 году учебно-методический центр совместно с областным центром народного творчества и досуга провел два занятия двухгодичной школы ведущих культурно-досуговых программ. Продолжается тесное сотрудничество центра с областными библиотеками, проведено несколько семинаров для каталогизаторов и по программе «Библиотечные фонды в контексте сов-

ременного законодательства». Занятия на курсах, семинарах, мастер-классах, школах проводят лучшие специалисты как кемеровских вузов, так и из других регионов России.

Одним из направлений работы центра является организация и проведение аттестации педагогических работников среднеспециальных учебных заведений культуры и искусства, педагогических работников и руководителей школ искусств. За 2007 год аттестовано 258 преподавателей, в том числе на высшую квалификационную категорию – 237 человек, на 1-ю квалификационную категорию – 21.

Всего в области 285 человек имеют **почетные звания** Российской Федерации, в том числе 4 народных артиста, 1 народный художник, 3 деятеля искусств, 47 заслуженных артистов, 8 заслуженных художников, 9 заслуженных учителей, 188 заслуженных работников культуры.

В 2007 году 21 человек награжден правительственными наградами (2006 г. – 11), в том числе присвоены почетные звания: «Заслуженный артист РФ» – 1 чел., «Заслуженный учитель РФ» – 3, «Заслуженный работник культуры РФ» – 16. Нагрудным знаком Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации «За высокие достижения» награждены 2 человека, Почетной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры – 79 человек, нагрудным знаком «Почетный работник общего образования Российской Федерации» Министерства образования и науки РФ – 9 человек, областными орденами, знаками и медалями Кемеровской области – 509 человек.

Звание «Лауреат премии Кузбасса» получили 4 человека, 37 работников культуры удостоены нагрудного

знака «Почетный работник культуры Кузбасса», целевыми премиями Администрации Кемеровской области награждены 98 работников и более 200 детей, ценным подарком Губернатора области – 6 человек, Почетными грамотами и благодарственными письмами Администрации Кемеровской области – 1109 человек (378 – 2006 г.), департамента культуры – 300 человек.

Творческие кадры учреждений культуры и искусства области в основном состоят из женщин (8872 человек, мужчин – 362).

Демографический состав творческих работников представляют 3 возрастных группы работающих: основная группа – 30–50 лет – 4572 человек (52 %), вторая группа – свыше 50 лет – 2481 человек (27 %), третья самая малочисленная группа – до 30 лет – 1819 человек (21 %); только 4 % от работающих – мужчины.

Приведенная статистика нацеливает на продолжение работы по формированию и совершенствованию кадрового потенциала области в сфере культуры и искусства, а именно:

- **повышение образовательного уровня работающих;**
- **омоложение кадрового потенциала;**
- **снижение текучести кадров;**
- **формирование кадрового резерва.**

Приоритетным направлением в работе с кадровыми ресурсами в 2008 году остается реализация регионального национального проекта «Культура» в разделах, касающихся кадров, их образования, социальной поддержки, моральное и материальное стимулирование в соответствии с Законом Кемеровской области «О наградах», положениями о наградах Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Указами Президента Российской Федерации.

Реализация указанных направлений основывается на непременном повышении качества деятельности работников культуры, то есть на повышении профессионального уровня и презентации профессионального статуса. В этом плане 2007 год стал продолжением реализации в Кузбассе национального проекта «Культура». По количеству детских школ искусств и обучающихся в них Кемеровская область занимает первое место по Сибирскому федеральному округу. По России область в течение нескольких лет остается на пятом месте по количеству школ и на девятом – по количеству обучающихся – после таких густонаселенных областей, как Московская, Ростовская, Челябинская, Нижегородская, Краснодарский край, Республик Башкортостан и Татарстан. Если взять отдельно сельскую местность, то по количеству школ в сельской местности наша область стоит на третьем месте по Сибирскому федеральному округу (после Алтайского и Красноярского краев) и на пятом по России (среднее количество школ по России на 10 тысяч детей – 4,0, по Кемеровской области – 4,8). По количеству средних профессиональных учебных заведений Кемеровская область на 12-м месте по России, а по количеству обучающихся – на 16-м.

В рамках проекта второй раз были организованы областные конкурсы «Лучшая школа искусств Кузбасса» и «Лучший преподаватель художественного образования». Среди городских школ победителем стала детская художественная школа № 4 г. Ленинска-Кузнецкого (директор Черданцева С. М.), среди районных – детская музыкальная школа № 36 п. Зеленогорский Крапивинского района (директор Конева С. В.).

Гранты Губернатора за победу в конкурсе «Лучший преподаватель художественного образования», который проводился среди преподавателей

средних профессиональных учебных заведений, получили: 1-е место – Барсукова Н. Н., преподаватель Прокопьевского музыкального училища, 2-е место – Абрамова Т. Г., преподаватель Кемеровского областного художественного училища, 3-е место – Щитова Л. Л., преподаватель Кемеровского музыкального колледжа, почетный работник культуры Кузбасса.

2007 год, объявленный в Кузбассе «Годом семьи», получил широкий отклик в образовательных учреждениях. В школах прошли выставки, концерты и конкурсы. В областном конкурсе «Социальная звезда» приняли участие семьи Громковых (ДМШ № 12 г. Ленинск-Кузнецкий) и Хомченко (ДШИ № 18 г. Ленинск-Кузнецкий), дипломом признательности отмечена семья Давлатовых (ДМШ № 48 г. Белово). Семьи учащихся и педагогов участвовали в конкурсе «Семейные династии» (г. Кемерово), фестивале семейных ансамблей (г. Юрга), в конкурсах творческих семей (в Междуреченске, Осинниках, Таштаголе, Гурьевске, Прокопьевском и Новокузнецком районах. Семья Кирюшкиных из поселка Тяжин, провела выставку своих творческих работ «Семья».

Областной учебно-методический центр работников культуры и искусства провел в прошедшем учебном году курсы для преподавателей по классу гитары, баяна, духовых инструментов, музыкальной литературе и курсы для преподавателей Кемеровского музыкального колледжа по теме «Информационные технологии в сфере культуры».

Состоялась школа молодого руководителя (для директоров школ, имеющих стаж работы до 3-х лет), семинары: «Мультимедийные средства обучения» (для завучей), «Обучение по системе детского музыкального воспитания Карла Орфа», «Методика преподавания художественных дисциплин на подго-

товительных отделениях ДХШ, ДШИ», II обучающий семинар «Базовые принципы работы пианиста».

На курсах и семинарах работали высококвалифицированные преподаватели не только Кемеровских образовательных учреждений, методических центров, но и из других регионов России: преподаватель Магнитогорской государственной консерватории В. Вальс, доцент Омского государственного университета В. А. Мельниченко, доктор искусствоведения, доцент кафедры специального фортепиано Московской государственной академии музыки им. Гнесиных М. Аркадьев, профессор Красноярского института искусств В. И. Литвин, преподаватель Международного музыкального колледжа г. Эдмонтон (Канада) И. Коновалова и другие. Всего на курсах, семинарах и мастер-классах в учебно-методическом центре прошло обучение в 2007 году 546 преподавателей.

Преподаватели и руководители стремятся повысить не только свой профессиональный уровень, но и свой профессиональный статус. Главной аттестационной комиссией было рассмотрено 252 заявления на присвоение высшей квалификационной категории. Это почти в три раза больше, чем в предыдущем учебном году.

Стремление повысить свою квалификационную категорию позволяют расширить сферу образовательных услуг, предлагаемых школами населению. За прошлый учебный год открыто 44 новых отделения, в 10 школах работают компьютерные классы. Кроме традиционных специальностей – таких, как балалайка, гитара, фортепиано, кларнет востребованными стали отделения раннего эстетического развития, любительского музицирования, эстрадного искусства (синтезатор, электрогитара, джазовое фортепиано), фольклора. Развивается направление арт-терапии: от-

крыта логопедическая группа в ДМШ № 20 г. Осинники, проходят обучение дети с ДЦП в ДШИ № 45 г. Кемерово, ДХШ № 14 п. Тисуль. Все это позволяет заинтересовать и увлечь обучением в школах искусств большее количество детей, поэтому контингент учащихся ежегодно увеличивается. Если по стране охват детей художественным образованием составляет 9,6 % от общего количества детского населения, то в Кемеровской области охват детей работой школ составляет 11 %.

2006–2007 учебный год прошел под знаком аттестации и аккредитации средних профессиональных учебных заведений сферы культуры. Индекс соответствия критериям аккредитации: самый высокий – 1,80 у Прокопьевского музыкального училища, 1,79 – у Новокузнецкого училища искусств; 1,58 – у Кемеровского музыкального колледжа; 1,33 – у Кемеровского областного колледжа культуры и искусств. Все наши образовательные учреждения среднего профессионального образования имеют положительные заключения по аттестации основных образовательных программ, представленных к государственной аккредитации. Все наши средние профессиональные учебные заведения могут претендовать на статус колледжа в период следующей аккредитации.

В 2007 году впервые в истории Кемеровского музыкального училища выпускники получили диплом об окончании ГОУ СПО «Кемеровский музыкальный колледж».

О качественной профессиональной подготовке студентов говорит количество выпускников, получивших красный диплом: Кемеровский музыкальный колледж – 37,2 %, Прокопьевское музыкальное училище – 20 %, Новокузнецкое училище искусств – 24 %, Кемеровский областной колледж культуры и искусств – 18,8 %, Кемеровское област-

ное художественное училище – 10,3 %. В Государственной филармонии Кузбасса прошел III **Сибирский форум** художественного образования. Мероприятия форума были направлены на повышение качества и дальнейшее совершенствование системы художественного образования через обобщение и сохранение лучших педагогических достижений и эффективное внедрение инновационных технологий.

Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса» занимает ведущие позиции в структуре художественного образования Кемеровской области. Одним из важных показателей качества работы образовательных учреждений является количество стипендиатов Губернаторской стипендии «Юные дарования Кузбасса» и участие в творческих программах Губернаторского центра. Центр является вершиной, венчающей результативность системы образовательного процесса.

Для повышения качества работы центра создан интернет-сайт «Юные дарования Кузбасса». Это нововведение открывает широкие перспективы для позиционирования деятельности данного учреждения как на региональном, так и на всероссийском и международном уровнях.

В 2007 году стипендиаты Губернаторской стипендии «Юные дарования Кузбасса» стали участниками 22 международных, всероссийских и межрегиональных проектов. 55 званий лауреатов и дипломантов – таков итог конкурсных выступлений наших стипендиатов в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Новосибирске, Красноярске, Магнитогорске, Латвии.

Новым направлением работы по поддержке одаренных детей стало участие центра: в национальном проекте «Образование», общероссийском конкурсе «Молодые дарования России», который проходит под эгидой Федераль-

ного агентства по культуре и кинематографии, общественной межрегиональной программе «Достояние Сибири».

Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса» провел 46 мероприятий областного, всероссийского и международного уровня, в них приняли участие более 1500 юных музыкантов, хореографов, художников, около 3500 зрителей и слушателей.

С 1 сентября 2007 года по решению Коллегии Администрации области 150 учащихся учебных заведений получают ежемесячную Губернаторскую стипендию в размере 1000 рублей.

Наращиванию в Кузбассе культурного потенциала способствовали **основные направления работы** департамента культуры и национальной политики Кемеровской области в процессе реализации приоритетного регионального национального проекта «Культура» среди театрально-зрелищных учреждений культуры и профессиональных творческих союзов:

- поддержка крупных проектов, значимых для развития профессионального искусства и укрепление его авторитета в сибирском регионе;
- организация и проведение мероприятий, посвященных юбилеям мастеров искусств, творческих союзов, коллективов и организаций;
- активизация закупочной и выставочной деятельности;
- участие в обеспечении работ по созданию памятников в областном центре и городах Кузбасса;
- разработка и реализация комплекса мер по социальной защите работников искусств.

Одним из ярких событий в культурной жизни области стали гастроли Государственного академического малого театра России в рамках проведения «Дней культуры в Кузбассе» с 22 по 27 мая. На спектаклях побывало около 4000 зрителей.

Кузбасские театры по своему мастерству не отставали от столичных коллег: активно участвовали в гастрольной деятельности, фестивалях различного уровня, большую работу проводили с детьми и молодежью. В школьные каникулы в рамках недели «Театр – детям и юношеству» показывали спектакли, а Музыкальный театр Кузбасса провел театрално-музыкальный фестиваль «Рго-театр XXI», в котором были задействованы учащиеся общеобразовательных учреждений г. Кемерово.

В 2007 году около **71500** человек посмотрели 295 спектаклей Кемеровского областного театра драмы, из них 6 спектаклей были премьерными. Впервые в своей практике театр применил различные техники рекламы, делая акцент на видеорекламу и печатную продукцию. В г. Белово театр показал **выездные спектакли:** премьерную сказку «Про обманщицу Козу...» М. Супонина и гламурную комедию «Ох, уж эта Анна!» М. Камолетти.

Большое внимание **Прокопьевский драматический театр** в 2007 году уделил внедрению новых форм театральной деятельности, способствующих привлечению зрителей. Жители Прокопьевска, Киселевска и Прокопьевского района увидели 5 новых спектаклей и новые интересные театральные проекты («Театральное закулисье» – экскурсия за кулисы театра и по цехам, «Встреча в Театральном кафе» – участие зрителей в театральном представлении, в качестве актеров).

Особое внимание коллектив театра уделил работе с сельскими жителями. Учащиеся школ Прокопьевского района стали не только частыми гостями на спектаклях, но и постоянными участниками театральных проектов. С **выездными спектаклями** труппа театра не раз побывала в селах района, где их увидели более 8000 зрителей.

Прокопьевский драматический театр принял участие в выставке «РКО-Театр 2007» в Москве. Выставка была частью специальной программы Национальной театральной премии и Фестиваля «Золотая маска». Главным же событием года для Прокопьевского драматического театра стало участие в IX Всероссийском фестивале «Реальный театр» (который проходил в сентябре в Нижнем Новгороде) со спектаклем «Оркестр «Титаник» по пьесе Христо Бойчева. Этот спектакль поставлен молодым питерским «дуэтом» – режиссером А. Безьязыковым и художником А. Моховым. Театроведы высоко оценили спектакль «Оркестр “Титаник”», его режиссерскую концепцию, а особенно работу актеров. Главный режиссер театра Е. Зайд и ведущий артист, руководитель молодежной театральной студии «Шпиль» Ю. Темирбаев приняли участие в IV Всероссийской творческой мастерской «Молодая режиссура и профессиональный театр» на базе Екатеринбургского ТЮЗа.

2007 год показал возросший интерес зрителя к спектаклям **Кемеровского и Новокузнецкого театров кукол**. Впервые два кузбасских театра кукол провели в Кемерове и Новокузнецке фестиваль – театральный марафон «КуклоМагия». Начался он в Новокузнецке с авто-шоу с участием сказочных персонажей, большого праздничного концерта с участием знаменитого клоуна Р. Городецкого из Санкт-Петербургского театра «Лицедеи». Продолжился фестиваль в Кемерове. Юные новокузнецкие и кемеровчане посмотрели лучшие спектакли обоих театров. Завершился фестиваль праздничным гала-концертом в музыкальном театре Кузбасса. Всего в рамках театрального марафона было показано 42 спектакля, их увидели около 12 тысяч зрителей.

Областными наградами были отмечены 75 работников театров, а также

почетные гости фестиваля из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Томска, Озерска.

Музыкальный театр Кузбасса в 2007 году осуществил большой проект – постановку оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». Для работы над этим спектаклем была приглашена постановочная группа в составе дирижера А. В. Гойхмана (Пермь), режиссера и балетмейстера, заслуженного деятеля искусств РФ Г. А. Ковтуна (С.-Петербург), художника В. Н. Акимова (Томск). Спектакль был сделан и сдан художественному совету и творческому коллективу театра, но в связи с капитальным ремонтом и реконструкцией здания его премьеру отложили, так как масштабность постановки не позволяет эксплуатировать ее на других сценических площадках города и области.

К Международному женскому дню коллективом театра была подготовлена большая праздничная программа «Шерше ля фам!», в которую вошли фрагменты спектаклей идущего репертуара и специально поставленные номера. В марте для просмотра и обсуждения спектаклей текущего репертуара в театре побывала группа театральных критиков: кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории Н. Г. Потапова, кандидат искусствоведения А. Ю. Смольяков, Д. Ф. Морозов (газета «Культура»), представитель СТД РФ Л. М. Долгачева. Были высказаны замечания по творческому состоянию театра, высоко оценен актерский потенциал театра, а мюзикл «Прелести измены» критики единодушно поставили в ряд лучших музыкальных спектаклей страны, отметив и композитора, и режиссерскую работу, и сценографию, и актерскую игру. Подтверждением этой высокой оценки стало присвоение звания лауреата (первая степень) престижной областной премии «Триумф» исполнительнице главной

женской роли в этом спектакле, заслуженной артистки РФ О. Павловой.

На **212** спектаклях и концертах музыкального театра побывало **82601** человек. За 10 дней гастролей в Барнауле и Бийске на 21 спектакле театра побывало 12 тысяч зрителей. Было сыграно 9 спектаклей для взрослой публики и 12 для детской аудитории.

В 2007 году постоянными участниками главных культурных событий Кузбасса были **ведущие творческие коллективы Кемеровской областной государственной филармонии**: Губернаторский симфонический оркестр Кузбасса (художественный руководитель и главный дирижер, лауреат международных конкурсов Тао Линь), Губернаторский Камерный хор Кузбасса (художественный руководитель и главный дирижер, «Заслуженный деятель искусств РФ» О. Шабалина), Театр танца «Сибирский калейдоскоп» (художественный руководитель лауреат международных конкурсов А. Зелтынь), оркестр русских народных инструментов (художественный руководитель и главный дирижер А. Щиколков), которые хорошо известны жителям Кузбасса.

Ко Дню города на площади Знаменского Собора состоялся Большой праздничный концерт Губернаторского симфонического оркестра и Губернаторского камерного хора. В областном проекте «Шахтерская слава», посвященном празднованию Дня шахтера в Кемеровской области, приняли участие Губернаторский симфонический оркестр, Губернаторский камерный хор и звезда мировой оперной сцены Д. Хворостовский.

В 2007 году коллективы и солисты филармонии побывали с концертами:

- в Северске и Братске – Музыкальная сказка для самых маленьких «Гуси – лебеди или волшебный секрет», Театр танца «Сибирский калейдоскоп» Литературный театр «Слово»;

- в Белово – Оркестр русских народных инструментов (солист Народный артист РФ А. Цыганков, дирижер А. Щиколков);

- в Прокопьевске и Новокузнецке – «Концерт памяти Андрея Петрова» Губернаторский симфонический оркестр;

- в Белокурихе – Губернаторский симфонический оркестр;

- в Калтане и Киселевске – Оркестр русских народных инструментов;

- в Анжеро-Судженске – Губернаторский симфонический оркестр, Губернаторский Камерный хор, театр танца «Сибирский калейдоскоп»;

- в п. Ижморский, п. Промышленное, г. Топки – театр танца «Сибирский калейдоскоп»;

- в Ленинске-Кузнецком – Губернаторский камерный хор,

- в Тайге – студия «Иллюзион»,

- в Крапивино – оркестр русских народных инструментов.

На благотворительной основе Государственную филармонию Кузбасса посетили 8200 человек.

В г. Кемерово для руководителей театрально-зрелищных учреждений культуры Кемеровской области департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области был организован **семинар: «Российские театры и учреждения культуры – эпоха перемен. Новая организационно-правовая форма: автономное учреждение»**. Семинар проводили кандидат экономических наук, ректор, профессор Высшей школы деятелей сценического искусства, Заслуженный деятель культуры РФ Г. Г. Дадамян и Д. С. Бурман.

В Кузбассе продолжило развитие **монументальное искусство**. Ежегодно в области проводится более 60 выставок с участием кемеровских и новокузнецких художников.

В феврале семь молодых художников при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области приняли участие во Всероссийской выставке «Молодые художники России», посвященной 250-летию Российской академии художеств, и были представлены в экспозиции.

В июле 2007 года государственным учреждением культуры Кемеровской области при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области по приглашению Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ в Москве была организована выставка 23 кузбасских художников «Сибирский пейзаж». С выставкой познакомились: сотрудники Министерства культуры, многочисленные гости, иностранные делегации, а также министр А. Соколов, давший высокую оценку кузбасским мастерам.

В июле молодые художники г. Кемерово участвовали в межрегиональной молодежной художественной выставке «Аз. Арт. Сибирь-2007» в Барнауле, на выставке демонстрировалось 47 работ 31 автора. Художники Кузбасса приняли активное участие в мероприятиях, посвященных 60-летию празднованию Дня шахтера. Были подведены итоги конкурса общественного фонда «Шахтерская память» им. В. П. Романова в области культуры и искусства. В музее-заповеднике «Красная Горка» состоялось открытие новой экспозиции – модели подземной шахты. Ее авторами стали кемеровские художники: В. Я. Атучин, П. Д. Веремсев, А. С. Ротовский, С. М. Юрков, Е. Н. Бабкина.

В августе и сентябре прошли юбилейные персональные выставки: Заслуженного работника культуры РФ А. Ф. Капорушкина, посвященная 70-летию со дня рождения, и Заслуженного художника РФ Н. М. Шемаро-

ва, посвященная 80-летию юбилею автора.

Изданы каталоги художников А. С. Чернова, Заслуженного художника РФ Н. М. Шемарова и буклет Заслуженного художника РФ И. И. Филичева.

Народное творчество, несомненно, является важнейшим компонентом современных культурных процессов. Так, Кемеровский областной центр народного творчества и досуга в 2007 году продолжил работу в рамках реализации регионального национального проекта «Культура» по следующим приоритетным направлениям:

- пропаганда среди молодежи семейных ценностей, содействие реализации творческих способностей и гармоничному развитию личности, воспитания гражданского становления молодежи.

- реализация областных и всероссийских культурных проектов и программ в сфере художественного творчества и любительского искусства;

- сохранение и восстановление традиционной народной культуры Кузбасса;

- работа по методическому обеспечению процессов сохранения и развития народного художественного творчества (семинары, мастер-классы, выставки, смотры-конкурсы и др.).

Основными задачами культурно-досуговых учреждений были:

- приобщение жителей области к искусству,

- развитие творческих способностей населения,

- организация досуга детей и взрослых,

- просветительская деятельность с целью воспитания духовно и физически здоровых граждан.

В области приняло участие в мероприятиях на платной основе и в любительских объединениях **3308158** человек. Анализ проводимой работы

показал увеличение численности клубных формирований. Если в 2006 году в области работало 8857 клубных формирований, то в 2007 году – **9034**, на 82 формирования больше. Из них 4907 – это клубные формирования в сельской местности.

Коллективы художественной самодетельности музыкального, хореографического, театрального, фольклорного направлений объединяли около 73599 человек. В области работало 4551 детских коллектива. В них занимались 65149 детей и подростков.

Самым популярным жанром в области по-прежнему остается хореографический. Это еще раз подтвердил традиционный **конкурс детских хореографических коллективов на призы Администрации Кемеровской области и редакции газеты «Труд»**.

Танцевальный марафон открыл XXXVII **областной конкурс хореографических коллективов**, зональные туры которого состоялись в городах Новокузнецке, Ленинске-Кузнецком, Березовском. Свое творчество представили 97 ансамблей. Главный приз Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева завоевал коллектив классического танца «Эскизы» детской школы искусств № 19 г. Кемерово (руководитель Агейчикова Л. В.). Главный приз редакции газеты «Труд» – ансамбль эстрадного танца, шоу-группа «Мастер» Дворца культуры им. Ленина г. Междуреченска (руководитель В. Н. Блохин).

В рамках конкурса коллективов прошел **VI конкурс балетмейстеров**, по итогам которого диплом лауреата присужден А. К. Степановой (г. Кемерово) за создание хореографического номера «Одуванчик».

30, 31 марта и 1 апреля эстафету танцевального праздника подхватил **XXXVII Всероссийский конкурс хореографических коллективов**. Его география была представлена следую-

щими территориями: г. Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск, Ангарск, Курган, Челябинск, Барнаул, Горно-Алтайск Республики Алтай. Кемеровскую область представляли 10 ансамблей.

Главный приз Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева завоевал образцовый коллектив, хореографический ансамбль «Таусень» «Клуба танца» г. Березовского (руководитель – Заслуженный работник РФ Л. П. Терехова). Главный приз редакции газеты «Труд» присужден образцовому коллективу, хореографическому ансамблю «Сюрприз» детского-юношеского центра Индустриального района г. Барнаула (руководитель – С. В. Петрова). Все ансамбли, представлявшие Кемеровскую область на всероссийском празднике танца, завоевали достойные награды.

С целью популяризации художественными средствами героической истории Отечества, воспитания уважения молодого поколения к памяти защитников Родины, развития патриотических чувств, повышения художественного уровня репертуара и мастерства участников творческих коллективов Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, ГУК «Кемеровский областной центр народного творчества и досуга» провели областной фестиваль ветеранов войны и труда **«Пусть годы память не остудят»**.

В феврале-марте 2007 г. в п. Чкаловском Ленинска-Кузнецкого района, п. Тисуль Тисульского района, г. Мыски состоялись отборочные туры этого творческого форума. В нем приняли участие более 70 творческих коллективов, солистов, чтецов. Более 1500 человек из городов и районов области демонстрировали зрителям свое мастерство.

5 октября 2007 г. во Дворце культуры шахтеров г. Кемерово состоялся заключительный концерт фестиваля лучших коллективов центральной части

и севера Кузбасса из гг. Юрги, Анжеро-Судженска, Кемерово, Тайги, Топок; Яйского, Чебулинского, Тисульского, Тяжинского, Кемеровского, Ленинска-Кузнецкого, Ижморского, Промышленновского, Крапивинского, Юргинского районов. 14 октября во Дворце культуры «Алюминщик» г. Новокузнецка на заключительном концерте выступали победители юга области из Белово, Мыски, Таштагола, Ленинска-Кузнецкого, Междуреченска, Киселевска, Прокопьевска, Новокузнецка, Прокопьевского, Гурьевского и Новокузнецкого районов.

В марте 2007 г. состоялся **I областной детский фестиваль-конкурс джазовой музыки «Блюз под снегом»**. Более 80 юных исполнителей из городов Осинники, Калтан, Прокопьевск, Новокузнецк, п. Темиртау Таштагольского района, п. Малиновка г. Осинники исполняли джазовые композиции. По инструментальному составу джазовые ансамбли были представлены достаточно разнообразно: саксофон, фортепиано, аккордеон, гитара, синтезатор, ритм-секция. Форум выявил новые талантливые имена: Николай Ахияров, Артем Ярощук (г. Осинники), Александр Путятин, Александр Черемнов, Светлана Федулова (г. Новокузнецк), София Мухитдинова (г. Осинники), Артем Борович (г. Новокузнецк). В репертуаре музыкантов присутствовали интересные аранжировки, новые произведения, особая манера интонации и артикуляции. Музыканты и педагоги ставят задачи дальнейшего развития этого жанра, поиск новых подходов и выразительных средств.

С целью выявления новых юных имен талантливых исполнителей, развития их творчества, совершенствования профессионального мастерства 6–8 апреля в г. Мыски Кемеровской области прошел **XIX Всероссийский детско-юношеский конкурс эстрад-**

ной песни «Радость – 2007». За 19 лет его участниками стали свыше 3 тысяч человек из разных регионов нашей страны. 179 участников и 43 коллектива из Новосибирска, Красноярска, Нижнего Тагила, Челябинска, Республики Хакасия, Алтайского края оспаривали Гран-при конкурса, а также приз имени В. П. Гольмана – основателя конкурса. В число участников Всероссийского конкурса «Радость» вошли 16 лучших исполнителей областного одноименного конкурса. В Междуреченске состоялся областной одноименный песенный форум, в котором принимали участие детские и юношеские коллективы и отдельные исполнители в возрасте от 5 лет до 21 года. Участниками областного конкурса стали 257 человек из 23 территорий области.

28 апреля в г. Белово прошел **музыкальный фестиваль-конкурс «Апрельский марш-2007»**. На протяжении одиннадцати лет это мероприятие имело статус городского фестиваля-конкурса, а в 2007 году он стал областным. В «Апрельском марше» приняли участие коллективы различных жанров эстрадной музыки: рок-группы, вокально-инструментальные ансамбли, эстрадные оркестры из городов Белово, Осинники, Мыски, Ленинск-Кузнецкий, Киселевск, Мариинск, Прокопьевск, Междуреченск, Томск, Горно-Алтайск, п. Промышленная.

С целью реализации творческих способностей, повышения художественного уровня репертуара, популяризации хорового искусства, повышения исполнительского мастерства участников, Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, ГУК «Кемеровский областной центр народного творчества и досуга» раз в два года проводят областной фестиваль-конкурс хоров и ансамблей **«Живи, Россия, здравствуй!»**. Впервые была введена номинация «академический хор»

и «академический ансамбль». В нем приняли участие 98 коллективов (хоры и ансамбли) академического и народного направлений со всех территорий Кемеровской области, более 1500 человек демонстрировали зрителям свое мастерство. 19 мая в городском Дворце культуры г. Гурьевска состоялся заключительный концерт фестиваля-конкурса с участием 27 лучших творческих коллективов Кемеровской области.

9 мая 2007 г. в Парке Победы им. Жукова г. Кемерово прошел **заключительный концерт областного фестиваля солдатской песни «Виктория»**. Организаторы фестиваля – Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, Кемеровский областной центр народного творчества и досуга, Кемеровская областная организация Российского Союза ветеранов Афганистана. В апреле в гг. Киселевске и Топки состоялись зональные туры этого мероприятия. В них участвовало свыше двухсот исполнителей – лучшие солисты и коллективы из городов Осинники, Новокузнецк, Мыски, Салаир, Прокопьевск, Киселевск, Юрга, Белово, Ведовского, Топкинского, Юргинского, Промышленновского, Мариинского, Тисульского, Тяжинского районов, Краснобродского, Вахрушевского, Кедровского угольных разрезов. Песни военных лет и советские хиты 60–70-х годов, исполненные самодельными артистами, были восторженно встречены благодарными кемеровчанами. На сцене выступали участники локальных войн в Чечне и Афганистане, а также дети и подростки – участники клубов военно-патриотического воспитания.

В 2007 году в рамках празднования Дня шахтера Кемеровский областной центр народного творчества и досуга совместно с творческими самодельными коллективами провел ряд мероприятий. Одним из этапов подго-

товки стало объявление о проведении **областного телевизионного конкурса «Шахтерская звезда»**. В течение двух недель было подано более 80 заявок. В I туре конкурса приняли участие жители Кемеровской области без ограничений по возрасту и роду занятий, представив свой номер или работу в любом жанре и направлении народного творчества с шахтерской тематикой. Представленные номера и работы радовали разнообразием жанров: поэзия, ДПИ и ИЗО, документальные фильмы на шахтерскую тему, видеоклипы, литературно-музыкальные композиции. Наибольшее предпочтение конкурсанты отдали песенному жанру, посвященному шахтерскому труду. 15 августа во Дворце культуры шахтеров состоялся Гала-концерт и церемония награждения победителей областного телевизионного конкурса «Шахтерская звезда».

В области также получили распространение фестивали эстрадной музыки, джаза, рока. В них преобладали исполнительские конкурсы. В августе 2007 г. духовые оркестры из городов Белово, Киселевска, Юрги, Междуреченска, Прокопьевска, Кемерово, Мариинска, Яшкинского района собрались для участия в **областном фестивале духовых оркестров «Серебряные трубы»** и сопровождения торжеств, посвященных Дню шахтера. Такие коллективы, как духовой оркестр ДК «Красная горка» г. Прокопьевска (рук. Д. Н. Дурновцев), образцовый коллектив, духовой оркестр ДК им. 50-летия Октября г. Кемерово (руководитель – Заслуженный работник культуры РФ Н. Я. Юшин), народный коллектив, духовой оркестр ДК «Победа» г. Юрги (рук. Р. Н. Циркин), народный коллектив, духовой оркестр ДК им. Ленина г. Междуреченска (рук. В. А. Черницов) и многие другие показали возросший уровень исполнительского искусства.

В рамках данного фестиваля областной учебно-методический центр работников культуры и искусства совместно с Кемеровским областным центром народного творчества и досуга провели **курсы повышения квалификации для руководителей по классу духовых инструментов и руководителей духовых оркестров и ансамблей Домов культуры и клубов области**.

В октябре 2007 г. Департамент культуры и национальной политики, ГУК «Кемеровский областной центр народного творчества и досуга» провели **областной фестиваль-конкурс самодеятельных композиторов «Песни земли Кузнецкой»**, посвященный 65-летию образования Кемеровской области. 60 композиторов из городов Кемерово, Новокузнецка, Мыски, Ленинск-Кузнецкого, Таштагола, Тайги, Тисульского, Тяжинского, Яйского, Крапивинского районов представили свыше 100 сочинений, прославляющих Кузбасс, шахтерский труд, природу родного края. Лауреаты и победители были объявлены на заключительном концерте в г. Кемерово в январе 2008 г. накануне празднования 65-летия со дня образования Кемеровской области.

С 6 по 9 ноября в Новокузнецке состоялся **областной фестиваль любительских театров «Театральные встречи в Кузбассе»**, на котором представили свое творчество 15 лучших коллективов из 12 территорий Кемеровской области. Среди них как именитые, так и дебютанты. Гран-при фестиваля завоевал народный камерный театр «Тет-а-тет» ДК имени Ленина г. Междуреченска (рук. Л. Костылев).

В 2007 г. впервые состоялся **I областной фестиваль хореографических коллективов сельских территорий Кемеровской области «Хоровод дружбы»**. Фестиваль ставил своей целью поднять уровень исполнительского мастерства хореографических коллекти-

вов сельских территорий области; а также дать возможность балетмейстерам показать лучшие образцы своего творчества, лучшие национальные обычаи и традиции культур разных народов через танец. В фестивале приняли участие 18 коллективов из 12 сельских территорий нашей области. Каждый коллектив-участник был награжден дипломом за участие, лучшие получили дипломы «За высокое исполнительское мастерство».

В Кузбассе всегда уделялось большое внимание со стороны клубных учреждений области работе по организации семейного досуга. 2007 г. в Кузбассе был объявлен «Годом Семьи». Мероприятия по организации семейного досуга, проходящие в клубных учреждениях в отчетном году, были посвящены этому замечательному событию. Стремительный рост интереса к данному направлению сделал работу с семьей одним из приоритетных направлений культурно-досуговой деятельности.

Как никогда ранее, перед работниками культуры встал вопрос об активизации работы по повышению социального статуса семьи в современном обществе, сохранению и развитию традиций семейного творчества, улучшению качества и увеличению количества мероприятий для данной категории населения.

Муниципальными органами управлений культуры городов и районов области были разработаны комплексные программы, направленные на организацию семейного досуга – «Семья», «Крепка семья – крепка держава», «Работа с семьей», «Здоровая семья – крепкая Россия» и т. п. Цель программ – способствовать формированию основ семейной политики, всестороннему укреплению института семьи как формы наиболее рациональной жизнедеятельности личности и ее нормальной социализации.

В мае 2007 года Кемеровский областной Центр народного творчества и досуга провел **конкурс самодеятельного творчества шахтерских семей «Имя твое – Шахтер»**, в котором приняли участие более 50 шахтерских семейных коллективов. 14 из них вышли в финал в творческих состязаниях, отстояв право называться «Лучшая творческая семья Кузбасса». На заключительном Гала-концерте вместе с победителями конкурса выступили профессиональные артисты – «звездные» семьи Кузбасса: Григорьевы из г. Прокопьевска, Добрица, Селиверстовы, Штыпс-Карповы из г. Кемерово.

Накануне Международного Дня Матери в концертном зале областного Центра народного творчества и досуга состоялся праздничный **концерт победителей конкурсов семейного творчества последних лет – «Дружная семья – единая Россия»**.

Важным достижением 2007 года является то, что в городских и сельских учреждениях культуры разовые, случайные мероприятия по организации семейного досуга уступили место планомерному программному подходу. В результате возросла активность участия семей в культурной и общественной жизни, стал более устойчивым интерес членов семей к включению в разнообразные формы досуга.

Количество мероприятий учреждений культуры клубного типа по организации семейного досуга в 2007 году увеличилось по сравнению с предыдущим годом на **1867**, а число участников на **403449** и составило **13607** мероприятий и **1570079** посетителей. Эти цифры свидетельствуют о росте интереса семей к мероприятиям, проводимым для них, и с их активным участием.

В декабре состоялся традиционный и ставший одним из самых любимых новогодних мероприятий – **областной конкурс «Лучший Дед Мороз Кузбас-**

са – 2007». Среди конкурсантов – участники художественной самодеятельности и профессиональные актеры, педагоги и студенты, сельские труженики и шахтеры, представители рабочих профессий из 9 городов и 5 районов области. В конкурсе впервые приняли участие «национальные» Деда Морозы – немецкий из г. Мариинска и шорский из г. Мыски. Ежегодно конкурс проводится под патронажем Губернатора А. Г. Тулеева и всесторонней поддержке Администрации области. Все участники акции были отмечены областными наградами. Победитель – актер Кемеровского театра для детей и молодежи Денис Казанцев – получил эксклюзивный костюм Деда Мороза и денежную премию в размере 10 тысяч рублей. Также «Лучший Дед Мороз» Кузбасса за талант, добро и радость, которые он щедро дарит людям распоряжением Губернатора был награжден медалью «За Веру и Добро».

В 2007 году при Кемеровском областном центре народного творчества и досуга создан областной координационный Совет мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства, в состав которого вошли специалисты центра, директора Центров ремесел области, руководители творческих объединений и клубов, народные мастера. По решению Совета создана областная электронная картотека мастеров ДПИ и ИЗО, в которой зарегистрировано мастеров ДПИ: 223 – в городах и 164 – в сельских поселениях; самодеятельных художников: 174 – в городах и 70 – в селах (в клубах и индивидуально).

Продолжается традиция проведения фольклорных праздников на территориях области. В этом году Всекузбасский фестиваль – конкурс собирателей и исполнителей фольклора «Музыкальный ларец» проведен в Топкинском районе в селе Усть-Сосново, в нем приняло участие 36 лучших фольклорных

коллективов области, что на 14 коллективов больше, чем в предыдущем году.

В городе Березовском успешно прошел региональный детско-юношеский **фестиваль-конкурс «Рождество в Березовском»**. В нем приняло участие 17 детских ансамблей пашей области и 2 коллектива из Иркутской области. Даны благотворительные Рождественские концерты в приютах и детских Домах, в ДК шахтеров г. Березовского и г. Кемерова. Всего – 16 концертов, в которых приняло участие более 3000 зрителей.

В 2007 году в р. п. Ижморский проведен **I областной детский фестиваль-конкурс «Троицкие забавы»**, в рамках которого прошел конкурс «Троицкая красавица». А среди мастеров декоративно-прикладного искусства в Мариинске проведен областной семинар-практикум «Фольклор Кузбасса».

Особое внимание было уделено открытию Центров традиционной культуры и ремесел, комнат национального быта в Мариинском, Чебулинском, Прокопьевском, Крапивинском, Ленинск-Кузнецком, Беловском районах; в Междуреченске, Прокопьевске, Кемерово. Организованы областная выставка произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства «Мастер на вес руки», областная выставка-ярмарка декоративно-прикладного и изобразительного искусства «Кузбасский сувенир», областная выставка-конкурс «Вышитая картина», пленэр художников-любителей Кемеровской области, областной фестиваль-конкурс самодеятельного художественного творчества людей с ограниченными физическими возможностями.

С января по ноябрь КОЦНТИД провел **III областной смотр информационной деятельности методических кабинетов муниципальных органов управления культуры**. Участниками выступили как коллективы методкабинетов муниципальных органов управления культур

туры, так и отдельные авторы. Лучшей работой были признаны видеофильмы «Поэзия и проза мастера Булахова» (о народном умельце из с. Красные Орлы Кемеровской области) и «Родники» (о хранительнице традиций села Камышинка Кемеровской области и детском творческом объединении «Родничок» при сельском клубе). Эти работы благодаря поддержке КОЦНТИД были показаны на Всероссийском фестивале видеофильмов по народному творчеству, традиционной культуре и этнографии в г. Байкальске Иркутской области.

С октября 2006 г. Кемеровский областной центр народного творчества и досуга проводит широкомасштабную акцию «Культура села Кузбасса». Важнейшей целью этого мероприятия является реализация основных приоритетов регионального национального проекта «Культура», обобщение опыта работы, выявление проблем в деятельности сельских клубных учреждений и оказание действенной помощи в их решении. За период с октября 2006 г. по декабрь 2007 г. рабочая группа, состоящая из специалистов Кемеровского областного центра народного творчества и досуга, познакомилась с деятельностью сельских клубов и домов культуры Топкинского, Кемеровского, Крапивинского, Новокузнецкого, Ведовского, Беловского, Гурьевского, Промышленновского, Чебулипского, Ленинск-Кузнецкого районов.

Кемеровский областной центр народного творчества и досуга совместно с областным учебно-методическим центром, Кемеровский государственным университетом культуры и искусств провели двухгодичную областную школу методистов муниципальных управлений культуры, творческую лабораторию балетмейстеров, школу ведущих игровых программ «Час веселых затей».

В 2007 г. в качестве методического материала изданы репертуарный сбор-

ник «Кузбасс и Россия» В. А. Крайнева к 65-летию Кемеровской области, каталог «Кузбасский сувенир» с красочными иллюстрациями работ мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства, сборник стихов «Поэзия искусство ореол» И. В. Белявского. В настоящее время завершена работа над сборником «Кузбасская частушка», куда вошли частушки, записанные в городах и районах Кемеровской области. Это практическое пособие предназначено для формирования и развития навыков и умений исполнителей народного пения, для руководителей самостоятельных творческих коллективов.

Разработана региональная целевая программа по сохранению и восстановлению традиционной народной культуры Кузбасса на 2007–2010 гг. Ее цель – перенаправление научных, методических, организационных усилий, финансовых средств в сторону культуры села и, вместе с тем, переориентация деятельности учреждений культуры села на решение проблемы сохранения и восстановления собственных культурных традиций.

Для общественного продвижения регионального проекта «Культура» по направлению народное творчество и культурно-досуговая деятельность все мероприятия Центра освещали средства массовой информации – ГТРК «Кузбасс», NTSC, СТС, радио «Новый Арбат», газеты «Кузбасс», «Наша газета», «С тобой», «Комсомольская правда», «Губернские ведомости», «Кузнецкий край», «Российская газета», центральные издания – журналы «Клуб», «Встреча», сайты Российского Дома народного творчества, «Культура Кузбасса».

За отчетный период Кемеровский областной центр народного творчества и досуга провел 113 мероприятий, включающих фестивали, конкурсы, выставки, ярмарки, из них плановых – 69, внеплановых – 44.

В соответствии с целями и задачами Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области в сфере национальной политики в 2007 году для **повышения эффективности работы национальных объединений**:

– оказывалась организационная и административно-правовая помощь;

– осуществлялась разработка методических рекомендаций по вопросам совершенствования форм и методов работы с национально-культурными организациями для работников муниципальных органов, методических пособий для руководителей творческих коллективов.

– было проведено 6 заседаний **Координационного Совета** национальных общественных объединений. В том числе два заседания с участием Заместителей Губернатора области.

Для **укрепления взаимопонимания между национальными объединениями и сохранения национального мира и стабильности в регионе** оказывалось содействие в создании новых областных общественных организаций. В 2007 году создано 3 новые организации:

– «Русско-немецкий центр г. Киселевска Кемеровской области»,

– «Кемеровская областная общественная организация «Общество еврейской культуры»,

– Кемеровская региональная общественная организация «Центр Славянской культуры «Лад».

Одним из основных направлений деятельности департамента в сфере национальной политики является работа по развитию **международных, межнациональных и межрегиональных связей**. В связи с этим организовано и проведено:

- курсы повышения квалификации художественных руководителей национальных коллективов с привлечением

специалистов из городов Казани и Екатеринбурга;

- курсы повышения квалификации художественных руководителей татарских национальных культурных центров с приглашением преподавателей из городов Казани и Екатеринбурга;

- курсы повышения в Школе традиционной национальной культуры.

- участие в работе III Всемирного Форума татарской молодежи в г. Казань Кемеровской татарской региональной общественной организации «Национальный культурный центр «Ихлас»;

- участие в Региональных фестивалях немецкой культуры, Областном татарском празднике «Сабантуй» творческих коллективов из Новосибирска, Омска, Казани и Москвы.

- участие национальных общественных шорских организации на выставке-ярмарке на ВВЦ г. Москва;

- участие русского фольклорного коллектива Беловского района в фестивале фольклорных коллективов в г. Красноярск «Я люблю тебя Россия»;

- участие русского фольклорного коллектива «Параскева Пятница» г. Новокузнецк в международном фестивале фольклорных коллективов «Софийская весна» (Республика Болгария);

- участие во Всероссийском фестивале «Саянское кольцо» в селе Шушенское Красноярского края солистки телеутского фольклорного коллектива «Солоны»;

- участие в фестивале тюркских народов в городе Абакан шорского национального коллектива «Чылтыс»;

- участие в фестивале танцевальных коллективов «Сердце Азии» г. Кызыл, Республика Тыва телеутского детского творческого коллектива «Кунучек».

Продолжена **работа по сохранению родного языка и традиций народов, проживающих в Кузбассе**. Изданы: сборник стихов Т. В. Тудеге-

шевой «Полет девятиглазых стрел», учебник телеутского языка «Родное слово», методическое пособие для руководителей шорских и телеутских национальных коллективов. На базе Таштагольского района организована ежегодная языковая деревня «Каратаг», в 2007 году 27 детей познакомились с традиционной шорской культурой и языком. Для желающих знать обычаи и традиции армянского народа на базе Кемеровской общеобразовательной школы № 77 продолжает работать воскресная школа.

С целью укрепления дружбы между народами области, сохранению и развитию самобытной национальной культуры в области Департаментом проведены **национально-культурные и просветительские мероприятия:**

- «Мылтык» (п. Мундыбаш, Таштагольский район);
- «Пайрам» – шорский национальный праздник (г. Осинники);
- «Пардакай» телеутский национальный праздник (г. Белово);
- Областной детский фестиваль национальных культур (Ижморский район);
- Областной национальный татарский праздник «Сабантуй» (Прокопьевский район);
- Губернаторский прием «День народного единства»;
- Губернаторская Национальная елка.
- Городские и районные праздники – «Дни шорской культуры», «Дни телеутской культуры».
- Ежегодный детский фольклорный фестиваль творческих коллективов коренных народов Кузбасса,
- Ежегодная Спартакиада коренных малочисленных народов,
- Областной турнир по национальной борьбе «Куреш», посвященный Герою Советского Союза А. С. Четонову,

- Областные Торбоковские чтения «Торбоковская яркая звезда» (г. Осинники).

Была продолжена работа **по воспитанию среди подростков чувства уважения и терпимости к народам, различным этническим группам.** Для этого оказано содействие в организации и проведении летнего отдыха детей в Греции, а также в г. Кемерово на базе ДК «Строителей» – традиционная национальная лагерная смена «Дружный».

Областными наградами, целевыми премиями и другими видами поощрений отмечены 600 активистов национальных объединений.

Особым направлением деятельности Департамента стала **работа с коренными малочисленными народами.**

Для укрепления и развития социально-экономического положения коренных народов Департамент включен в **федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.».**

В 2007 году привлечено 5,5 млн руб. из средств федерального бюджета, а также выделены средства областного бюджета в размере 10,4 миллионов рублей. За счет выделенных средств: продолжено строительство водопровода на ул. Телеут г. Белова (освоено 9,2 млн руб.); построен дом для семьи молодого специалиста в отдаленном поселке Ортоп г. Междуреченска (освоено 1,73 млн руб.); приобретена техника для транспортного обеспечения отдаленных поселков; закуплены лекарственные средства для фельшерско-акушерских пунктов в местах компактного проживания коренных малочисленных народов.

На протяжении ряда лет в области действует региональная целевая программа **«Социально-экономическое развитие наций и народностей в Ке-**

меровской области», объемы финансирования которой утверждаются ежегодно в областном бюджете.

Вложенные в реализацию программных мероприятий средства позволили:

- продолжить медицинское обследование коренных малочисленных народов с целью профилактики и выявления заболеваний на ранней стадии;

- увеличить число участников традиционных национальных праздников, творческих коллективов, развить детское творчество;

- оснастить центры национальных культур необходимым оборудованием, что повысило эффективность их работы с населением;

- поддержать национальные виды спорта.

Кроме того, привлечены внебюджетные источники финансирования. На эти средства построен ФАП в п. Чувашка (г. Мыски), оснащен компьютерной техникой специализированный класс в средней школе – № 77 г. Кемерово.

В 2008–2010 годах в области национальных вопросов поставлены задачи укрепления и расширения достигнутых в 2007 году результатов, а также выдвинут ряд новых задач:

- строительство трех многоквартирных домов для молодых специалистов из числа коренных малочисленных народов в отдаленных поселках Таштагольского района;

- приобретение техники для отдаленных поселков Таштагольского района;

- открытие новых центров традиционной культуры, создание националь-

ных мастерских по развитию народных промыслов;

- увеличение обеспеченности мест компактного проживания коренных народов высококвалифицированными специалистами на десять процентов;

- с целью выявления зон возможных конфликтов на национальной почве продолжены этнологические экспертизы в местах компактного проживания коренных народов.

Для более эффективного достижения целей, поставленных в области национальной политики в 2008–2010 годах, продолжена работа по включению ряда мероприятий в соглашения, заключаемые между Администрацией Кемеровской области и собственниками предприятий, осуществляющих хозяйственную деятельность в местах компактного проживания коренных малочисленных народов.

В заключение следует отметить, что в рамках журнальной статьи трудно полностью осветить многогранную деятельность Департамента культуры и национальной политики по консолидации культурных процессов на территории такого крупного промышленного региона, как Кузбасс. Но основные направления деятельности Департамента в рамках тематики, разрабатываемой институтом прикладной культурологии при Кемеровском государственном университете культуры и искусств, как с точки зрения информации, так и с точки зрения проблем, которые предстоит решать ученым культурологам, в данной статье изложены.

III. КОНФЕРЕНЦИИ. ФЕСТИВАЛИ. КОНКУРСЫ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЛАСТНЫХ МАСТЕР-КЛАССОВ ПО РАЗВИТИЮ ПОВСЕДНЕВНЫХ КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ СЕМЕЙНЫХ ПРАКТИК

Е. С. Кузнецова

6 марта 2008 г. на базе МОУ ДОД «Дом творчества Рудничного района г. Кемерово» состоялась презентация областного проекта культурологических мастер-классов в рамках года Семьи «Культурология: от теории к практике» под руководством Безрученковой О. А. и Кузнецовой Е. С.

Проект выполнен в рамках гранта Губернатора Кемеровской области молодым ученым (2008 г.) и областного гранта на поддержку реализованных студенческих социально-значимых проектов (2008 г.)

Программа проекта предусматривала: выступление автора проекта – Безрученковой О. А., «Почетного работника образования», лауреата Всероссийского конкурса «Педагогические инновации», а также областных и городских конкурсов, обладателя медали им. Я. Корчака, а также представление региональной инновационной составляющей проекта кандидата культурологии Кузнецовой Е. С.

Встретив самый теплый отклик у аудитории, Кузнецова Е. С. представила собравшимся сборник научных статей и методических материалов «Культурология: от теории к практике». В них

опубликован многолетний опыт автора по реализации основных направлений культурологии художественного образования в образовательных учреждениях области.

Кульминацией программы стал показ фильма, посвященного кемеровскому опыту организации инновационных семейных творческих мастер-классов, который был подготовлен студентами КемГУКИ в рамках грантового проекта. В завершении гостям была предложена яркая экспозиция семейных проектов, выполненных родителями совместно с учащимися «Школы волшебства».

Авторам проекта удалось с успехом реализовать заявленную цель проекта – активизировать работу с кузбассовцами по развитию форм гражданской инициативы и самоорганизации на базе образовательных и научных центров области и города, что было отмечено в выступлениях гостей. Отметим, что среди задач проекта особого внимания заслуживают стремления:

- выявить потенциал авторских культурологических программ для системы дополнительного художественного образования по работе с различными адресными аудиториями;

- обратить внимание специалистов и общественности на необходимость включения в конкурсные номинации системы дополнительного образования проекты, отражающие принципы культурологии образования, философии согласия и соразвития (взаимного развития) с учетом конкретного этапа развития и потенциала каждого участника;

- содействовать возрождению традиций семейного художественного чтения и принципов православной семейной педагогики;

Был принят проект к участию во Всероссийских и международных конкурсах, выставках, форумах.

В этой связи отрадно, что по итогам презентации молодые исследователи и практики получили предложение от управления ГУФСИН на организацию совместной экспозиции в рамках международных выставок «ЭКСПО-СИБИРЬ» и «Кузбасский образовательный форум» в 2008 г., а представители епархии обсудили возможность участия коллектива Кузнецовой Е. С. и Безрученковой О. А. в юбилейной выставке «Святая Русь – Великая Россия».

Подобный интерес оправдан новизной проекта. Авторами в формате «литературных путешествий» созданы и апробированы в массовые повседневные пространства для становления навыков позитивного, активного неконфликтного семейного общения и творческого диалога поколений. Преимущество предлагаемого проекта в том, что он стимулирует привлечение в просветительские и образовательные учреждения области и города приток высококвалифицированных специалистов – ученых, педагогов-новаторов, активно осуществляющих масштабную инновационную деятельность.

Как справедливо отметила в своем выступлении директор МОУ ДОД «Дом творчества Рудничного района г. Кемерово» Буданцова Г. П., расширенные партнерские отношения системы дополнительного образования с выпускающими кафедрами КемГУКИ обусловлено принципами Федеральной целевой программы развития образования и регионального проекта «Культура». Увеличение численности выпускников КемГУКИ (модераторов, культурологов-превентологов) образовательных учреждений, трудоустроившихся в течение первого года по полученной специальности в систему дополнительного художественного образования города и области, отражает одно из приоритетных направлений данных целевых программ.

В обсуждении презентации также приняли участие почетные гости: Черданцева Е. В. – зам. начальника ГУО г. Кемерово, священник Сергей Семенов – руководитель отдела по делам молодежи Кемеровской и Новокузнецкой Епархии, председатель детской организации «Братство православных следопытов», Двуреченская А. С. – зам. зав. кафедрой культурологии и зам. зав. лабораторией НИИ прикладной культурологии КемГУКИ, Кононенко О. С. – зав. кабинетом дополнительного образования МОУ ДПО «Научно-методический центр г. Кемерово», Лысенко Г. А. – зав. кабинетом руководящих кадров МОУ ДПО «Научно-методический центр г. Кемерово», Шевченко М. А. – инструктор отдела воспитательной работы с осужденными ГУФСИН России по Кемеровской области, которые подчеркнули беспрецедентный уровень организации и качества подготовки мероприятия.

Как отметили родители, присутствовавшие на проекте и оказавшие немалую помощь и поддержку организаторам, открывающиеся нетрадиционные возможности предлагаемых повседневных практик заключены в крайне востребованном, но нивелированном на протяжении последних десятилетий неформальном общении, практическом взаимодействии и овладении навыками построения конструктивных взаимоотношений, в том числе и созданию нового уровня взаимопонимания в семье, способствующих ее укреплению. Хотелось надеяться, что подобная частная инициатива будет не только своевременно оценена, но и поддержана на всех уровнях, поскольку благодаря запуску предлагаемого проекта у кузбассовцев появляется возможность реализации так называемого принципа самоорганизованного образования и просвещения.

В этой связи важно отметить, что расширение направлений прикладных исследований на договорных основаниях – редкая, а потому ценная составляющая работы вуза культуры. Отрадно, что вклад молодых ученых, их инициатива и ответственность становятся своего рода показателями не только перехода КемГУКИ на новый уровень подготовки специалистов. Как показывают поступившие в текущем году выпускникам-культурологам пред-

ложения о трудоустройстве в систему дополнительного художественного образования города, подобная деятельность культурологов-превентологов и модераторов может стать той почвой, на которой можно вести серьезные фундаментальные исследования, поскольку уже сегодня осознанная необходимость профессионального сообщества области активизировать социокультурную работу с кузбассовцами по развитию форм гражданской инициативы и самоорганизации на базе культурно-просветительских и образовательных центров области – специфических «точек роста» – от ДК, сельских клубов, школ до исправительных учреждений ГУФСИН. Работа в данном направлении под руководством Кузнецовой Е. С. уже начата (подписан договор о научно-практическом сотрудничестве между КемГУКИ, учреждениями ГУФСИН и МОУ ДОД «Дом детского творчества Рудничного района г. Кемерово») в рамках реализации на территории области основных задач ФЦП «Образование» регионального целевого проекта «Культура». Так, с 2006 г. идет работа по проекту становления «Кузбасских Центров регуляции полноты жизни», предложенных Н. И. Шелейковой и В. П. Грибашевым.

ОБЛАСТНОЙ КОНКУРС ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
НАРОДНОЙ ПЕСНИ «СИБИРСКАЯ ЗВОННИЦА»

И. А. Сечина

11 мая 2008 г. в Областном Центре дополнительного образования детей состоялся финал конкурса исполнителей народной песни «Сибирская звонница»

Конкурс проходил в два этапа: отборочный тур и финал. Экспертиза присланных на конкурс видеоматериалов проходила до 7 апреля 2008 года. В отборочном этапе приняли участие 39 образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования Кемеровской области, из них участвовало 44 ансамбля и 56 солистов. По результатам видеоотбора в финал вышли 27 фольклорных ансамблей и 29 солистов из таких городов и районов области, как: г. Кемерово, г. Новокузнецк, г. Мариинск, г. Юрга, г. Прокопьевск, г. Анжеро-Судженск, г. Ленинск-Кузнецкий, г. Киселевск, г. Междуреченск, г. Белово, п. Зеленогорский Крапивинский р-н, п. Карагайлинский г. Киселевск, п. Трудармейский Прокопьевский район, Кемеровский район, Тяжинский район.

Участников конкурса оценивала экспертная группа в следующем составе:

1. Соловьев Александр Владимирович – заслуженный артист России, лауреат национальной премии «Душа России», лауреат премии Кузбасса, доцент кафедры народного хорового пения Кемеровского государственного университета культуры и искусств, художественный руководитель ансамбля «Скоморохи».

2. Соловьева Ирина Витальевна – старший преподаватель кафедры на-

родного хорового пения Кемеровского государственного университета культуры и искусств, хормейстер ансамбля «Скоморохи».

3. Григорьянц Татьяна Александровна – доцент кафедры режиссуры театра и актерского мастерства Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

4. Пономаренко Елена Валерьевна – заместитель директора по УВР ГОУ ДОД «Областного центра дополнительного образования детей».

5. Сечина Инга Анатольевна – доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Критериями оценки являлись:

- исполнительское мастерство;
- сценическая культура;
- постановка концертных номеров;
- художественная выразительность.

Анализ победителей за период 2006–2008 гг. показал, что в течение ряда лет лучшими фольклорными коллективами учреждений дополнительного образования Кемеровской области являются образцовые детские коллективы «Сибирочка» (г. Новокузнецк), «Задоринка» (г. Междуреченск); фольклорный ансамбль «Русинка» (г. Прокопьевск), «Жаворонушки» (г. Юрга), фольклорный ансамбль «Бубенцы» из (г. Ленинск-Кузнецкий). Они из года в год подтверждают свои высокие творческие заслуги. Ежегодно радуют своими победами в конкурсе солисты

фольклорных ансамблей «Желаннушка» (г. Киселевск) и «Добродея» (г. Кемерово).

Специальными дипломами были отмечены такие коллективы:

«За возрождение традиций казачества» – Ансамбль казачьей песни «Станица» Детского дома-школы № 35 г. Анжеро-Судженск, руководитель Чуверов А. Л.

«За сохранение народно-певческих традиций» – Фольклорный ансамбль «Златница» МОУ ДОД «ДДТ Рудничного р-на» г. Кемерово, руководитель Коновалова Т. Н.

«За лучшее акапельное исполнение» – Полякова Е., студия фольклора «Добродея» МОУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи Ленинского района» г. Кемерово, руководитель Закурдаева Т. А.

Ансамбль «Добродея» МОУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи Ленинского района» г. Кемерово по количеству призовых мест в разных номинациях в этом году стал безусловным лидером.

Хочется подчеркнуть, что в этом году в числе призеров появился новый коллектив – фольклорный ансамбль «Подсолнухи» МОУ ДОД «Центр развития творчества детей и юношества Заводского района» (г. Кемерово), руководитель Солдатова Т. А. Выступление этого коллектива оставило благоприятное впечатление у всех зрителей, и решение жюри о том, что они лучшие в своей номинации было единогласным.

Члены экспертной группы отметили в целом хорошую подготовленность

детей к конкурсу, высокий уровень исполнительского мастерства, артистизм, яркие, интересные костюмы, использование народных инструментов в аккомпанементе, использование хореографических зарисовок при постановке номера.

Руководителям детских фольклорных коллективов было рекомендовано:

- по возможности сократить применение в репертуаре стилизованных в народной манере песен, а также предотвращать копирование стиля исполнения и поведения на сцене эстрадных певцов;

- внимательнее относиться к подбору фонограмм, отдавая предпочтение «живому» (инструментальному) аккомпанементу;

- воспитывать у детей сценическую культуру (культуру поведения на сцене);

- тщательнее продумывать образ исполнителя, сохраняя его индивидуальность;

- учитывать региональные особенности исполнения народных песен (местный диалект, подголоски и т. д.).

Подводя итоги анализа, следует отметить, что в результате видеотбора многие фольклорные коллективы из районов области не смогли принять участие в финале областного конкурса, не выдержав конкуренции с городскими коллективами, вследствие чего в ближайшем будущем планируется организовать конкурс «Сибирская звонница» специально для сельских территорий.

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Игорь Петров

АХ ТЫ, ДОЛЯ-ДОЛЮШКА

Коняшка с продавленной спинкой стоит –
Привязана к столбику, у дверей.
Печально на горку крутую глядит
И хочет одно – умереть поскорей...

Щас выйдет хозяин: красная морда
И крикнув: «Пошла!», огреет кнутом.
И лошадь пойдет – понуро, не гордо,
От страха тряся облезлым хвостом.

А красная морда, дыша перегаром,
Унылую песенку заорет.
С утра надираясь, работая даром –
Он раньше лошадки, в сочельник
умрет...

Софья Петрова

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

* * *

Часы остановились.
Время
Продолжает идти...

* * *

Пообтрепались крылья бабочки.
Но она все еще красива...
В пыли на дороге.

* * *

Дыхание осени,
Вначале не заметно...
Седая прядь волос.

* * *

Красные гроздья рябины
Загмили листья.
Бледное солнце на небе.

* * *

Первый снег...
Я ждала его,
Но он выпал внезапно...

Валентин Комаров

ГОРБУН

Как из ада сбежавший сатир,
Телом дряблый, озлоблен и юн,
В нашем доме, в одной из квартир,
Появился угрюмый горбун.
Он живет и гуляет – один.
Из-под шляпы на лоб – завиток,
На горбу у него, впереди,
Вьется золотом тонкий брелок!
Как-то ночью, заснуть он сумев,
Слышал я: где-то там вдалеке –
Бесконечный и грустный напев
Он визжал на чужом языке!..

Валентин Комаров

ОРЕЛ И ВИНО

Зачем насмешка, друг? Сгоняя сон,
Ты старому орлу вино плеснул
в кормушку.

Смотри – решетку рвет когтями он.
И грудью гневно бьет свою клетушку!

На пьяных крыльях тучи не догнать!
Но ветер с гор – и мне мешает спать!

Петр Кузнецов

СОНЕТ МЕЧТЕ

Остановясь у Голубого Храма
Своей мечты, я восклицал: «Прости!
Я был отравлен бреднями Урана
И вовремя не смог к тебе дойти...»

Совсем наготы не стесняясь своей,
Мальчишками мы с крутого обрыва
На голом задоре скользили в Алей.
А там, переплыв неглубокую речку
И выйдя на колкие корни кустов,
Худыми Адамами рвали беспечно
И млели от вкуса диких плодов.
Но помню другое: девятое мая,
Победная музыка с разных сторон.
А мама под вечер вернулась, рыдая
С солдатских, потрясших ее похорон.
Я столько успел узнать, наглядеться,
Что вряд ли другие мне дали года.
Алейское детство, Алейское детство,
Ты сердце мое, ты во мне навсегда.

Игорь Петров

Сказки

КИРПИЧНАЯ СТЕНА

Построили из кирпичей стену. Красивую, крепкую. Стоит стена, сама себе нравится. Только одному кирпичу все не по душе, все не по нраву – и то ему не так и этак.

– Тесно тут у нас, братцы, – стонет кирпич, – прям дышать нечем.

– А как ты хотел? – говорят ему другие кирпичи. – Мы же стена! А в стене каждый кирпич к другому прижимается, чтоб постройка прочной была.

– Да знаю я, но мне как-то не по себе.

– А что тебе не нравится? – спрашивают кирпичи.

– Все, – сокрушается кирпич. – Это что ж, я так всю жизнь в стене и пролежу?!

– А чем плохо?

– Так и не увижу мир? – заплакал кирпич.

Замолчали кирпичи, задумались. «Действительно, – размышляют, – пролежим тут и мир не увидим».

А кирпич тем временем начал мало помалу шевелиться: то в один бок немного подвинется, то в другой, то вверх приподнимется, то вниз опустится. В общем, прошло какое-то время, и выпал кирпич из стены. Упал в лужу и лежит.

– Ну как, – спрашивают кирпичи, – мир?

– Сырой очень, – отвечает кирпич, – а так ничего, дышится легко.

Обидно стало другим кирпичам, что их товарищ на мир смотрит, а они тут торчат. И принялись они тоже вываливаться из стены. Сначала по одному, а потом по двое, по трое...

Не прошло и недели, как завалилась стена на бок и рассыпалась. И вот лежат кирпичи на земле и на мир смотрят...

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ

Жил на дереве молодой листик. Не большой и не маленький, а самый обычный зеленый листик с зазубренными краями и светлыми прожилками. У него было много братьев и сестер таких же, как и он, листьев.

Целыми днями все листья трудились, подставляя себя солнцу и улавливая его лучи. Точно так же трудился и наш безымянный листик, поэтому у него почти не оставалось времени на то, чтобы взглянуть на небо. А небо листик особенно любил. Даже больше, чем землю! В небе летали птицы. Конечно, вы можете спросить, при чем здесь птицы? А при том, что у листика была мечта – он хотел научиться летать.

Никто из братьев и сестер не понимал листика. Все посмеивались над ним, заметив, как он украдкой смотрит в небо.

– Гляди-гляди, все равно упадешь на землю, – кричали они листику.

А листик молчал и продолжал смотреть в небо.

Прошло лето, и наступила осень. Наш листик начал желтеть и сохнуть. Его края стали скручиваться, а черешок потерял гибкость. И вот однажды когда подул сильный ветер, листик оторвался от ветки и полетел. Потоки воздуха подхватили его и подняли высоко вверх, и он оказался рядом с пролетающими мимо птицами.

– Смотрите! – закричал листик. – Я лечу!

Листик покружился несколько минут в воздухе и полетел вниз.

«Надо же какой я счастливый, – подумал падающий листик, – моя мечта осуществилась. Жаль только, что для того, чтобы подняться в небо, нужно сначала засохнуть».

Н. В. Елизарова, И. Л. Елизарова

СКАЗКИ ПРОФЕССОРА ПЕТРОВА И. Ф. ГЛАЗАМИ ПЕДАГОГА

На протяжении длительного периода времени сказки являются одним из наиболее популярных детских жанров. Их особая фантастическая природа в совокупности с простотой и доступностью изложения создают богатые возможности для развития как мыслительной, так и эмоциональной сфер личности ребенка, поэтому их воспитательное значение трудно переоценить.

Современных писателей, работающих в жанре детской литературной сказки, немного. И на это есть свои объективные причины. Написание произведений, адресованных маленькому читателю, представляет чрезвычайную сложность. При своей кажущейся стилистической простоте, сказки – труд-

ный жанр. Его непременным условием должно быть проявление у читателя определенных эмоциональных состояний: радости, сочувствия, отзывчивости, огорчения, сожаления и т. п., вызванных силой воздействия художественного текста, и ставших своеобразным откликом на него. При этом в отличие от произведений, рассчитанных на взрослого читателя, вызванные эмоции должны быть строго разведены по нужным направлениям, в зависимости от описываемых образов и ситуаций. То есть, грубо говоря, любовь и симпатия читателя должны выпасть исключительно на долю положительного героя, а заслужить презрение и ненависть может только отрицательный персонаж. Упрощенная контрастная система «хороший – плохой» учит ребенка нравственно-этическим основам жизни, поэтому в ней не должно быть сбоев.

Кроме того, чтобы сказка в полной мере выполняла свою воспитательную функцию, ей должна быть присуща смысловая гибкость, позволяющая ребенку в рамках вымышленной Вселенной постигать окружающую действительность: на фоне выдуманной интриги моделировать ситуации из реальной жизни, учиться находить позитив, анализировать свои и чужие поступки, искать пути решения конфликтов. Именно поэтому очень важен финал детской сказки. Он не должен быть пессимистичным и безнадежным; добро в конечном счете должно победить зло, праведник – восторжествовать и получить награду за кроткий нрав, терпение и усердие, а злодей – поплатиться за сделанные им «черные» дела, понести справедливое и заслуженное наказание.

Помимо этого, детская сказка должна отвечать возрастным особенностям ребенка, что складывается из нескольких позиций: понятный язык,

усваиваемая смысловая нагрузка, сюжеты, будоражащие воображение, занимательность.

Современный кемеровский писатель-сказочник Игорь Петров в полной мере отвечает всем вышеперечисленным критериям. При всей своей самобытности автор придерживается традиций, характерных для русских народных сказок. Традиция образуется не только влиянием и преемственностью прошлого, но творческими исканиями, предваряющими сознательный выбор современного литератора в сторону какого-либо определенного литературного направления. Так, в сказках И. Петрова можно увидеть традиционные зачины, характерные для народных сказок такие, как «в некотором царстве, в некотором государстве», «жили-были», «как-то раз». Авторскому стилю кемеровского сказочника свойственно употребление в разговорной речи героев устаревших слов и диалектов: «оконфузился», «авось», «чаво», «шанги», «гостинца разные» и др., что также по своей тональности приближает его произведения к народным сказкам. Кроме того, сказки И. Петрова отличает наличие в них множества русских народных пословиц и поговорок: «дураков не сеют и не пашут – они сами рождаются» (сказка «Нет ничего проще, чем давать советы»), «дурню и патроны не нужны, он все равно выстрелит» (сказка «Дурень и ружье»), «слезами горю не поможешь» (сказка «Бурдалай») и т. п., что, несомненно, указывает на следование фольклорной традиции, и наполняет словарный запас ребенка крупицами вековой мудрости. Герои сказочных произведений Петрова носят старые русские имена (Пронька, Параська, Ерема, Афонька, Гаврила, Манька, Гринька, Лука, Макар), что сближает их с бытовыми сказками. Все это дает предпо-

сылки для возможности приобщения маленького читателя к особенностям народного описательного стиля.

Помимо художественных достоинств, сказки Игоря Петрова обладают также педагогической ценностью. Это выражается в формировании у читателя-ребенка положительных моральных качеств и поведенческих установок. К примеру, одна из самых лаконичных сказок «Про Кузьму» учит ни при каких обстоятельствах не падать духом и не поддаваться унынию: «Жил Кузьма не тужил. Начал тужить – и умер...» [1]. Не надо пасовать перед трудностями, говорит автор, нужно стараться их преодолевать; в противном случае не останется ничего другого, как по примеру Силантия из сказки «Неприятности», сидеть целыми днями дома и смотреть в окно, боясь сделать лишний шаг за порог.

Сказка «Яблонька» главной добродетелью объявляет терпение, наглядно, на примере растущего дерева, показывая, что «в жизни ничего быстро не происходит». Схожая мысль прослеживается в сказке «Прямая дорога», где работник, отправляясь с товарами на ярмарку и стараясь поспеть к ее открытию, пытается срыть встретившуюся ему на пути гору, чтобы сэкономить время на объезд.

Сказка «Мужик и лень» с помощью ярких, впечатляющих образов показывает, насколько отталкивающей и губительной может быть невинная привычка нежиться по утрам в мягкой постели. Так, герой сказки, живущий «не сказать, чтоб плохо, и не сказать, чтоб хорошо, а так – средне», но стремящийся к тому, чтобы улучшить свою жизнь, каждый день планирует совершить дела, которые способствовали бы изменению условий его существования (овладеть ремеслом, построить дом и т. д.). Но ба-

нальное желание поваляться подольше в кровати ставит крест на всех его начинаниях: «Полежу-ка я часок, другой, а потом встану и начну жить лучше», – рассуждает про себя мужик-бездельник; «да не тут-то было: встанет он через этот самый часок, а уже поздно – кто-то другой раньше встал и заместо него зажил лучше» [2].

Лень у Петрова не просто понятие. Она одушевлена, зрима и осязаема: «...Взглянул мужик в то зеркало и видит, что на левом плече у него толстая-претолстая тетка сидит и ему глазки строит и улыбается.

Отпрянул мужик от зеркала и на плечо уставился. Смотрит, и понять ничего не может – на плече никого нет.

– Что за наваждение?! – испугался мужик.

– Никакое это не наваждение, – говорит бабка. – Это твоя лень.

И узнал мужик тайну. Оказывается, лень есть у каждого. Она появляется прежде, чем рождается человек. И как только человек на свет появляется – сразу ему на левое плечо садится. Растет человек – и она вместе с ним растет. И никак от нее не избавиться. Так уж суждено, что человек и лень идут по жизни вместе. Только один с ней справляется – и тогда она делается маленькой, почти незаметной, а другой во всем ей потакает – и тогда она становится большой и толстой и завладевает человеком» [3].

И только труд, по мнению автора, способен улучшить жизнь человека и сделать его счастливее. Именно поэтому героям произведений Петрова практически никогда ничего не достается даром, несмотря на то, что его сказки изобилуют всевозможными волшебными вещами и таинственными персонажами, во власти которых исполнение любого желания. Лишь то, что постро-

ено собственными руками, может быть предметом обладания, остальное – исчезает, как дым. Так, в сказке «Золотое вымя» герой обречен на вечные поиски вымени, из которого сыплются деньги, а жители деревни из сказки «Добрый медведь», не умеющие ни пахать, ни сеять и ждущие помощи извне, в конечном счете оказываются голодными и обездоленными, и только собственные усилия спасают их от вымирания.

Большое внимание в сказках Игоря Петрова уделяется осуждению человеческой глупости. Не случайно многие персонажи его произведений имеют емкое и хлесткое имя-характеристику – Дурень. По мнению автора, истоки глупости таятся в бесцельном и бездеятельном существовании, а лень и бесполое – родные сестры. Этот тезис весьма наглядно представлен в сказке «Как дурень лодочником был», в которой герой-лодырь, поленившись вычерпывать из лодки воду ковшом, прорубил дыру в днище, чтобы вода сама уходила, и в результате отправил свое суденышко на дно реки.

Сквозной темой сказок И. Петрова является дружба. По мнению автора, именно товарищеское, уважительное отношение людей друг к другу способствует совместной работе, а недоверие и враждебность разваливают любое дело. Логика сказок на эту тему обыгрывается следующим образом: в сказке «Часы», например, спор о том, кто важнее в часовом механизме, который ведут шестеренки, стрелки, пружина, цифры, винтики и маятник, приводит к его порче; сказка «Кирпичная стена» повествует о том, как желание одного кирпичика поступать по-своему и жить обособленной жизнью, разрушает кирпичную кладку; в сказке «Дружба» перестают открываться двери амбара, когда разлучаются два закадычных прияте-

ля – замок и ключик; а в сказке «Чашка и блюдце» конфликт между фарфоровой чайной парой по поводу того, из кого хозяева чаще пьют чай, приводит к трагическому финалу – блюдце разбивается, а чашка из шкафа, где хранятся дорогие сервизы и хрусталь, отправляется в изгнание – на кухню, в общество простой столовой посуды.

Параллельно с темой дружбы идет развитие темы самопожертвования во имя нее. В сказке «Копеечка» монетка решается на тягостные скитания и покидает уютный бархатный кошелек, где у нее много друзей, когда узнает, что владелице кошелек – маленькой девочке, которой она симпатизирует, не хватает денег на покупку леденца. А опасавшаяся сгореть и прячущаяся по коробкам спичка из одноименной сказки вспыхивает жертвенным пламенем, чтобы зажечь фитиль погасшей свечи.

Пристальное внимание в своих произведениях автор уделяет теме следования за своей мечтой, невзирая ни на какие препятствия. Например, в сказке «Льняное полотенце», рассказывающей о судьбах махрового и льняного полотенца, первое, ни о чем не мечтавшее и думающее лишь о том, как бы спокойно отлежаться на полке в комод, в финале превращается в половую тряпку, которой моют крыльцо. Второе, мечтавшее о полете, становится воздушным змеем, взмывающим в облака. Схожее желание претворяется в жизнь и в сказке «Осуществление мечты», где главным героем является листок дерева. Своеобразным резюме, подчеркивающим значимость упомянутой выше темы, являются строки из сказки «Ягодка» – «если не сидеть, сложа руки, а трудиться, то самая заветная мечта может осуществиться» [4]. При этом автор в своих произведениях дает понять читателю, что мечта – это нечто сокровенное и интим-

ное, и ее надо очень тщательно и бережно охранять от злых и завистливых глаз, ненужных и бесполезных советов. Так, в сказке «Женитьба» герой так и остался до конца жизни холостяком, потому что, полагаясь на мнение соседней да знакомых, забраковал всех окрестных красавиц. А героиня сказки «Глупая лягушка», напротив, не став придавать значение словам обитателей курятника о том, что болото – это нечто грязное, вязкое и пахнущее гнилью, обрела свой родной дом.

Лейтмотивом многих сказок Петрова является также тема жизненного предназначения, которая выстраивается в каждом произведении по-своему, но при этом общий стержневой мотив остается неизменным: у всякого предмета – особое назначение, у человека – своя миссия. Любые попытки отклониться ведут, выражаясь языком эзотериков, к искажению жизненной программы. В сказке «Бревно», например, добротный и крепкий кусок дерева, предназначенный для строительства корабельной мачты, отказывается от своей участи, находя ее не слишком презентабельной. После, уже потеряв былую форму, потемнев и распухнув, отказывается и от того, чтобы из него сделали столб, а спустя какое-то время, не пожелав быть пущенным на доски, покрывшись плесенью и грибами, в конечном итоге попадает в печь, как самая что ни на есть обычная поленница дров. В сказке «Зернышко по имени Нетак» пшеничное зерно, не желая, подобно тысячам своих соплеменников, расти в недрах влажной черноземной пашни, вывалилось на проезжую дорогу и засохло, в то время как ее товарищи превратились в спелые наливные колосья.

Сказки Игоря Петрова в доступной, незатейливой манере знакомят юных читателей с устройством окру-

жающего мира. Так, сказка «Ленивый сон» образно и красочно объясняет назначение часов, выводя на передний план сновидение, которое, не желая улетать с восходом солнца на небо, оставалось среди людей в течение целого дня, что привело к тому, что те перестали вставать по утрам и ходить на работу; а когда жизнь в городе совсем остановилась – решили прогнать его шумом, для чего установили на городской башне музыкальные часы.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что сказки кемеровского писателя Игоря Петрова имеют богатые возможности для гармоничного развития личности ребенка, поскольку, говоря словами К. И. Чуковского, в полной мере «совершенствуют, обогащают и гуманизируют детскую психику», а потому могут быть активно использованы в воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Примечания

1. Петров, И. Сказки / И. Ф. Петров. – Кемерово, 2008. – С. 472.
2. Там же. – С. 229.
3. Там же. – С. 231.
4. Там же. – С. 10.

V. РЕЦЕНЗИИ

КУРБАТОВ В. П. «СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СПЕКТАКЛЯ КАК СИСТЕМНЫЙ ОБЪЕКТ». – КЕМЕРОВО: КЕМЕРОВ. ГОС. УН-Т КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ, 2007. – 182 с.

Актуальность пособия В. П. Курбатова не вызывает сомнений. Автор адресует свою работу студентам университета культуры и искусств, актерской и режиссерской специализации очного и заочного отделения, осваивающим основы режиссуры и актерского мастерства, а также выпускникам университета, возглавляющим любительские театральные коллективы, и режиссерам-практикам.

Стоит отметить, что работы, помогающие овладеть основными практическими навыками в области режиссуры и актерского мастерства, достаточно редки. Безусловно, богатый практический материал, подкрепленный теоретическим анализом, – одно из достоинств данной работы.

Сценический образ спектакля – основа театрального искусства. Во-первых – природа сценического образа фундаментальная проблема театральной теории. Во-вторых – решение проблем, связанных с природой сценического образа, имеет не только познавательное, но и методологическое значение. В сценическом образе как в фокусе собираются и пересекаются такие ключевые для театрального искусства вопросы и категории, как интеллектуальное, объективное и субъективное, действительность и воображение, социальное и личностное, повторимое и неповторимое, познавательное и ценностное. В-третьих – при-

рода театрального искусства (а значит, и сценического образа) не является статичной и неизменной величиной. Вне истории, вне пространства и времени, нельзя постичь ни сущности, ни закономерности качественных изменений в создании сценического образа.

Образ рассматривается в пособии как единая система. После обоснования системного подхода автор анализирует подсистемы сценического образа в порядке их иерархии: актерская, сценографическая, вещественно-предметная и музыкально-шумовая, которые могут выступать как самостоятельные системы. В пособии с помощью схем объясняется, что все системы, составляющие образ, взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом таким образом, что при изъятии одной, оставшиеся не имеют смысла.

Автор разбирает знаковую систему образа и предлагает собственную классификацию знака, применительно к сценическому образу.

Теоретическая значимость данного пособия заключается в осуществлении анализа комплексной проблемы взаимосвязи видов искусств в сценическом образе как системе и знаковом языке каждой из подсистем и всей системы в целом. Приведенные в пособии понятия и определения помогут студентам и практикам глубже понять и разобраться в природе сценического образа.

Практическая значимость состоит в том, что понятийный аппарат, выработанный автором, то есть определение сценического образа как системы, понятия и характеристики художественного, художественно-эстетического и сценического образов, определение подсистем и знаковой системы, должен способствовать более углубленному научному осознанию театрального искусства в целом и изучению сценического образа спектакля в частности.

Пособие В. П. Курбатова значительно по объему предлагаемого материала. Структурно оно делится на три части:

Первая – введение в режиссуру, где рассматривается история становления режиссерского искусства, сходства и

различия психологического, условного и эпического театров.

Вторая – сценический образ спектакля, понятия, специфика его исторического развития и проблемы объективного и субъективного при создании и восприятии образа.

Третья – рассматривается полисистемность сценического образа, где разбирается «Сценический образ как система», «Знаковая система сценического образа» и «Сценический образ как художественная система массовой коммуникации».

В финале каждого параграфа представлены контрольные вопросы для самопроверки и список необходимой литературы, что поможет студентам уточнить и конкретизировать представленный материал.

*Кандидат культурологии,
доцент Т. А. Григорьянц*

БАЛАБАНОВ П. И., СЕЧИНА И. А. «МУЗЫКАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ». – КЕМЕРОВО: КЕМГУКИ, 2008. – 139 С.

В представленной работе подчеркивается, что в настоящее время в связи с развитием философско-методологического анализа востребована необходимость найти более адекватные формы понимания и объяснения феномена музыки, занимающего важное место в современной культуре.

В монографии авторы используют исторический и логический методы исследования, метод классификации, метод категориального анализа основных понятий – реальность, знание, формы организации научного и вненаучного знания и др.

Теоретическая значимость данной работы определяется значимостью проблем современной гносеологии и методологии науки и такой специально-конкретной познавательной деятельности в сфере культуры, как музыковедение. Приведенные в исследовании результаты способствуют более точному и углубленному исследованию музыковедения.

Практическая значимость данной работы состоит в возможности использования ее материалов в преподавании философии, истории философии и педагогики в вузах, в колледжах культуры и искусств, в курсах истории музыковедения.

В первой главе «Реальность и музыка» рассматриваются подходы в изучении реальности различных авторов и научных школ, анализируется их значение, а также определяется статус музыкальной реальности.

В первом параграфе первой главы «Представление о реальности» пока-

зывается что, мир различным образом представлен в познании, как свидетельствует о том история философии, поэтому понятие реальности имеет различное содержание, но обсуждаемые в настоящее время типы реальности указывают на разные способы существования мира.

Во втором параграфе «Специфика музыкальной реальности» авторы, основываясь на интерпретации музыки с философских, эстетических, психологических позиций, раскрывают различные подходы в понимании музыкальной реальности, дают ее рабочее определение резюмируют, что введение представлений о музыкальной реальности накладывает обязательства по конкретизации музыковедения в соответствии со спецификой предмета и теоретико-познавательными процедурами его освоения.

Во второй главе «Особенности музыкального познания в системе современного знания», рассматривая гносеологическую проблематику музыкального познания, авторы показывают, что музыкальное знание рождается в сложном взаимодействии деятельности субъекта и его сознания, естественного и искусственного звучания окружающего мира и его влияния на человека.

В первом параграфе «Знание в музыкальном познании: исторический аспект» исследуется история возникновения и развития музыкального знания в философии и музыковедении, отмечаются тенденции развития музыковедения.

Во втором параграфе «Музыкальное познание в XX веке» рассматрива-

ются вопросы применимости самого понятия науки к теории музыки, ее отдельным дисциплинам; отмечается потенциал связей музыкознания с гуманитарными науками.

В третьей главе «Музыкальное познание как синтез научных и внеучных форм знания о музыкальной реальности» предлагается ряд концепций толкования сущности музыки. Авторы выделяют основные особенности современного внеучного знания и черты, по которым можно отличить его от научного. Потребность этого аргументируется тем, что в существующей научной литературе желанию зафиксировать их принципиальную разницу посвящено немало трудов.

В первом параграфе данной главы «Знание и его классификация» авторы приводят разные трактовки феномена знания, указываются попытки классифицировать известные формы знания, высказывается наибольшая заинтересованность диалектикой научного и внеучного знания в применении к музыкознанию, отмечается, что в современном музыкознании используются в основном научные формы знания.

Во втором параграфе «Научные и внеучные формы знания в музыкознании» рассматривается динамика классического образа науки на протяжении последнего века; отмечается,

что, несмотря на существенные отличия в трактовках научного и внеучного знания, в некоторых видах знания в состоянии взаимодополнительности существуют и функционируют как научные, так и внеучные формы знания, в частности тема музыкального произведения как синтез научного и внеучного знания.

В заключении формулируются перспективные направления дальнейшей разработки проблемы.

В целом можно отметить, что полученные результаты в данной работе эксплицируют многие неосознаваемые явления, позволяющие проследить эволюцию музыкознания, систематизировать научные представления о творческих процессах в искусстве, что выявляет интегративные начала для философии, психологии, музыкознания, детерминированные расширением проблемного поля исследования творчества.

Монография вносит вклад в решение определенной конкретной теоретико-познавательной философской задачи на материале музыкознания.

Данное исследование и его материалы можно использовать в вузовских курсах философии, в разработке современных подходов к преподаванию музыкально-теоретических дисциплин, а также при чтении спецкурсов и курсов по выбору.

*Доктор философских наук,
профессор В. И. Красиков*

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Виктория Петровна Геращенко (1938 г. р.) – доцент кафедры культурологии, директор Музея истории костюма НИИ прикладной культурологии КемГУКИ. В 1965 году поступила в Ленинградский институт культуры им. Н. Крупской, хореографическое отделение по классу н. а. РСФСР Б. Брегвадзе и К. Леонидовой. В 1969 году по распределению комиссии Министерства Культуры была направлена в Кемеровский государственный институт культуры. Изначально занималась организацией и руководством кафедры хореографии, комплектованием кадров, набором студентов и т. д. В 1984 г. поступила в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина в Ленинграде, по специальности «Теория и история изобразительного искусства», получив квалификацию искусствоведа.

С 1970-х годов, ежегодно, В. П. Геращенко проводила со студентами разовые выставки студенческих работ по истории костюма. Итогом этих усилий стало открытие в КемГАКИ в 1999 г. Музея истории костюма. С 2000 г. входящий в структуру НИИ прикладной культурологии в качестве одного из отделов, Музей в полной мере ведет научную работу. Функционирование Музея Истории костюма под руководством Виктории Петровны позволило вовлечь студентов разных специальностей в творческий процесс изучения, сохранения и сочинения костюма во всех его разновидностях. Важнейшее направление работы музея состоит

в поиске, сохранении, изучении и пропаганде костюма народов сибирского региона, традиции которого составляют неотъемлемую часть отечественной культуры.

В. П. Геращенко опубликовано более 60 публикаций в сборниках СО АН СССР, журнале «Балет», «Ученые записки НИИ прикладной культурологии» и др. В том числе «Основы танцевального искусства» (Комплексная программа для балетной студии Театра оперетты Кузбасса), Кемерово, 1995; «Костюм Московской Руси XV–XVII», Кемерово, 2006. Сдана в печать монография «Дославянские истоки русского костюма».

За свою научно-исследовательскую, педагогическую и творческую деятельность Виктория Петровна была неоднократно награждена: знак «За отличную работу» Министерства культуры СССР (1985), медаль «Ветеран труда» (1988), медаль «За веру и добро» (2004).

Коллеги сердечно поздравляют Викторию Петровну с юбилеем!

Ольга Васильевна Гусева (1948 г. р.) – кандидат культурологии, с. н. с. отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии КемГУКИ. В 1973 г. закончила Ленинградскую государственную консерваторию им. Римского-Корсакова по специальности «Музыковедение» и была распределена в Кемеровский государственный институт культуры. С 1999 г. являлась соискателем при

кафедре культурологии КемГАКИ. В 2003 г. защитила кандидатскую диссертацию «Культуротворческий потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона». С 1992 г. О. В. Гусева – декан факультета музыкального искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Область научных интересов – регионалистика, региональная культура, музыкальная культура региона, музыкальное образование Кузбасса. С 2002 г. О. В. Гусева – старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ, рецензирует кандидатские диссертации, является редактором сборников научных трудов, руководит студенческим научным кружком, исследовательская деятельность которого направлена на изуче-

ние музыкальной культуры Кузбасса. Ею опубликовано более 30 научных работ.

О. В. Гусева – член правления Творческого Объединения композиторов Кузбасса, музыковед Губернаторского симфонического оркестра филармонии Кузбасса, эксперт «Государственной службы аттестации и лицензирования» Кемеровской области в сфере дополнительного музыкального образования.

За свою научно-исследовательскую, педагогическую и творческую деятельность удостоена правительственных наград: знака «За достижение в культуре» (2000), медали «За веру и добро» (2004), медали «За служение Кузбассу» (2006).

Коллеги сердечно поздравляют Ольгу Васильевну с юбилеем!

НАШИ АВТОРЫ

ГОРОДИЩЕВА Анна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии науки Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск)

АБСАЛЯМОВ Марат Бахтаевич – доктор культурологии, профессор зав. кафедрой культурологии и философии науки Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск)

КОВЕШНИКОВА Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

УЛТУРГАШЕВА Надежда Торжувевна – доктор культурологии, зав. отделом традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

УЛТУРГАШЕВА Ирина Григорьевна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ЗОЛОТУХИН Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета (Кемерово)

КУРБАТОВ Владимир Петрович – старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ВЕРЕЩАГИНА Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск)

БОРОДИНА Елена Михайловна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ГЕРАЩЕНКО Виктория Петровна – доцент, директор Музея истории костюма НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

КИСЕЛЕВ Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения КемГУКИ (Кемерово)

КРАСИКОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета (Кемерово)

КОМАРОВ Валентин Евгеньевич – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ЖУКОВА Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кемеровского государственного университета (Кемерово)

ГРИГОРЬЕВА Ольга Анатольевна – кандидат культурологии, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Бийского педагогического государственного университета (Бийск)

НИИ ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

КУЗНЕЦОВА Нина Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кемеровского государственного университета (Кемерово)

КУЗНЕЦОВА Елена Сергеевна – кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ДОРОШЕНКО Наталья Алексеевна – научный сотрудник НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

КУКЛИНА Валентина Алексеевна – кандидат культурологии, менеджер по рекламе ООО «Аргументы и факты в Кузбассе» (Кемерово)

КОШКАРОВ Анатолий Геннадьевич – преподаватель Новокузнецкой православной духовной семинарии (Новокузнецк)

КЛЕЦОВ Юрий Владимирович – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

АФАНАСЬЕВА Ирина Владимировна – аспирант Кузбасского государственного технического университета (Кемерово)

ЗАУЭРВАЙН Лариса Теодоровна – кандидат философских наук, начальник Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области

СЕЧИНА Инга Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ученый секретарь НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

КУЗНЕЦОВ Петр Васильевич – доктор фармацевтических наук, профессор, зав. кафедрой фармацевтической и токсикологической химии Кемеровской государственной медицинской академии (Кемерово)

КУЛЕМЗИН Анатолий Михайлович – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой музееведения Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

ПЕТРОВ Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, зав. отделом региональной культуры НИИ прикладной культурологии при КемГУКИ (Кемерово)

ТУЕВ Виктор Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социально-культурной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

ПЕТРОВА Софья Игоревна – студентка Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

ЕЛИЗАРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, руководитель Центра развития карьеры НОУ ВПО «Омский юридический институт» (Омск)

ЕЛИЗАРОВА Ирина Леонидовна – соискатель Омского юридического института (Омск)

ГРИГОРЬЯНЦ Татьяна Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театра и актерского мастерства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (Кемерово)

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

Культурология и краеведение

<i>Городищева А. Н.</i> Глобализация как метод аутентификации культуры.....	3
<i>Абсалямов М. Б., Ковешникова Е. А.</i> Мифологическая картина бытия в древних культурах Сибири.....	14
<i>Ултургашева Н. Т., Ултургашева И. Г.</i> Мировоззренческая основа музыкального фольклора в контексте традиционной культуры.....	23
<i>Золотухин В. М.</i> Социокультурный процесс и инновационная деятельность.....	27
<i>Курбатов В. П.</i> Игра как способ бытия массового праздника.....	32
<i>Верещагина И. М.</i> Актуальная тенденция в развитии «хобби-деятельности» личности.....	38
<i>Бородина Е. М.</i> Диалектный язык как способ отражения специфики фольклора Кемеровской области.....	42
<i>Герашенко В. П.</i> Музей костюма: грани вузовской специфики.....	49
<i>Киселев А. В.</i> Историкографический анализ понятий «край» – «краеведение».....	59

Философия и искусство

<i>Красиков В. И.</i> Русская философия в XIX веке: конституирование и поиски идентичности.....	67
<i>Комаров В. Е.</i> Феномен гармонии (теория и практика).....	76
<i>Жукова О. И.</i> Самость человека как предмет философской рефлексии.....	81
<i>Григорьева О. А.</i> Особенности презентации индивида в информационном поле.....	92
<i>Кузнецова Н. В.</i> Единый этос планеты: аксиолого-этические аспекты.....	97
<i>Кузнецова Е. С.</i> Категории этноса и нации в философской и гуманитарной рефлексии.....	103
<i>Дорошенко Н. А.</i> Общение и коммуникации: единство и различие.....	126
<i>Куклина В. А.</i> Рекламный гипертекст как способ адаптации рекламного текста к киберпространству.....	130
<i>Кошкарлов А. Г.</i> Механизмы кризиса религиозной культуры в контексте индустриального общества на юге Западной Сибири во второй половине XX века.....	137

Образование, культура, история

<i>Клецов Ю. В.</i> Ситуация на рынках труда и образовательных услуг как фактор социально-экономического развития Кузбасса.....	142
<i>Афанасьева И. В.</i> Художественный конкурс как результат культурной деятельности учреждений дополнительного образования детей.....	155

II. КОНЦЕПЦИИ. ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ

<i>Заурвайн Л. Т.</i> Основные направления культурной и национальной политики в Кузбассе в 2007 г.	160
---	-----

III. КОНФЕРЕНЦИИ. ФЕСТИВАЛИ. КОНКУРСЫ

<i>Кузнецова Е. С.</i> Презентация областных мастер-классов по развитию повседневных культурантропологических семейных практик.....	181
---	-----

<i>Сечина И. А.</i> Областной конкурс исполнителей народной песни «Сибирская звонница».....	184
---	-----

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

<i>Петров И.</i> Ах-ты, доля-долюшка.....	186
---	-----

<i>Петрова С.</i> Осенние мотивы.....	186
---------------------------------------	-----

<i>Комаров В.</i> Горбун.....	186
-------------------------------	-----

<i>Комаров В.</i> Орел и вино.....	186
------------------------------------	-----

<i>Кузнецов П.</i> Сонет мечте.....	186
-------------------------------------	-----

<i>Кулемзин А.</i> Декабрьский вечер.....	187
---	-----

<i>Туев В.</i> Алейское детство.....	187
--------------------------------------	-----

<i>Петров И.</i> Сказки.....	188
------------------------------	-----

<i>Елизарова Н. В., Елизарова И. Л.</i> Сказки профессора Петрова И. Ф. глазами педагога	189
--	-----

V. РЕЦЕНЗИИ

<i>Григорьянц Т. А.</i> Курбатов В. П. «Сценический образ спектакля как системный объект». – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – 182 с.	194
---	-----

<i>Красиков В. И.</i> Балабанов П. И., Сечина И. А. Музыкальная реальность. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – 139 с.	196
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Виктория Петровна Геращенко.....	198
----------------------------------	-----

Ольга Васильевна Гусева.....	198
------------------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ	200
--------------------------	-----

Научное издание

УЧЕНЬЕ ЗАПИСКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИКЛАДНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

Том 1(5)

Редактор *Т. В. Сафарова*
Дизайн обложки *М. А. Иноземцева*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 16.11.09. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 500 экз. Заказ № 429.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru